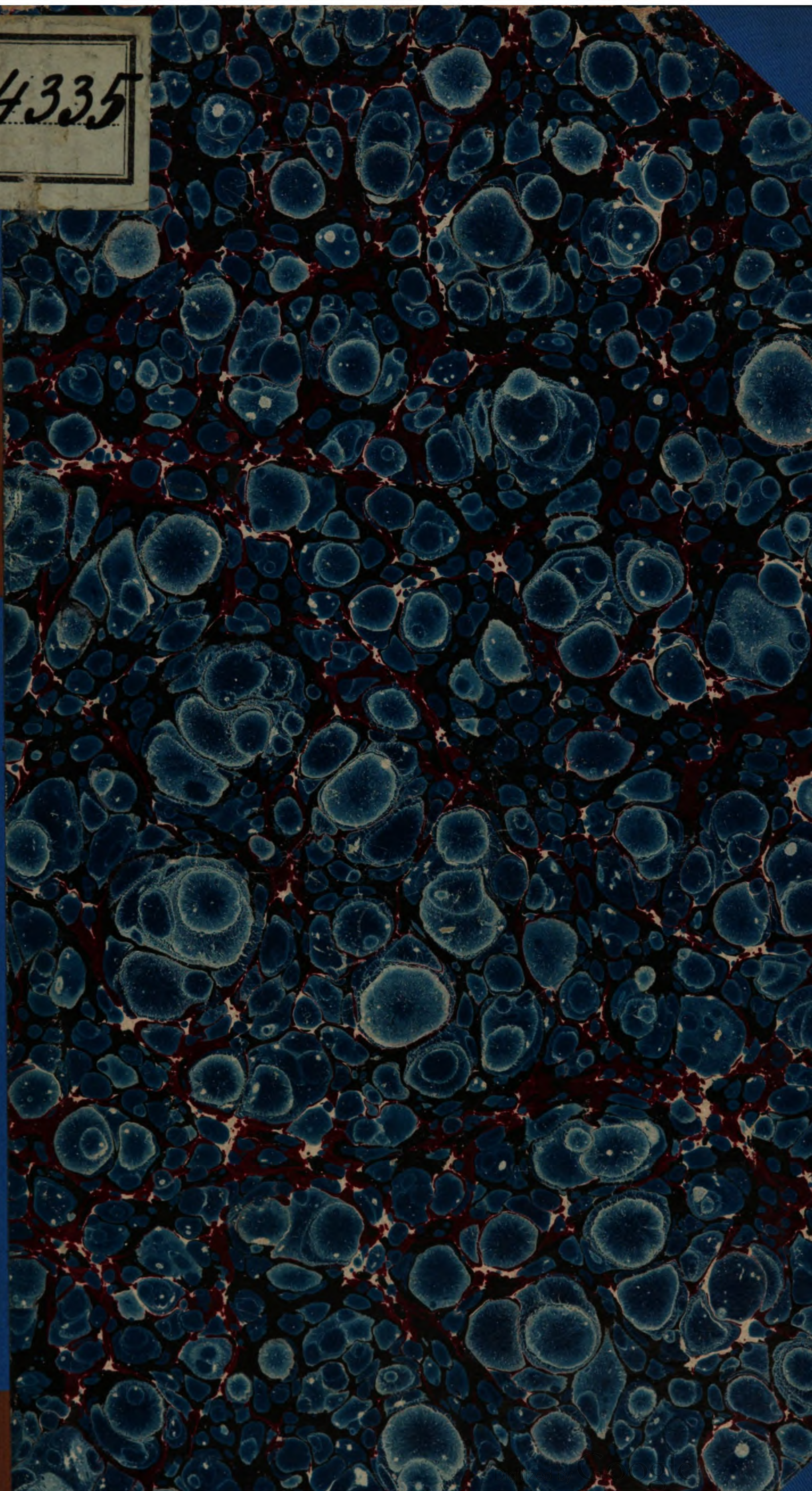

ЗАМѢТКИ
О
МАЛОРУССКОМЪ
НАРѢЧІИ.

А. Потебни.

Перепечатано изъ «Филологическихъ Записокъ» 1870 г.

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи В. А. Гольдштейна.
1871.

Дозволено Цензурой. Москва, 23 Ноября 1870 г.

ЗАМѢТКИ
О МАЛОРУССКОМЪ НАРѢЧІИ.

—

Экспедиція, недавно снаряженная Русскимъ Географическимъ Обществомъ для этнографическаго и статистическаго изслѣдованія Юго-западнаго края, обратилась къ разнымъ лицамъ съ просьбою сообщать ей свѣдѣнія о Мало-русскомъ населеніи и за предѣлами этого края. Въ числѣ программъ, разосланныхъ экспедиціею, находится и «Программа для указанія особенностей мѣстныхъ народныхъ говоровъ въ Южной Россіи», составленная И. П. Новицкимъ. Я постараюсь разсмотрѣть эту программу и вмѣстѣ дополнить ту часть своей статьи «О звуковыхъ особенностяхъ Русскихъ нарѣчій» (*), которая относится къ Мало-русскому нарѣчію.

Къ § *27 моей статьи*. Въ «Топографическомъ описаніи Черниговскаго намѣстничества», составленномъ Аѳ. Шафонскимъ въ Черниговѣ 1786 г. и изд. М. Судьенкомъ въ Кіевѣ 1857, (§§ 5 и 12), находимъ слѣдующее, весьма замѣчательное по своему времени, географическое и этнографическое раздѣленіе Малой Россіи, т. е. нынѣшней Черниговской, Полтавской и части Кіевской г.

А) Въ географическомъ отношеніи Малая Россія дѣлится, на *южную*, степную и черноземную, которая начинается верстъ за тридцать до восьмидесяти отъ лѣваго берега Десны и Сейма и простирается къ В. и Ю. «сквозь» до

(*) Въ Филолог. Зап. 1866 г. и, вмѣстѣ съ другою статьею «О полногласіи», отдѣльною книжкою подъ заглавіемъ «Два изслѣдованія о звукахъ Рус. яз.» Ворон. 1866.

Днѣпра и Псла, захватывая между прочимъ части уѣздовъ Козелецкаго, Нѣжинскаго, Борзенскаго, уѣздъ Конотопскій и часть Коропскаго, и *сѣверную*, лѣсную и супесчаную, къ сѣверу отъ первой. Степныя стороны въ лѣсной части называются полянами, жители степные *полевиками*, а вся степная часть «начиная отъ самой Десны» Украиною, т. е. крайнимъ, пограничнымъ краемъ (*), полевики же называютъ *Прилѣсье* и жителей *Литвою*.

Б) По фонетическимъ признакамъ языка (разному выговору рѣчей) и тѣлосложенію народа Шафонскій дѣлитъ Малую Россію на три полосы: а) Сѣверо-западная полоса, *Полѣсье* по преимуществу, между Десною, Ипутью, Сожью и Днѣпромъ. Народъ роста небольшаго и бѣлокурый. б) Средняя полоса, составляющая переходъ отъ Полѣсья къ полямъ, между Десною, Сеймомъ и Сулою внизъ по Лубны, а отъ Лубенъ вправо къ Деснѣ и Днѣпру, по Кіевъ включительно. «Въ сей полосѣ самый чистый Мало-россійскій языкъ употребляется, который Литовскаго очень мягкаго, ни степнаго грубаго и тяжелаго выговора не имѣетъ. Жители роста средняго, немного выше первыхъ, волосами потемнѣе». в) Юго-восточная

(*) Вотъ точка зрѣнія, съ которой восточный Мр. говоръ можетъ быть названъ украинскимъ; распространіе же этого названія на все малорусское нарѣчіе возможно только съ Велико-русской точки зрѣнія. Къ слову замѣчу ошибочность утвержденія (Фил. Зап. 1869, I, 5), основаннаго якобы на Ипат. лѣт. (160, 32), будто Южно-русскій народъ еще въ XIII в. называлъ свою сторону Украиной. Всякая крайняя отъ чего нибудь земля называлась украиною, и потому въ Ипат. лѣтописи упоминается нѣсколько украинъ: украина Переяславская (134, 24), украина Галицкая (138, 9), украина отъ Лядской земли, куда отнесенъ и Берестій, нынѣшній Брестъ Литовскъ (160, 32) и даже украина не Русская а Лядская: Ляхове украиняне (203, 13), городъ въ землѣ Лядьской „на вкраинии" (208, 24). Да и теперь это слово имѣетъ по преимуществу нарицательное значеніе. На Украинѣ (съ точки зрѣнія Сѣверянина) т. е. въ Полтавской губ. или въ бывшихъ слободскихъ полкахъ мы встрѣтимъ напр. бабу „украјінку" названную такъ потому, что долго ходила на заработки «на вкрајіну,» т. е. куда нибудь дальше на Югъ, къ Одессѣ, на Черноморье, на Донъ, къ Ставрополю. Когда въ извѣстной пѣснѣ братъ спрашиваетъ сестру: „чи привикла, сестро, на вкрајіні жити?", онъ разумѣетъ только: далеко отъ дому. Украјіна—страна вообще: „прибувати украјін далеких" „въ свою украјіну," и даже свѣтъ, какъ часть вмѣсто цѣлаго: „весь світ—украјіна."

полоса—между Псломъ съ одной стороны и Сулою по Лубны, гдѣ перешедши на правую сторону Суды—до Днѣпра. Сюда принадлежитъ между прочимъ Переяславскій уѣздъ. «Во всей этой полосѣ нарѣчіе употребляется твердое и грубое и отъ обѣихъ первыхъ отмѣнное, напр, въ Полѣсьи говорятъ: *конь*, *ножъ*, *волъ*, въ Глуховѣ и Нѣжинѣ—*кунь*, *нужъ*, *вулъ*, а за Лубнами—*кинь*, *нижъ*, *вилъ*. Въ этой полосѣ народъ вообще роста высокаго, худощаваго, лицемъ смугловатъ и волосомъ темнорусый.»

Одну неточность въ этомъ дѣленіи мы можемъ исправить на основаніи показаній самого Шафонскаго. Полѣсье есть терминъ географическій и въ этнографическомъ отношеніи не представляетъ единства. Оно захватываетъ часть Орловской губ. (Брянскій у.), а въ обозначенныхъ Шафонскимъ предѣлахъ, въ бывшей Новгородсѣверской, нынѣшней Черниговской губ.—Мглинъ, Суражъ, Погаръ, Стародубъ, Новозыбковъ, мѣстности, относящіяся къ области Южно-велико-русскаго нарѣчія. Самъ Шафонскій говоритъ: «тѣ селенія (на Полѣсьи), которыя къ самымъ границамъ Орловской и Смоленской губерніи прилегаютъ, имѣютъ много въ своемъ нарѣчіи сходнаго съ селеніями тѣхъ губерній.» Въ сборникѣ г. Аѳанасьева есть нѣсколько сказокъ, записанныхъ въ Погарѣ Черн. губ., довольно удовлетворительныхъ въ фонетическомъ отношеніи, изъ коихъ видно, что хотя по лексическому составу тамошній говоръ почти совершенно тождественъ съ Мало-русскимъ, но въ фонетическомъ не представляетъ ни одной *исключительно* Мало-русской черты и потому долженъ быть причисленъ къ Велико-русскимъ, составляющимъ переходъ къ Мало-русскому нарѣчію;

— *ы* и *и* не переходятъ тамъ въ о, е ни въ глагольныхъ корняхъ, ни въ оконч. *ый*, *ій* прилаг. ед. ч. м. р.

— *о* неударяемое=*а*, но въ глагольн. характерѣ *ова*=*у*, какъ и во многихъ Мр: закусувать, распрашувать, расказувать.

— *е* и *ѣ* неударяемые измѣняются по Южновеликорусски, по образцамъ: бирягу, топя (изъ топе, топитъ).

— *ѐ* въ оконч. *ье* послѣ удвоенной согласной=*я*: кушання.

— *е* ударяемое=*ё*, какъ въ Юж. Вр., съ нѣкоторыми особенностями, свойственными и Бр. говорамъ, напр. ёсть, свaёй.

— *ый*, *ій* въ имен. ед. прил. не сокращается въ *ы*, *и*.

— Сокращеніе *е*: въ свайму и т. п.

— *о* въ началѣ словъ послѣ гласныхъ можетъ опускаться: на 'дпом рябрѣ.

— *ы* и *и*=*і* различаются.

— *е* постоянно мягко послѣ согл., допускающихъ смягченіе.

— гортанные измѣняются вообще по старинному: дацце, Аленце (*ѣ*), но часты отклоненія: на дорогѣ и т. п.

— *р* мягко: царь, царя, крюк.

— *ц* изъ *т*—*с*, а кажется и *ц* основное, твердо: бицца, на щацѣ=-*це*.

— *л*=*в* и *в*=*у*, какъ въ Мр.

— Дзеканья нѣтъ, и если считать присутствіе этого признака непремѣнною принадлежностью Бр. говоровъ, то это говоръ не Бѣлорусскій.

По словамъ г. Микуцкаго, Суражъ относится къ области Бр. говоровъ (Изв. II отд. Ак. Н. IV, 110).

Съ другой стороны, хотя по словамъ Шафонскаго, «полевики» все Полѣсье называютъ Литвою, хотя дѣйствительно они безразлично называютъ Литвинами и Бѣлоруссовъ и Мало-россіянъ сѣверной полосы, но эти послѣдніе, по всей вѣроятности, отличаютъ себя отъ Литвиновъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, т. е. отъ Бѣлоруссовъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ дзекающіе Заблудовцы. Самъ Шафонскій не относитъ Мало-русскихъ уѣздовъ Черниговскаго и Городненскаго къ Литовскимъ (т. е. Бр.), а говоритъ, что въ нихъ только «нѣсколько начинается выговоръ Литовскій» (§§ 95, 137). Свѣдѣніе, что на Полѣсьи говорятъ: конь, вол, въ примѣненіи къ Мало-русской части этого края, несправедливо. Гораздо ближе къ исти-

нѣ г. Максимовичъ, который находитъ въ *Сѣверской* разности Южно-русскаго языка, отдѣляемой отъ разности Кіево-Переяславской рѣкою Сеймомъ, большое разнообразіе въ произношеніи *о*: куинь, куопь, конь и кунь. Послѣднее произношеніе г. Максимовичъ называетъ Бѣло-русскимъ (Ист. др. Рус. слов. 116), между тѣмъ какъ ни въ одномъ изъ дѣйствительно Бѣлорусскихъ говоровъ такого произношенія мы не встрѣтимъ. Если понимать слова Шафонскаго, что въ Глуховѣ и Нѣжинѣ говорятъ *кунь*, такимъ образомъ, что такое произношеніе свойственно всей средней полосѣ по Сулу, то это опять будетъ ошибочно: по Сулѣ говорятъ кiнь. Впрочемъ отъ Шафонскаго насъ отдѣляетъ почти сто лѣтъ. За это время въ языкѣ могло кое-что измѣниться, но этнографическія наши свѣденія увеличились не чрезмѣрно.

Г. Новицкій въ своей программѣ различаетъ между прочимъ говоры: Харьковско-Полтавскій, Нѣжинско-Переяславскій, Черниговскій, Сѣверскій и Полѣсскій. Я не утверждаю, что свѣдѣнія, сообщаемыя имъ объ этихъ говорахъ ошибочны, но позволю себѣ высказать нѣсколько сомнѣній.

Кромѣ того Полѣсья, о которомъ говоритъ Шафонскій, есть еще другое, на западѣ, къ которому отнесятъ между прочимъ часть Брестскаго у. Гродпен. губ. и которое оттуда идетъ полосою на востокъ. Какія приблизительно его границы (п. ч. о точномъ опредѣленіи подобныхъ терминовъ не можетъ быть и рѣчи), этого я не знаю. Если г. Новицкій говоритъ не о немъ, а о Восточномъ, то онъ понимаетъ это послѣднее въ болѣе узкомъ смыслѣ, чѣмъ Шафонскій, исключая изъ него области говоровъ Черниговскаго и Сѣверскаго, т. е. Новгородъ-Сѣверскаго, а не Сѣверскаго въ широкомъ смыслѣ, какъ у г. Максимовича. Но г. Новицкій разумѣетъ, по видимому, западное Полѣсье: «на лѣвой сторонѣ Днѣпра *и* въ нарѣчіяхъ Кіевскомъ, Волынскомъ и Полѣсскомъ 3-е л. ед. наст. —ходыть, робыть» (а не—тъ) (Прогр. вопр. 50). Кромѣ этого, г. Новицкій приводитъ еще три признака Полѣс-

скаго говора: два общіе ему съ Сѣверскимъ, именно неизмѣнность *о* (конь), *ы* вм. *ый* въ именит. ед. прил. м., и одинъ общій съ Черниговскимъ: мъйічъ, прывъйізъ, объйідъ, купліть, а не мічъ, прывізъ, обідъ, купіть. По этимъ признакамъ невозможно узнать, гдѣ разумѣемое авторомъ Полѣсье; но можно сказать, что это не Полѣсье Гродненской губерніи. О самихъ признакахъ сказано будетъ ниже.

Сѣверскому говору г. Новицкій приписываетъ слѣдующіе признаки: 1) о (въ Укр.=і) неизмѣнно, 2) матюнка, а не матінка, 3) *я* неудар.=е, *е*, 4) *о* неудар.=а, 5) *ѣ*—неизмѣнно, 6) *ы* въ корняхъ глаг.=о: рой, 7) пъйітъ, бъйітъ, а не пийте, бийте, 8) выду, прышовъ, а не выйду, прыйшовъ, 9) зл*ы*, а не злый: 10) гортанные не переходятъ въ свистящіе, 11) *ц* твердо. Я не имѣю прямыхъ свѣдѣніи объ этомъ говорѣ, но на основаніи того, что извѣстно о другихъ Мало-русскихъ, я думаю, что нѣтъ ни одного Мало-русскаго говора, въ коемъ бы *о*, переходящее въ Укр. въ і, въ другихъ въ уо, у и пр., по правилу оставалось неизмѣннымъ. Поэтому думаю, что въ Сѣв. говорѣ или произносится не конь, *вол*, какъ въ Вр. а нѣсколько иначе, не такъ какъ въ Мр. коня, вола, или же—этотъ говоръ не есть Мало-русскій. Во всѣхъ извѣстныхъ Мр. говорахъ измѣненію основнаго *о* соотвѣтствуетъ измѣненіе ё изъ *е*, такъ что если о=уо, то ё=юо, если о=у, то ё=ю, если о=і, то и ё=і. Въ Сѣв. *о*, по словамъ г. Новицкаго неизмѣнно; а между тѣмъ ё изъ *е* въ матюнка=*ю*. Это требуетъ разъясненія. Точно также во Полѣсскомъ *о* неизмѣнно, а между тѣмъ *е* измѣняется въ і: мъйічъ, прывъйізъ. Форма—віз (изъ вёз) предполагаетъ, что въ томъ же говорѣ *о*=*и* или *і*, быть можетъ—*у*, но ни въ какомъ случаѣ не неизмѣнно.

— *о* изъ *ы* въ рою, рой, гдѣ оно есть, имѣетъ при себѣ *е* изъ *и* въ *пей*, вей. Измѣненія эти странно встрѣтить въ Мр. говорѣ, такъ какъ даже въ Южно-великорусскихъ, ближайшихъ къ Мало-русскимъ, именно во всѣхъ

Бѣло-русскихъ говорахъ начиная со Смолен. и южн. части Тверской, а также и Бр. говорахъ Черниговъ губ. (въ Погарѣ) ихъ нѣтъ. Г. Новицкій приписываетъ Сѣверскому говору только первое изъ нихъ и вмѣстѣ съ нимъ—формы 2 л. повелит. пъйітъ, сами по себѣ требующія подтвержденія, но предполагающія скорѣе пийте и т. (форму Др. Руск. Мр. и Бр.), чѣмъ пейте.

Заключая отъ Бѣлорусскихъ говоровъ и отъ образцовъ, записанныхъ въ Погарѣ, трудно предположить въ Сѣверскомъ говорѣ полную неизмѣнность гортанныхъ въ свистящіе; скорѣе можно допустить здѣсь колебанія между формами какъ ногѣ и нозѣ, которыя встрѣчаются и въ Сосницкомъ уѣздѣ.

Принадлежитъ ли Сѣв. говоръ къ Мало-русскимъ или къ Южно-великорусскимъ, все равно въ немъ нельзя ожидать неизмѣнности *ѣ*, то есть постояннаго его равенства звуку *е*.

«Десна, говоритъ г. Новицкій, вопреки довольно распространенному мнѣнію, не составляетъ границы между различными нарѣчіями, по крайней мѣрѣ въ нижней части своего теченія, а граница эта проходитъ по водораздѣлу притоковъ Десны съ рѣками текущими прямо въ Днѣпръ.» Мнѣніе это, по видимому, справедливо. Въ приложеніи къ этой статьѣ приведенъ записанный г. Новицкимъ въ Козелецкомъ уѣздѣ образецъ языка, изъ коего видно, что тамошній говоръ относительно измѣненій *о*, *е*, *ѣ* представляетъ большее сходство съ Сосницкимъ и другими занимающими сѣверную полосу области Мр. нарѣчія, чѣмъ съ Украинскимъ по Сулѣ. Однако самъ г. Новицкій соединяетъ въ одинъ Нѣжинско-Переяславскій говоръ Нѣжинъ на Острѣ, притокѣ Десны, и Переяславль на Трубежѣ, притокѣ Днѣпра, то есть вовсе не считаетъ вышеупомянутаго водораздѣла границею между говорами. Признаки Нѣжинскаго Переяславскаго говора, по г. Новицкому, суть: 1) *о* (Укр. і)=и среднему, 2) *ѣ* неударяемое=е, а ударяемое=*і*, 3) *р* твердо: цар, говору, но и говорю и нѣсколько несущественныхъ признаковъ:

слиня (а не—слипа); двійки, трейки, керез; ж=з (?); стусонути. Можетъ быть всѣ эти признаки точно относятся къ Нѣжину; но неужели въ Переяславскомъ у. ѣ измѣняется при тѣхъ же условіяхъ, какъ въ Козелецкомъ, Кролевецкомъ и др. сѣверныхъ, и неужели тамъ гласная въ но̂с такъ звучитъ, какъ въ низ?

Этимологическое правописаніе нужно общелитературному языку; но образцы народной рѣчи, долженствующіе служить матеріалами для исторіи языка, необходимо записывать правописаніемъ чисто фонетическимъ. Само собою, что это послѣднее, чтобы бы быть *право*писаніемъ, а не писаньемъ зря, какъ набѣжитъ, должно быть послѣдовательно: разъ придавши знаку извѣстное значеніе, слѣдуетъ это помнить.

Для вѣрнаго и не сбивчиваго изображенія звуковъ Мало-русскихъ говоровъ, азбука нашего литературнаго языка должна быть нѣсколько измѣнена. Лишніе въ ней, кромѣ *ѳ* и *ѵ*, еще знаки *ъ* и *ѣ*. *ъ* во всѣхъ нынѣшнихъ Русскихъ говорахъ на концѣ словъ не имѣетъ значенія. Употребленіе его въ литературномъ правописаніи безвредно, если не имѣть въ виду сбереженія мѣста и времени; но въ грамматическихъ сочиненіяхъ, при сравненіи древняго языка, гдѣ *ъ* есть одинъ изъ двухъ глухихъ гласныхъ звуковъ, съ нынѣшнимъ, въ которомъ хотя мѣстами и есть глухіе звуки, но не такіе и не тамъ, гдѣ въ древнемъ яз. *ъ* какъ знакъ твердости конечной согласной, которая и безъ него произносится не иначе, какъ твердо, не должно быть терпимо.—Тамъ, гдѣ есть возможность смѣшать *ь* гласное съ *ъ*, знакомъ смягченія предыдущей согласной, весьма удобно замѣнить *ь* въ послѣднемъ значеніи посредствомъ j. Для той же цѣли могли бы служить на концѣ словъ запятая надъ буквою (дj=*д'*), но передъ гласною такому значку можетъ быть придано и другое значеніе, о чемъ ниже. Для человѣка нѣсколько знакомаго

съ исторіею славянскихъ языковъ не все равно, что ко—нь (два слога), что конј, или, по правописанію Караджича, кољ; написанія эти изображаютъ явленія двухъ во многомъ различныхъ періодовъ языка.—*ѣ* есть особый звукъ въ древнемъ языкѣ, отличный отъ ѥ и *е*, оно есть этимологическій знакъ въ общелитературномъ языкѣ;но въ фонетическомъ правописаніи его не слѣдуетъ употреблять вовсе, не исключая и тѣхъ случаевъ гдѣ оно произносится за ѥ. Въ нынѣшнихъ Русскихъ говорахъ нѣтъ *ѣ*, а есть только его разнообразныя замѣны, по которымъ можно узнать его присутствіе въ древнемъ языкѣ.

Слѣдуетъ различать гласные зв. ётированные отъ неётированныхъ. Это соблюдается относительно а и я=ја, о и ё (јо), у и ю; но не соблюдается относительно і и јі=йі, е и ѥ=је или *йе*. Между тѣмъ для языкознанія не все равно, что *іх*, что јіх; чтоже до е(=э) и ѥ, то оба знака необходимы не только для Мало-Русскихъ говоровъ, но и для Велико-Русскихъ.

При изображеніи мягкихъ или ётированныхъ согласныхъ слѣдуетъ различать три случая: а) Мягкая гласная можетъ непосредственно примыкать къ предыдущей согласной, при чемъ знакъ ј или ҥ въ ꙗ, ю, выражаетъ не самостоятельный звукъ, а нёбность предыдущей согласной: бя, бю, бё, бі. б) Ј гласной можетъ явственно отдѣляться отъ предыдущей согласной, а эта послѣдняя можетъ быть сама по себѣ мягка. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ обозначать и мягкость согласной и мягкость гласной: бья или бј,-вьјі или вј·јі. в) Ј отдѣляется отъ предыдущей ненёбной согласной. Для такого отдѣленія можно или, по принятому, употребить ъ, или апострофъ послѣ согласной: бъя или б'я, б'ја, б'йа. Быть можетъ многіе найдутъ различеніе этихъ тонкостей излишнимъ; но чтобы быть послѣдовательными, они должны бы считать излишними и изученіе діалектическихъ различій, что впрочемъ и дѣлаютъ. Г. Новицкій пишетъ: коньові и т. п. придавая этому *ньо* значеніе нё, между тѣмъ какъ *ньо*, если

принятъ ъ за знакъ смягченія, обозначаетъ, что нёбное н (нj) не сливается въ одинъ звукъ со слѣдующимъ *о*; онъ же отождествляетъ написанія—мъясо (т. е. м'jaсо) и мйасо (т. е. мj-асо). Въ одномъ и томъ же говорѣ можно встрѣтить всѣ три случая а, б, в, напр. въ Заблудовскомъ: великі=вьелікі, вьецер=вjецер (*в* нёбно), ръечка=ръечка=р'jечка, съ твердымъ, ненёбнымъ *р*, сочетаніе выраженное записывателемъ посредствомъ *ые*: рыечка. Смѣшавшій между собою эти три случая, мы упустимъ изъ виду нѣсколько замѣчательныхъ чертъ этого говора.

Для свойственнаго большинству Мало-русскихъ говоровъ звука, средняго между Вр. и Поль. *і* и Вр. Поль. *ы*, П. А. Кулишъ ввелъ начертаніе *и*. Г. Новицкій, замѣчая, что звукъ этотъ мѣстами произносится мягче, ближе къ острому *і*, мѣстами ближе къ *ы*, пишетъ то *и*, то *ы*; но на это различіе лучше указать словами, не употребляя для этого знака ы. Этотъ послѣдній нуженъ для тѣхъ говоровъ, въ коихъ основное и=і и основное *ы* (=Др. Русс. и Ст. сл.) не смѣшиваются между собою. Такимъ образомъ для совокупности Мр. говоровъ необходимы всѣ три начертанія: *і*, *и*=основному *и* и основному *ы* въ (милий) и *ы*=основному *ы* и основному *и* послѣ несмягчаемыхъ согласныхъ.

При обозначеніи двогласныхъ, каковы *уо*, *уи*, слѣдуетъ указывать, на который изъ двухъ элементовъ падаетъ удареніе. Догадка въ этомъ случаѣ не вездѣ можетъ замѣнить прямое свидѣтельство. Вообще, очень невыгодно для будущихъ изслѣдованій, что не смотря на существованіе хорошихъ примѣровъ, образцы народныхъ говоровъ до сихъ поръ издаются безъ удареній. Нѣтъ сомнѣнія, что ученіе объ удареніи составитъ весьма важный отдѣлъ исторіи Русскаго языка.

Звукъ=Лат. g необходимо такъ или иначе отличать отъ звука=лат. h.

При стеченіяхъ согласныхъ не слѣдуетъ подчиняться этимологическому правописанію, которое вообще хорошо только на своемъ мѣстѣ. Для изслѣдователя вовсе не

все равно, что *тьсл*, что *цьцл=цјцл*, что *цл*, *це*, *це*, не все равно что вій, что віј-я=вій-я, или что *лье* что *лјле*.

—*Къ § 28 моей статьи. О замѣнѣ глухихъ звуковъ.* Въ Южно-русскихъ памятникахъ XIII—XV вѣка, и изрѣдка—даже въ болѣе позднихъ, встрѣчаемъ такія ошибки въ правописаніи, которыя заставляютъ думать, что въ это время глухіе звуки еще слышались *внутри* словъ, хотя и не вездѣ, гдѣ они должны быть въ Др. Русск. и Ст. Сл. яз. Я разумѣю постановку глухихъ звуковъ, преимущественно *ъ*, вмѣсто чистыхъ и, наоборотъ, употребленіе чистыхъ *о*, *е*, иногда *ѣ* вмѣсто глухихъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ позднѣйшемъ языкѣ эти глухіе совершенно исчезли.

Такъ въ Волынскомъ спискѣ поученій Ефрема Сирина XIII в. (до 1288 г. см. Срезневскаго «Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстн. памят.» VI, 48) при правильномъ употребленіи ъ и ь, при частой замѣнѣ ихъ чистыми и опущеніи, согласно съ требованіями позднѣйшаго языка, находимъ: заб*о*вѣнья (забъвенија) суесл*о*воници (—вьници), б*о*дить (бъдите) м*е*зды (мьзды), лукав*е*ство (вьство), въ кон*е*цихъ (—ньцихъ) и въ одномъ случаѣ ѣ: ист*ѣ*лѣвъша персть (—тьлѣвъша). Во Львовской купчей 1400 г.—Михала Чабан*е*ского сынъ (—ньского) и тамъ же ь вм. е: прирожьнымъ (дат. мн.) (Ак. отн. къ Ист. Ю. и З. Руси, I № 6). Въ записи писанной «у Галичю» 1409 (ib № 11) ь вм. е: примучьни, Стьцко, нашью пьчатью, поньдѣлокъ, пьрьдъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ правильно: половину дѣдьнины, дьржали, со всѣми ужитъкы, Грабовьцькій.

Безъ сомнѣнія во всѣхъ Русскихъ говорахъ глухіе звуки прежде всего стали исчезать въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ нынѣшнемъ языкѣ они вовсе не произносятся; дольше они удерживались тамъ, гдѣ нынѣ они замѣняются чистыми гласными *о* и *е*. Если принять, на основаніи Волынскаго списка Ефр. Сир., что въ Южно-русскомъ глухіе звуки слышались еще въ XIII вѣкѣ въ такихъ случаяхъ, какъ

бъдѣти, лукавьство; то вмѣстѣ съ тѣмъ нужно будетъ принять и то, что въ случаяхъ какъ търгъ, вълкъ, сънъ, дьржати, льнъ они *внутри* словъ слышны были и въ болѣе позднее время, приблизительно до половины XIV вѣка. Болѣе ранніе случаи замѣны глухихъ зв. чистыми не могутъ служить доказательствомъ ошибочности этого мнѣнія. По общему правилу всѣ Русскіе говоры замѣнили ъ, ь въ извѣстныхъ случаяхъ черезъ *о*, *е* и эта всеобщность правила произошла не оттого, что самая замѣна глухихъ чистыми совершилась до появленія Русскихъ нарѣчій, а оттого, что ъ, ь оставаясь глухими, были весьма близки къ *о,е*, что давало поводъ къ смѣшенію этихъ звуковъ на письмѣ. Нынѣшніе Мр. говоры большею частью отличаютъ основные (общеславянскіе) *о*, *е* отъ позднѣйшихъ, Русскихъ *о*, *е*, происшедшихъ изъ ъ, ь, измѣняя первые въ уо, у, и, і и пр. тамъ, гдѣ вторые остаются неизмѣнными. Не служитъ ли это очевиднымъ доказательствомъ, что въ то время, когда началось спеціально Мало-русское измѣненіе основныхъ *о*, *е*, глухіе звуки внутри словъ—какъ сънъ и т. п.—еще существовали?

Мало-русскіе говоры представляютъ два отклоненія отъ обще-русскаго правила о замѣнѣ глухихъ зв. посредствомъ о, е:

1) Случаи, въ коихъ на мѣстѣ ъ стоитъ *и* среднее: д*и*жати, тр*и*вати, кр*и*вавий, крихта и кр*иши*ти, чорнобр*и*вый. Въ Червоно-русской грам. 1424 (Ак. отн. до ист. Ю. и З. Р. I, № 16) встрѣтилось др*ы*ва (дрова), а въ нынѣшнемъ Галицкомъ говорѣ слышно блиха или блыха (блоха). Рядомъ съ этими формами въ Укр. есть и кровавый, чорнобровий. *И* въ чорнобривий и пр. слѣдуетъ отличать отъ того *і*, въ которое въ Укр. и другихъ говорахъ превращается основное *о* и въ немногихъ случаяхъ *о* изъ ъ: чорних брів, крівця. Это *и* или *ы* на мѣстѣ ъ въ Южн. и Зап. Русскихъ грамотахъ обнаруживающихъ сильную примѣсь Польскаго языка, находимъ именно въ тѣхъ словахъ, въ коихъ Польскій яз. опускаетъ ъ, именно: кр*и*вавоѣ (krwawej.) хусты

(1388 г. Ак. отн. до ист. Зап. Р. I № 9), криви (krwi) не розлилъ (ib), сесь листъ нашъ маеть тырывати (trwać) вѣчно (грам. пис. въ Луцкѣ 1438, ib № 37), речъ тривала (rzecz trwała, 1502, Ак. отн. къ ист. Ю и З. Р., № 37), три*вожать (trwoża,) и тривога (trwoga) 1556—68, ib № 238). При *дры*ва стоитъ Поль. drwa; при блыха — Поль. pchła, произшедшее безъ сомнѣнія изъ błcha; ср. также drgać, drżeć, krszyć, brwi (отъ brew) и czarnobrwy съ соотвѣтственными Мр. словами. Сравненія эти заставляютъ думать, что Мр. три*вати и пр. суть не самостоятельныя отклоненія отъ обще-русскаго правила, по коему должно бы быть *о* или *е* послѣ плавнаго звука (тровати или тревати, какъ дрова или крест), а лишь приспособленія Польскихъ словъ къ Мало-русскому произношенію. Галиц. лижка и лижга я считаю теперь тоже явленіемъ не самостоятельнымъ, а прямымъ заимствованіемъ съ Пол. łyżka. Быть можетъ Укр. *лиhати*, въ особенности, если оно гдѣ либо произносится съ г=лат. g, есть искаженіе Пол. łykać, глотать, какъ Мр. дригати (съ г=лат. g) именно въ силу этого и есть заимствованіе съ Пол. drygać (при drgać). Впрочемъ не могу утверждать, чтобы и Мр. *одлиhа* (оттепель) было заимствовано, такъ какъ соотвѣтственныя Пол. слова не опускаютъ ъ, а замѣняютъ его посредствомъ i: odwilż, wilgoć.

2) Въ томъ же Галицкомъ говорѣ, въ коемъ слышится дрива, блыха и лыжка, по свидѣтельству Я. Ѳ. Головацкагѡ, говорятъ: кертицье, кертовина (крот—), кервавый, тервати (съ *е* вм. ъ) и рь-стити (krzcić, крестить), вы-рь-ста (ср. Пол. prze—krzta) вод*о*—р—щи (водохрещи), вр—х; въ Карпатскомъ—хрьстити, выхрьста, водохрьщи врьх, трьвати. Въ этомъ послѣднемъ говорѣ даже при другихъ согласныхъ, кромѣ р, слышенъ глухой звукъ: дьнь, пьнь или днь, пнь (Головац. «Розправа о языцѣ Южно-русскомъ,» 50). Вагилевичъ, не опредѣляя, гдѣ именно, говоритъ, что часто можно услышать: **вълкъ, гърло, дърва, кървавый, дьнь, но приказы-**

ваетъ читать эти слова как вівк, hiрло, дірва, кірвавый, дінь (Gram. 177). См. также два свидѣтельства о глухихъ звукахъ въ говорахъ Бойковъ и Лемковъ въ моей статьѣ стр. 153, 155. Несомнѣнно, что въ этихъ говорахъ глухой звукъ (какъ бы онъ ни произносился) и *е* (тамъ гдѣ другіе русск. говоры требуютъ *о* изъ *ъ*) не составляютъ правила, а суть скорѣе исключенія, и какъ такія легко могутъ быть заимствованіями или туземными приспособленіями не русскаго произношенія. Въ Галицкой грам. 1409 (Ак. отн. къ И. Ю—З. Р. I)—«половину дѣдьнины Тристяньць—это написаніе можетъ соотвѣтствовать не только Польскому произношенію безъ ъ (trzcina) но и нынѣшнему произношенію Лемковъ удерживающихъ ъ: тр—стина, Трстяна (село).

Во многихъ сѣверно-велико-русскихъ памятникахъ XIII—XIV вѣка конечные глухіе звуки часто выражаются посредникомъ *о*, *е*; *е* встрѣчается даже тамъ, гдѣ въ Ст. сл. и др. Русск. ь на концѣ не писалось, хотя безъ сомнѣнія произносилось, именно послѣ й: отьць мо*е* (т. е. моj—ь, мой; Паремейникъ 1271, Бусл. Хр. 75), талантъ твоıе (Прологъ Іо. Экз. по Рус. сп. XII в.; Калайд. Іо. Экз. 130). Эти конечные глухіе впослѣдствіи дѣйствительно замѣнились чистыми, и въ этомъ видѣ донынѣ сохранились въ нѣкоторыхъ Свр. говорахъ (см. моей статьи § 16). Въ нынѣшнихъ Юрв. и Мало-русскихъ говорахъ незамѣтно ничего подобнаго, за исключеніемъ обще-русскихъ именъ м. р. на *о* и Мр. оконч. 1 л. мн. настоящ. и повелит. на *мо*. Есть основаніе думать, что въ этихъ говорахъ потеряны конечные глухіе звуки еще въ XII в. или раньше. Такъ напр. въ Галицкомъ Ев. 1144, Матѳ. 25, 14—30, слова вѣрный и вѣрне (зв. п.) написаны безъ *ь*, что указываетъ или на опущеніе этого звука въ выговорѣ, или на весьма слабое его произношеніе; но слово вѣрьнъ дважды написано съ ь, и это именно потому, что потеря конечнаго *ъ* сдѣлала болѣе явственнымъ произношеніе *ь* во второмъ слогѣ, ставшемъ по строенію среднимъ. Хотя Мстиславово

Ев. (до 1117) писано въ Новгородѣ, однако въ этомъ согласно съ Галицкимъ: въ томъ же мѣстѣ въ немъ дважды *вѣрныи* (безъ ь) и дважды *вѣрънъ* (Калайд. Io. Экз. 30; см. такое же разсужденіе о безвучности ъ на концѣ въ Супрасл. рукоп. XI в. у Миклошича. Vergl. gr. 71-2). Однако г. Срезневскій приводитъ одинъ случай замѣны конечнаго ъ посредствомъ *о* (разумо) въ вышеупомянутыхъ поуч. Ефр. Сир., а во Львовской купчей 1400 (Ак. отн. къ И. Ю. и З. Р. I № 6) находимъ другой: пано Мичко Куликовскый, пано Мацина, пано Яшко Мазовщанинъ. Въ той же купчей есть и другой признакъ, обыкновенный только въ памятн. Новгородскаго письма и въ нынѣшнихъ Сѣв. Вр. говорахъ, именно два ъ или ь (resp. два *о* или *е*) вмѣсто одного глухаго или его замѣны при *р*, *л* между двумя согласными: *вдолоэкь* (вм. въ дължь). Я думаю, что на случай, какъ разумо въ Южно-русскомъ памятникѣ, слѣдуетъ смотрѣть какъ на рѣдкій уже въ то время архаизмъ, или какъ на случайность.

— Окончаніе—*мо* въ 1 л. мн. ч. наст. и повел. свойственно всѣмъ Мр. говорамъ, кромѣ говоровъ Бойковъ и Лемковъ, гдѣ по Словацки—ме: співаме. Нахожу совершенно вѣрнымъ мнѣніе г. Максимовича (Новыя письма о старобыт. Мр. нар. День 1863, 8), что этого *мо* нельзя считать ни заимствованіемъ съ Сербскаго или Хорутанскаго, имѣющихъ тоже окончаніе, ни признакомъ особенно тѣснаго родства съ этими нарѣчіями. Съ другой стороны въ Мр. не вижу основаній преувеличивать степень родства Мр. нарѣчія съ Сѣв. Вр. Въ нѣкоторыхъ говорахъ сего послѣдняго, именно въ Ситскомъ, оконч. 1 л. мн. наст.—*мо* есть слѣдствіе стремленія замѣнять конечный звукъ ъ (основной, или происшедшій изъ ь) посредствомъ *о* не только въ атомъ случаѣ, но и въ другихъ: то во 2-мъ л. ед.—*що* (щь —ши), въ 3-мъ мн.—*то*, напр. идзёто, идземо, идуто; между тѣмъ въ Мр.—*мо* есть слѣдствіе болѣе частной наклонности звуковъ.

Въ Волынскомъ сп. поуч. Ефр. Сир.—*мо* встрѣчается только въ повелит. накл. глаголовъ, въ коихъ характеръ повелит. накл. слѣдуетъ за гласною: отрицаймо, поразумѣймо, покаимося, не помышляймо, убоимося, не послѣдуимо, работаймо, послушаимо (Срезнев. I. с. 49—50); между тѣмъ въ томъ же памятникѣ (со включеніемъ поуч. Зарубскаго черноризца) окончаніе 1 л. мн. наст. есть *мы* и мъ: есмы, идемы, творимы, упросимъ ся, узыщѣмъ (=емъ). Мнѣ кажется, что такое различеніе не случайно. Въ современномъ Мр. окончаніе—*мо* необходимо только послѣ стеченія согласныхъ, а послѣ одной согласной можетъ стоять или *мо*, или—*м*, смотря по требованію уха: необходимо даймо, поjідьмо; произвольно— хóдимо и хóдим, ходíмо и ходíм. Если бы въ даймо, знаймо *и* не сократилось въ j, то эти формы могли бы безслѣдно потерять конечный ъ и существовали бы теперь въ видѣ даjім, знаjім. Согласно съ этимъ слѣдуетъ полагать, что и въ Волынскомъ пам. XIII в.—*мо* въ работаимо вызвано тоже стеченіемъ согласныхъ, т. е. тѣмъ, что *и* произносилось уже какъ j, между тѣмъ какъ въ узыщѣмъ (=емъ) конечный глухой звукъ уже вовсе не произносился. Это *мо*, стало быть, не есть непосредственная замѣна основной формы—*ма* (с), а предполагаетъ обще-русскую и обще-славянскую форму оконч. 1 л. мн. ч.—мъ;—мо вызвано фонетическою необходимостью, именно стеченіемъ согласныхъ j*м*, въ то время, когда конечные глухіе звуки стали исчезать, и уже впослѣдствіи распространилось и на тѣ случаи, гдѣ этой необходимости не было. Было *ли* въ Южно-русскомъ въ XIII ст. и раньше окончаніе *мо* послѣ гласныхъ, это вопросъ. Г. Прыжовъ (Мало-россія въ истор. ея литерат. Фил. Зап. 1869, 1, 7), которому почему то кажется, что въ Галиц. Ев. 1144 г. слова *сѣкыра*, *пшеницю*, *свяжѣте*, *убоиникъ* суть Мр. признаки, за такіе же признаки считаетъ и приводимые имъ оттуда же слова *выметаемо* (sic) *нарицаемо*. Вѣроятно онъ принимаетъ ихъ за 1 л. мн. наст. вр. иначе что же въ нихъ Мало-русскаго? но я

тщетно ищу окончанія *мо* для 1 л. мн. наст. въ описаніяхъ этого Еванг. и выпискахъ изъ него у Калайдовича (Іо. Экз.), Горскаго и Невоструева, Буслаева (Матер. и Христ.). Въ Христ. Буслаева точно есть «вымѣтаѥмо (42) нарицаѥмо (48), но это причастія средняго р., а не настоящія времена.

Оконч.—*мо* послѣ гласныхъ встрѣтилось мнѣ впервые въ грам. Ягайла 1388 (Ак. отн. къ Ист. Зап. Р. I № 6): чинимо, слюбуемо, имѣемо (и отдамы, имаемы). ѥсмо встрѣчается раньше (напр. въ грам. Подольскаго кн. Александра 1375, Срезн. Др. пам. Русск. письма 265); въ немъ согласно съ вышесказаннымъ, нѣтъ основанія считать —*мо* болѣе позднимъ относительно *о*, чѣмъ такое же окончаніе въ повелит. послѣ согласныхъ.

Почему въ Волынскомъ сп. Ефр. Сир. въ вышеприведенныхъ примѣрахъ 1 л. мн. пов. не употреблено окончаніе *мы*, употребительное тамъ же для 1 л. мн. наст. вр., на это отвѣчать трудно. Ясно, что это—*мы* не можетъ быть объясняемо, какъ *мо*, одними фонетическими требованіями: оно возстановляетъ смыслъ оконч. 1 л. мн. наст. *мъ*, отождествляя его съ раздѣльнымъ мѣстоим. *мы*. Для Мр. нарѣчія оконч. *мы* вовсе не характеристично: оно встрѣчается и въ Ю. Р. и въ Сѣверно-русск. пам., напр. въ Новг. лѣт. есмы, (27 и др.) не вѣмы (39, 29). Въ Ипат. сп. лѣт.—*мы* столь же употребительно въ пов. накл. какъ и въ наст. вр. напр. поѣдемы (54, 38) и поѣдьмы (ib. 55), сами ся урядимъ, а крови хрестьяньскы не пролѣймы (61, 25, вм.—*лѣймы*; относительно *ѣ* въ этомъ гл. см. Mikl. Vergl. gr. III, § 238). Нынѣшнимъ Мр. говорамъ это окончаніе не свойственно. Употребленіе его въ Зап. Русск. грам. могло поддерживаться вліяніемъ Польск. языка и въ такое время, когда въ народномъ Русск. языкѣ этого окончанія уже не было.

Окончаніе 1 л. мн. наст. *ме* (напр. въ грамотѣ Рижанъ къ Витеб. князю, около 1300 г., Русско-Лив. Ак. № 49, рядомъ съ недамы, продамы; въ гр. Витовта 1399, рядомъ съ есмо, ib. № 122; въ догов. гр. Димитр,

Ивановича. 1368, Соб. Гос. гр. I, № 28; въ Новг. I л. при есмы, напр. 28, 1; 43, 21; въ Ипат. лѣт. напр. 31) держится въ старинныхъ памятникахъ почти исключительно слова *есме*. Я замѣтилъ только одинъ случай употребленія этого окончанія въ другомъ глаголѣ: кръви не проливаимѣ (=ме, Новг. I, 34, 30; по Ак. сп.—«не проливаемъ,» съ позднѣйшею замѣною повелительнаго формою настоящаго. Быть можетъ, это—ме и возникло именно въ гл. существительномъ, изъ *мъ*, вслѣдствіе ошибочнаго перенесенія оконч. *мъ* на 1-е л. множ. ч. Не сомнѣнно, что въ этомъ гл. окончанія 1 л. ед. и 1 л. мн. смѣшивались, то есть ставилось ѥсмъ вм. ѥсмъ и наоборотъ (напр. «мы съ тобою готови есмъ, Ип. лѣт. 23; тому есмъ радъ, Новг. I, 37, 24, рядомъ съ правильнымъ употребленіемъ), *есми* не только въ значеніи 1 л, ед. ч., гдѣ *ми* есть древнѣйшая основная форма этого окончанія, но и въ значеніи 1 л. мн. ч., что не можетъ быть оправдано: есми цѣловали, Ип. 25, 3; есми взяли ib 30; есми поѣхали ib. 43; кончали есми (1485, Ак. Юр. 82) и такъ въ Вр. пам. до XVII в. включительно: у Авраамія Палицына-готови есми (Бусл. Хр. 1017). *есми* вм. есмъ рядомъ съ этою послѣднею формою, или вытѣснивши ее, тоже обыкновенно не только въ Вр. памят. до XVII в. включительно, но и въ Мр. того же времени. Впрочемъ въ Вр. пам. XV—XVII въ большинствѣ случаевъ отличается 1 л. ед. есми отъ 1 л. м. *есмя*; послѣдняя форма—изъ есме, какъ Вр. же естя изъ есте.

—*Къ* §*28*, *3*. Для характеристики Мр. говоровъ было бы полезно перечисленіе а) Мр. словъ, въ коихъ—бѣглая гласная, между тѣмъ какъ въ В.—русскихъ говорахъ всѣхъ или нѣкоторыхъ—гласная постоянная, напр. без *зву* к нам въ ћостi навъязався» (Котляр.), отъ зов; *зве* (3 л. ед.)—зоветъ; б) Мр. словъ съ гласною постоянною при В.-русской бѣглой, напр. лён, лёну—сон, сону (anemone); в) Мр. словъ съ бѣглою гласною при совершенномъ отсутствіи гласной въ Вр., напр. рубель, рубля; слово это въ значеніи серебряннаго рубля

встрѣтилось въ этой формѣ въ Южно-русской, по языку, грамотѣ Александра господаря Молдавскаго, 1407: одинъ рубель серебра (Ак. отн. къ Ист. Зап. Р. I, № 21); г) случаевъ, гдѣ относительно бѣглости или постоянства гласной замѣнившей ъ, ь, или вставной, всѣ Русск. говоры сходны между собою. Относительно полное перечисленіе такихъ словъ, невозможное безъ хорошаго Мало-русскаго словаря, котораго нѣтъ, обнаружило бы нѣкоторыя довольно важныя различія въ эвфоническихъ стремленіяхъ Русскихъ говоровъ.

—*Къ* § *28*, 2. Въ своей статьѣ я, согласно съ мнѣніемъ г. Лавровскаго (Обзоръ замѣч. особенностей нар. Мр. 1314. Ж. М. Н. Пр. 1859. 6), объяснялъ появленіе звуковъ *и*, *а* въ началѣ словъ, въ коихъ въ Др. Русск. за первою согласною слѣдовалъ глухой звукъ, перестановкою этого глухаго и его замѣною чистымъ. Теперь я нахожу это объясненіе ошибочнымъ. Есть слова въ Вр. и Мр., изъ коихъ иныя даже показаны въ моей статьѣ, въ коихъ прибавочный начальный звукъ вовсе не предполагаетъ въ древнемъ языкѣ глухого слѣдующаго за первой согласной. напр. иняти (няти, яти), исимъ (симъ, твор. ед.). Изъ этихъ примѣровъ видно, что приставная гласная не всегда стоитъ передъ стеченіемъ согласныхъ. Согласно съ этимъ, отношеніе формъ *імла*, *іржа* къ *мьгла*, *ръжа* можетъ представляться двояко: или появленіе начальной гласной вызвано исчезновеніемъ *ь*, *ъ* и происшедшимъ отсюда стеченіемъ согласныхъ или же начальная гласная явилась еще при существованіи глухихъ, а стеченіе согласныхъ образовалось уже послѣ. На возможность этого послѣдняго случая, т. е. предполагаемой формы и-мь-гла (3 слога) указываетъ не столько то, что такое полногласіе дѣйствительно возрѣчается (исъпрячють, оръжаные см. ниже) сколько тѣ случаи, въ коихъ глухой звукъ, правильно замѣненъ чистымъ и кромѣ этого въ началѣ прибавлена гласная, напр. Мр. *ішов* (шьлъ), *ізо* мною (съ мною). Въ обоихъ случаяхъ начальный гласный звукъ, какой бы онъ ни былъ

(і, о или а) слѣдуетъ назвать неорганичнымъ, конечно, не въ смыслѣ лишняго, а въ смыслѣ такого, который не возникъ непосредственно изъ другаго. Напротивъ, въ Серб. р—ђа (два слога) и т. п. глухой звукъ, слышимый передъ *р*, выражаемый нѣкоторыми пишущими латинскими буквами посредствомъ à и e, но вовсе не тожественный съ чистымъ *а*, *е*, не есть эвфоническая приставка, и непосредственно примыкаетъ къ *ъ*, которое нѣкогда и слышалось и писалось послѣ *р*.

Въ западныхъ и южныхъ Русск. памятникахъ эвфоническое *и* встрѣчается уже въ XIV в: въ договорѣ Гедиминовичей и другихъ князей съ кор. Казимиромъ, 1340 г.—*и*съ королемъ, *и*слюбуемъ (Ак. отн. къ И. З. Р. I, № 1); въ жалов. грам. Подольск. кн. Александра Коріятовича Смотрицкому монастырю, 1375—кого коли *и*съпрячють людии к собѣ... (Срезнв. Др. пам. Русск. письма 265; въ Ак. отн. къ И. З. Р. I № 4—*и*спрячють, безъ *ъ*); во Львовской купчей 1400 г. воевода Ильвовскый (Ак. отн. къ И. Ю и З. Р. I, № 6); въ гр. Александра Господаря Молдавскаго, 1407 г. чинимъ знаменито *и*симъ нашимъ листомъ, Ильвовского мѣста, до Ильвова (ib въ Лвовѣ), па *и*складѣ, *и*знайдуть (Ак. отн къ И. З. Р. I № 21); въ записи Кіево-Печерскому монастырю 1486—изъ своею жоною, изъ нашими дѣтьми (ib № 86); въ договорѣ Полочанъ съ Рижанами 1407—у Полоцку *и*складъ вчинили; а тотъ искладъ (вар. складъ) держати; послати свои колоколы и скалвы (вѣсы) къ Полоцьку на свою *и*страву (=страву, иждивеніе) (Русск. Ливон. Акты № 164). Даже въ договорѣ Новагорода съ Ив. Вас. 1471, читаемъ: тому вамъ вѣры не *и*няти (С. Г. Гр. и Дог. I, № 20) между тѣмъ какъ въ прежнихъ Новгородскихъ грам. того же содержанія, въ той же формулѣ стоитъ обыкновенно «вѣры не яти», да и въ той же грамотѣ 1471 нѣсколько ниже—«не яти». Это *и*няти въ Новг. грам. не удивительно, такъ какъ и теперь эвфонич. *и* въ началѣ свойственно не только Мало-русскимъ, но и Велико-русск. говорамъ, между прочимъ

смежнымъ съ Новгородскими говорами Псковской и Тверской губ.

Въ нынѣшнемъ Мр. эвф. *и* или *і* въ ішов (шолъ) не повсемѣстно: формы какъ пошов, пошла (а не пойшов) встрѣчаются въ образцахъ яз. Пружан. Бѣльск. Брест. Кобрин. Кролевецк. у., а вѣроятно и въ промежуточныхъ Мало-русскихъ мѣстностяхъ Минской и Черниговской губ. Въ этомъ не видно никакого заимствованія, тѣмъ болѣе что въ сосѣднихъ Бѣло-русск. говорахъ слышится не пашов, а пайшов.

Проф. Буслаевъ (Грам. § 30, прим. 4; Христом. 614) въ выраженіяхъ «Ярославна рано плачетъ (=ь) въ Путивлѣ на забралѣ аркучи: о вѣтрѣ (=е)» и др. под. въ Сл. о П. И. считаетъ «аркучи» за одно слово ркучи (говоря), съ приставочнымъ *а*, какъ въ Вр. авчера и т. п. Тоже повторилъ и проф. Тихонравовъ (Сл. о П. Иг. 25). Такъ и я въ своей статьѣ о звукахъ (стр. 97) сравнивалъ относительно начальнаго *а* это аркучи съ Пск. Тв. иркать, орать, кричать; теперь мнѣ совершенно ясно, что это два слова: «а (союзъ) ркучи» (=рькучи), принятыя за одно и написанныя слитно, потому что съ точки зрѣнія современнаго языка такое употребленіе союза *а* кажется непонятнымъ плеоназмомъ. Въ древнемъ Русскомъ оно обыкновенно: Пльсковици взяша миръ съ Рижаны, Новгородъ выложивъше, *а рекуче*: «то вы, а то Новгородьци, а намъ не надобѣ» (Новг. I, 43, 14); Котянъ съ князи Половьцьскыми... одариша князь Русьскыхъ, *а рекуче* тако: «нашю землю днесь отъяли, а ваша заутро възята будеть (ib 40, 1); се билъ челомъ... а ркучи такъ:... (Акты Юр. 1, 3 и др., XV вѣка); оже хочеть истьчь, или (=и если) иметь й (обвиненнаго холопомъ, а не свободнымъ послухомъ) *а река* тако: «по сего речи (=рѣчи) ємлю тя, нъ азъ ємлю тя, а не холопъ,» и ємете (=ємлѣте или имѣте,=то возьмите) й на желѣзо (Русск. Пр. по Син. сп. XIII в., Русск. Дост. I, 53); приведе пълкы изъ Переяславля, *а рекя* (по Ак. сп. а ркучи) тако: «хочю ити на Ригу»

(Новг. I 43, 10); князь насъ зоветь на Ригу, *а хотя* ити на Псковъ (ib 43, 17.) Невозможно отвергать сходства этихъ а рекуче, а рекучи, а река, а реки, а хотя съ а ркучи (т. е. а рькучи) слова о Полку Иг. и невозможно видѣть эвфонич. приставку въ знаменательномъ союзѣ. Не вдаваясь въ объясненія употребленія союза *а* въ этихъ случаяхъ, замѣчу только, что оно сходно съ *и* въ такихъ обычныхъ выраженіяхъ, какъ напр. «заутра въставъ *и* рече» (Лавр. лѣт. 4).

Въ Южно-велико-русскихъ говорахъ эвфоническое *а* (авторникъ, *аржаной*) произошло изъ *о* неударяемаго, по общему правилу (овторникъ; высевки оръжаные, Домострой, по Коншинск. сп. изд. Голохваст. 73). Подъ удареніемъ это *о* остается неизмѣннымъ, напр. *Орша*, старинное Ръша, напр. вся Вачьславъ Ръшю. Ипат. л. 7, 15. Въ Мало-русск. находимъ только *о* приставное, а не *а*, въ слѣдующихъ словахъ: *Оржиця* (притокъ Сулы; вѣроятно изъ Ръжиця); *Овруч* (еще въ полов. XVI в.— Овручий, напр. Акт. от. къ И. Ю. и З. Р. I, № 238, какъ теперь Гадяч и Гадячий; въ древ. Русск. Вручий, напр. Лавр. лѣт. 32); *ореля*, качель, Вр. рель, на рлиц основ. форма рьль; въ Брест. у. Гродн. губ. слышится «родина не *всенька* (уменьш. отъ вся, Сб. пам. народ. творч. СВЗ. кр. I, 200), съ чѣмъ сравнимъ выраженіе грамоты 1457, писанной въ Вильнѣ: «будуть вольни *овшей*кы (всѣ) и выняты» (Ак. от. до И. З. Р. I № 61), гдѣ кромѣ начальнаго *о*, замѣтимъ измѣненіе *нь* послѣ гласной въ j, какъ теперь въ Карпатскомъ говорѣ и, кажется, мѣстами въ Гродн. губ.; въ той же грамотѣ есть и эвфонич. *и*: «для лѣп*ш*ого *и*сщастія набытья»; *оселедень* (сельдь); Галиц. *о*рів (ровъ, Вагилевичь, Граммат. VII). Мнѣ кажется, что и въ четырехъ слѣдующихъ словахъ начальное *о* есть эвфонич. приставка, а не предлогъ: *ожеледиця* (настъ; ср. «облакы, воды, снѣгъ, *жлѣдица*» въ Жит. святъ 1529. г. Востоковъ, Словарь s. v.); *оболонне*: у Вільбові на *оболоні* (наї?)... тай Ивась іграє, копьё вихае, Метлин. 334, Остеръ, съ чѣмъ ср. стар.

Русск. *болонье*, напр. въ Ипат. лѣт. 89, 39: «сташа на болоньи (по Ерм. сп. XVIII в. на оболонѣ) въ лозахъ» (*) Польс. błonie, лугъ, Чеш. blana (съ корот. a), лугъ, открытое поле, выгонъ; *оболона*, въ значеніи оконнаго стекла—уже въ Волын. инвентаряхъ XV—XVI в. Вр. болона́, бо́лонь, заболонь (см. Даля Сл.), Пол. błona, Чеш. bláпа (а долгое), плева и пр.; *ополонка*, прорубь, б. м. собственно—мѣсто очищенное отъ льда, Чеш. planо открытое поле, вырубленный лѣсъ. Вѣроятно въ Мр. найдутся слова, въ коихъ въ разныхъ мѣстностяхъ или даже въ одной и тойже ставится въ началѣ то эвф. *о*, то *и* (і). Если нынѣ Малороссіяне произносятъ только *Ильтиця* (Максимовича Нов. письма; осн. форма Льтиця), то безъ сомнѣнія туземно и не заимствовано и другое названіе этой рѣчки Олто (напр. Ипат. Л. 43, 11, поидоста въ Олто, а по Ерм. позднему сп. въ Альту) при основной формѣ Льто.

—*Къ* § *29 и слѣд. Объ измѣненіи звуковъ о, е, въ у, ю и пр.* Г. Новицкій въ 4 § своей программы спрашиваетъ: «какъ произносится *о*, если на него опирается слѣдующая согласная?» Вопросъ слишкомъ узокъ: во первыхъ, измѣненію основнаго *о* обыкновенно соотвѣтствуетъ зависимое отъ тѣхъ же условій измѣненіе основнаго *е* (нюос, нюс, ніс—несла), о коемъ въ программѣ вовсе не упомянуто; во вторыхъ, *о* и *е* измѣняются характеристичнымъ для Мр. говоровъ образомъ не только тамъ, гдѣ они, «опираются» на слѣдующую согласную, но и тамъ гдѣ они ни на что не опираются, т. е. не только въ слогахъ обратныхъ и среднихъ, но и въ прямыхъ: ну—женька, ні—женька.

Къ перечисленію случаевъ измѣненія *о*, *е* и ихъ неизмѣнности я въ настоящее время не могу ничего прибавить. Замѣчу только, что наблюденія, проливающія

(*) Т. е. безъ сомнѣнія, въ тальникѣ, а не «въ виноградныхъ садахъ» (Древности, т. II, вып. I, Матеріалы для Археолог. слов, *болонье*.)

свѣтъ на это явленіе (въ коемъ г. Максимовичъ не усматривалъ ничего, кромѣ разнообразія, произвольности и вѣроятнаго, по его мнѣнію, заимствованія отъ Полабскихъ Славянъ, Ист. Др. Русск. Слов. Кіевъ 1839, 115), сдѣланы, сколько мнѣ извѣстно, впервые Ив. Вагилевичемъ (его Grammatyka języka Małoruskiego w Galicii, Lwów, 1845. стр. IX и 175) и Я. Ѳ. Головацкимъ (Грамм. Русск. яз. Львовъ 1849 § 32 и слѣд.) Наблюденія эти суть: *о*, *е* изъ ъ, ь, а равно и въ словахъ полногласныхъ по общему правилу неизмѣнны; измѣняемость *о*, *е* основныхъ зависитъ отъ качества слога.—Къ какимъ объясненіямъ Мр. перехода звуковъ *о*, *е* ведутъ эти наблюденія, это показано въ 34 § моей статьи.

Мало-русское нарѣчіе, принимаемое въ смыслѣ совокупности Мало-русскихъ или точнѣе, Южно-русскихъ говоровъ, характеризуется не столько тѣмъ, во что измѣняются звуки *о* и *е* (такихъ измѣненій этихъ звуковъ извѣстно не менѣе восьми, изъ коихъ по крайней мѣрѣ пять есть и въ другихъ слав. нарѣчіяхъ), сколько сходствомъ или единствомъ условій этихъ измѣненій и ихъ исходною точкой.

Древнѣйшая форма Мр. измѣненій звуковъ *о*, *е*, *встрѣчаемая въ памятникахъ*, есть *у*, *ю*. Памятники эти восходятъ къ XIV вѣку. Пожалуй, въ жалованной грамомѣ Галицкаго кн. Льва Даниловича Спасскому монастырю, 1293 (Головацкій, Христоматія. Вѣна 1854, 315, гдѣ эта Грам. перепечатана пзъ Грам. яз. Рус. Левицкаго, Перем. 1834) встрѣчаемъ: «владыце нашему.... и по нюмь будучимъ епископомъ»; но подлинность этой грамоты, равно и другой того же князя 1302 (ib 316), сомнительна, почему онѣ и не упомяты въ Др. пам. Русск. письма и языка, Срезневскаго.

Въ записи на имѣніе въ Червоной Руси, писанной «у Вышни» 1393 (Ак. отн. къ И. Ю. и З. Р. I, № 3, со списка, доставленнаго г. Зубрицкимъ), находимъ «шисть» (шесть). Въ грам. Бенка, старосты Галицкаго и Снятинскаго, писанной въ Коломыи 1398 (изд. въ снимкѣ

и спискѣ въ Др. пам. Р. письма, и яз. Срезн. и въ спискѣ, не совсѣмъ точномъ—въ Ак. отн. до И. Ю. и З. Р. I, № 3), по чтенію И. И. Срезневскаго: «перед кымъ будетз (въ снимкѣ—будеть) чтюнъ», «своии женѣ», «на своюмъ селѣ», «на своюи вотнинѣ». Въ Ак. отн. до И Ю. и З. Р. знакъ *ю* въ этой грамотѣ прочтенъ за іо (=ё): чтіонъ, на своіомъ селѣ, на своіой вотчинѣ (въ спискѣ очевидно «вотнинѣ»), своіой женѣ (въ снимкѣ—своии). Въ Львовской купчей 1400 г. (Ак. отн. до И Ю. З. Р. I, № 6): «передъ кымъ коли буде тътъ листъ чтюнъ,» «продалъ за 30 копъ Рускыхъ безо двy купу и за кунь.» О «чтюнъ» въ этихъ двухъ грамотахъ замѣчу, что такого измѣненія *е* въ причастіяхъ страд. на—*е*нъ въ современныхъ говорахъ я не встрѣчалъ: обыкновенны на западѣ только прич. въ опредѣленной формѣ на—ёный, оный (ёны,—оны); но *ю* изъ е встрѣтилось въ загадкѣ, записанной въ Кобрин. у. въ сходномъ суф. енъ прилагательнаго *черлюн* (изъ черлён, чьрвленъ); въ этой формѣ прилагат. это есть или было и въ Галиціи какъ видно изъ фамиліи Черлюн-чак-евич. Говорится ли гдѣ либо теперь *чтюн*ъ? Въ гр. 1400 г. *у* въ «двy купу» (вм. копу) мнѣ совершенно не понятно и похоже на ошибку. Въ Правой грам. выданной Петрашемъ, Старостою Галицкимъ 1401 или 1431 (Ак. отн. къ И. Ю и З. Р. № 8): «подъ Божьимъ нарож*и*ньемъ.» Въ заемномъ письмѣ, писанномъ во Львовѣ 1421 (ib. № 14): «имаю дати ту (а не *то?*) сто к*у*пъ... а пакъ ли бы панъ Васко не (от) далъ тѣхъ ста к*у*пъ... отъ сеѣ матки Божьѣ у р*у*къ, тогда... Въ Кобрин. грам, 1479 (по списку въ метрикѣ Литов. ib № 228): «пок*и*ль живъ.» Въ Слуцкой грам. 1493—4 (съ подлинника, ib № 232): отс*ю*ль, отт*у*ль и оттоль. Въ Луцкомъ актѣ 1596 (Русск. Бес. 1857, 3): отък*у*ль, на т*у*мъ же слѣду. Ю въ отсюль произошло изъ *е* и есть исключительно Мр. явленіе; но *у* въ—*куль*,—*туль*, хотя могло образоваться изъ *о*, по Малорусски, однако могло произойти и другимъ путемъ, такъ какъ распространеніе этихъ формъ шире пре-

дѣловъ Мр. нарѣчія: *покуль* обыкновенно въ Зап. Русск. грам. XV (напр. Ак. Ю. и З. Р. I, № 31); оттуль—въ записи 1479 о Ржевской дани, памятникѣ не Мало-русскомъ (Ак. отн. до И. З. Р. I № 71); и теперь—куль,—*туль* есть въ Велико-русскихъ мѣстностяхъ.

Свидѣтельство памятниковъ, однако, не доказываетъ, что описанная въ нихъ форма Мр. измѣненій *о*, *е* есть точно древнѣйшая. Напротивъ есть основанія думать, что въ Мр. *о*, *е* первоначально перешли въ двоегласныя.

Въ нынѣшнихъ Мр. говорахъ замѣчаемъ слѣдующее: а) Въ Заблудовскомъ (Бѣлостоц. у. Грод. губ.) о=уо́ (вуо́з, одинъ слогъ) и е=юо́ (одинъ слогъ: вјюоз—везла) б) г. Аѳанасьевъ Чужбинскій (Мр. Словарь въ Матер. для сравнит. слов. и гр. т III) свидѣтельствуетъ, что о=уо́ и въ Черниговской губ: буо́б, буор, вуо́з, вуо́л и пр. Къ сожалѣнію, онъ счелъ излишнимъ сообщить, какую мѣстност Черниrов. губ. онъ разумѣетъ. Извѣстно, что въ Черн. губ. есть не только Мр. говоры довольно различные между собою, но и Южно-велико-русскіе. По нѣкоторымъ примѣтамъ осмѣливаюсь думать, что діалектологическія свѣдѣнія г. Аѳанасьева—Чужбинскаго, добыты не изъ непосредственныхъ наблюденій, а изъ собственной головы, на основаніи немногихъ данныхъ. Такъ напр. сомнительна форма *вуо*вна (Укр. вовна, основ. форма вълна, шерсть), а еще сомнительнѣе *вивчаруовна* (первое о=і, второе=уо). Двоегласную юо́ (*уо* послѣ согласныхъ несмягчаемыхъ, напр. вечуор, жуонка) находимъ у г. Аѳ. и въ *верюо*вка (Укр. верёвка), между тѣмъ тамъ слѣдуетъ ожидать неизмѣннаго ё (изъ е бѣглаго, вставного; которое приравнено языкомъ къ *е* изъ ъ) или, въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ коихъ, какъ въ Сосниц. и Козелец. у. р твердо,—*о* (веровка). При *загніт*, род. загнету выставлена Черн. форма загнѣет, изъ коей видно, что въ основаніи ея лежитъ форма съ *ѣ*: гнѣт; между тѣмъ два приводимыя въ словарѣ значенія этого слова (1-е то, чѣмъ придавливаютъ дощечки въ кадкахъ съ соленьемъ и т. п.; 2-е подрумяниваніе хлѣба) предполагаютъ двѣ различныя

формы: 1-му значенію соотвѣтствуетъ осн. форма *шетъ*, въ коей *е* должно бы перейти черезъ ё въ *ю*, ю и т. д. второму—осн. форма *гнѣтъ* (гнѣтити, accendere). При *зашінтувать* (отъ шептати) выставлена Черн. форма *зашуоптавать*, изъ коей видно, якобы *і* (ŭ) въ Укр. формѣ произошло изъ *е* черезъ *о*; но въ другихъ такихъ же глаголахъ, какъ и слѣдуетъ, Укр. *і* принято за происшедшее не изъ *о* (resp. ё), а изъ *ѣ*, правильнаго усиленія основнаго е: такъ при Укр. *затісувать* (тѣс—изъ *тес*), *зачісувать* (*чес—*) выставлены Черн. формы затіесавать, зачіесавать, а не зачуосавать. При Укр. жмінька (отъ жменя) выставлено Черн. *жмієнька* и здѣсь точно нельзя ожидать ни ё, ни *юо*, *ю* изъ *е*, потому что слѣдуетъ мягкая согласная, и можетъ быть только сомнѣніе относительно того, дѣйствительно ли въ Черн. стоитъ іе (и-е) или же другой подобный звукъ; въ *вуосім* г. Аѳ. при такихъ же условіяхъ ставитъ і (й). Объ этомъ *іе* будетъ рѣчь ниже. Какъ бы то ни было, пока нѣтъ основаній утверждать, что ни въ одномъ изъ Мр. говоровъ Черниговской губ. нѣтъ *уо*, *юо* (изъ *о*, *е*), существованіе коихъ въ Заблудов. говорѣ не подлежитъ сомнѣнію. в) Въ Черниговскомъ говорѣ (т. е. около Чернигова, или во всемъ уѣздѣ?), по показанію г. Новицкаго (програм. § 4) «*о* переходитъ въ особенный *глухой* звукъ, выражаемый, хотя и не совсѣмъ точно, буквами уы: луый, нуыс, туылько, суыль, дуылъ.» Относительно эпитета *глухой* замѣчу, что мы привыкли называть глухими звуки подобные древнимъ *ъ*, *ь*, и существующіе и теперь въ разныхъ Слав. нарѣчіяхъ, звуки, которые никогда не бываютъ двоегласными; избѣгая смѣшенія понятій, звуковъ двоегласныхъ, каковы очевидно *уы*, не будемъ называть глухими, какъ бы трудно они ни улавливались ухомъ. Каково измѣненіе *е*, соотвѣтствующее измѣненію *о* въ *уы*, этого г. Новицкій не сообщаетъ. г) Въ Сосницкомъ у. Черн. губ. г. Кулишъ замѣтилъ уе (уэ) изъ о: вуел; другой наблюдатель тамъ же этого не замѣтилъ, о чемъ см. въ прилож. къ этой статьѣ. д) Г. Срез-

невскій (Мысли объ иот. Р. яз. 56) упоминаетъ о произношеніи гдѣ-то въ Мр. нар. *о* за *уи* (=уі), *уа*: буіг, буаг. Во всякомъ случаѣ такое произношеніе имѣетъ мѣсто или въ сѣверной полосѣ Мр. говоровъ, сосѣдней съ В.-русскими, или же за Карпатами. е) *у* изъ *о*, ю изъ *е* замѣчаются въ Бѣлостоцкомъ говорѣ (изрѣдка, при уо, юо), въ уѣздахъ: Пружан. Бѣльск. Брест. Кобринскомъ Гродн. губ. въ Пинскомъ Минской, въ части Волынской губ. въ уѣздахъ Козелецкомъ, Сосницкомъ (см. прилож.) и Кролевецкомъ Черниг. губ. Это произношеніе идетъ тоже полосою отъ запада на востокъ, южнѣе произношенія двоегласнаго. Съ другой стороны *у* изъ *о* слышится въ округ. Сатмарскомъ и Бережскомъ, (Срезнев. Мысли объ И. Р. яз. 56; его же статьи Русь Угорская, отрывокъ изъ опыта географіи Русскаго яз. въ Вѣст. Имп. Русск. Географ. Общ.1851. ч. II, я не имѣлъ подъ руками; Mikl. V. Gr. I, 344). ж) Въ уѣздахъ Бѣльскомъ и Брестскомъ при у изъ о встрѣчается и *ю* изъ того же *о*: рюдний. Вѣроятно это *ю* произносится здѣсь нѣсколько иначе, чѣмъ въ люблю. Кажется, нѣчто подобное слышится и въ Угорщинѣ. Вагилевичъ (Gram. XX) говоритъ, что у Гуцуловъ въ горахъ округовъ Станиславовскаго и Коломыйскаго и въ Буковинѣ произносятъ *борлюг* (Укр. берліг, Черниг. (по Аѳанасьеву) берлуог), гдѣ *ю* изъ *о*. з) Произношеніе *о* за *и* среднее (близкое къ *ы*) тоже идетъ двумя полосами. Г. Новицкій находитъ его въ говорѣ Нѣжинско-Переяславскомъ, что, быть можетъ, не совсѣмъ вѣрно: *лий*, *нис*, *силь*. Оно же встрѣчается въ Брест. у. рядомъ съ *у* и съ *о*: *ри*дний. Съ другой стороны этимъ произношеніемъ отличается, по Головацкому, говоръ Карпатскій (по обоимъ склонамъ Карпатъ отъ Попрада до верховьевъ Быстрицы и Тисы). Между прочимъ у Лемковъ въ кôнь, мôг (=*кинь, миг*) гласная явственно отличается отъ *і* въ тінь, міх (см. въ моей статьѣ стр. 155). и) *о*=і, не смягчающему предыдущей согласной (почему пишутъ лъій, нъіс и можно бы писать *л'ій*), свойственно, по г. Новицкому, говорамъ Кіевскому и Восточному Подоль-

скому, а по Головацкому—говору Волынско-Подольскому (со включеніемъ части Галиціи по лѣвую сторону Середа и по обѣ стороны Буга), который отождествляется имъ съ Украинскимъ (Розправа и пр. 48). і) Наконецъ і (изъ *о*) смягчающее предыдущую согласную, потерявшее всякій слѣдъ своего происхожденія, по Головацкому, свойственно говору Галицкому, (въ средней части Русской Галиціи между говорами Карпатскимъ и Подольскимъ). По г. Новицкому тоже и въ западномъ Подольскомъ, Полтавскомъ и Харьковскомъ. Относительно двухъ послѣднихъ я сошлюсь однако на то, что иные и здѣсь различаютъ *і* въ нис (нос) отъ *і* въ ніс (несъ). Требуетъ изслѣдованія вопросъ: идетъ ли полоса съ острымъ *і* изъ *о* отъ Галицкаго говора на востокъ непрерывно, или же она прерывается гдѣ либо инымъ произношеніемъ.

Какъ ни неполны, а отчасти шатки эти свѣдѣнія, но изъ нихъ видно, что *і* изъ *о* (смягчающее, или несмягчающее предыдущей гласной) свойственно срединнымъ говорамъ; къ чимъ прилегаютъ съ обѣихъ сторонъ говоры съ *и* изъ о: къ этимъ тоже съ двухъ сторонъ говоры съ *у*; окраинамъ области занимаемой Мр. нарѣчіемъ свойственно двоегласное произношеніе *о* (уо, уи и пр.). Понятно, что сказанное относится только къ мѣстностямъ издревле занятымъ Южно-русскимъ племенемъ. Мѣстности на востокѣ, хотя и крайніе отъ В.-русскихъ, какъ нѣкоторые уѣзды губ. Курской и Воронежской, но населенныя относительно недавно выходцами изъ срединныхъ мѣстностей Южной Руси, по говору, принадлежатъ къ срединнымъ. По всѣмъ соображеніямъ (см. въ моей статьѣ § 30, 1, 2 и 34) оказывается, что наиболѣе длинный путь пройденъ измѣненіями основнаго *о* въ срединныхъ говорахъ, гдѣ это *о*=і, а наиболѣе древнія формы этихъ измѣненій сохранены на окраинахъ. Нѣчто подобное замѣчается и въ измѣненіяхъ звука ѣ. Этой архаичности крайнихъ говоровъ нисколько не противорѣ-

читъ то, что въ другихъ отношеніяхъ они подверглись болѣе сильнымъ постороннимъ вліяніямъ, чѣмъ средніе.

Мнѣніе М. А. Максимовича (Ист. др. Р. сл. 112), что *у* за *о* «только изрѣдка бываетъ въ Южно-русскомъ произношеніи, но гораздо болѣе въ языкѣ Бѣло-русскомъ, напр. кунь, вул,» слѣдуетъ считать ошибочнымъ. Если не будемъ смѣшивать ослабленія *о* неударяемаго въ *у*, имѣющаго мѣсто и въ Вр. и въ Мр. говорахъ (см. въ моей ст. § 19 в) 36, б) и составляющаго правило въ нѣкоторыхъ Болгарскихъ (голему чуду изъ големо чудо) съ измѣненіями основнаго *о* предполагающими его долготу, каково измѣненіе о въ кунь—коня (*); то увидимъ, что сего послѣдняго измѣненія, ни ему подобныхъ вовсе нѣтъ ни въ Бѣло-русскомъ, ни въ Велико-русскомъ вообще.

Замѣчу одинъ случай, дающій поводъ думать, что Велико-русскому не совсѣмъ чуждо измѣненіе *о* въ *и* (і): *опричь* при *опрочь*. Кажется, эти слова, не смотря на тожество значенія, по происхожденію, различны. Въ Вр. памятникахъ XV вѣка при *опрочь*, *опроче* (кор. *прок*) находимъ не *опричь*, а *оприсно*, *оприснь*, откуда *опришный*, *опришнина*, съ *ш* изъ *с*, какъ во *вчерашній* отъ *вчера—съ*. Такъ напр. въ грам. 1406, опроче и опришнина (С. г. гр. и дог. I, № 39); въ гр. 1410 (ib. № 40) далъ есмь... городець на Волзѣ *оприснь* мыта и тамги; въ гр. 1434 (ib № 54) «*опроче* Углича поля» и «*оприсно* того села.» Возможно, что форма *опричь* выведена нѣсколько позже этого времени, посредствомъ ошибочной этимологіи, или изъ *опришный*, *опри*шнина, въ коихъ *ш* принято за происшедшее изъ *ч* (какъ въ яшной=ячный), а не изъ *с*, согласно съ чѣмъ и пишется *опричнина*, *оприч*никъ, или изъ *оприснь*, *оприсно*, въ коемъ *с* принято за происшедшее изъ *ч* посредствомъ *цъ*, по выговору нынѣ свойственному нѣкоторымъ сѣверно велико-русскимъ говорамъ (см. въ моей ст. § 26, в.) такимъ

(*) И. И. Срезневскій именно и сравниваетъ форму муравей (изъ моровей) съ буг—бога. (Мысли объ и. Р. яз. 56).

образомъ, какъ *ясьной*—изъ яцьной, а это изъ ячьной, ячьный. На самомъ же дѣлѣ *оприснь*—одного происхожденія съ *присьнъ* и не имѣетъ связи съ *прокъ*.

— Въ Мр. *а* переходитъ въ *і* (тамъ же, гдѣ и *о* въ *і*, а не въ *и*, *у* и пр.), сколько извѣстно, въ одномъ только словѣ *крій*, гдѣ оно въ значеніи предлога; да и тутъ чаще слышится *край*. Можно думать, что *і* возникло здѣсь черезъ посредство *о*, замѣстившаго, по случайной неправильности выговора, основное *а*. Въ *гид*, *гид*кий основной звукъ есть на *а*, какъ въ *гадкій*, а *ы*, которое въ Укр. и остается въ видѣ *и* средняго. Слова рій вм. рай (Лавровскій, Обзоръ замѣч. особ. нар. Мр. 7, Ж. М. Н. Пр. 1856, 6) мнѣ не случалось встрѣчать, а оно приведено безъ ссылки. Постоянно говорится рай, а рій=рой. Слова *вирій*, род. *вир*ья никоимъ образомъ нельзя разложить на *вы* и *рай*; его болѣе древняя форма есть *ирий*, род. *ирья* (Лавр. лѣт. 101, 40), съ бѣглымъ *и* (какъ Юрій, Юрья), каковымъ никогда не бываетъ *і* изъ *о*.

— Больше случаевъ перехода основнаго у въ *і*: въ Укр. говорѣ—огірок, заміж (но непремѣнно муж, мужа), діброва (въ Гродн. а вѣроятно и Черн. губ,—огурок, замуж, дуброва); по Вагилевичу (Gram. VII—VIII) еще—сім (изъ *сум*, вѣроятно одного происхожденія съ сумний, сумовати), жміт (жмут), гільтай (гультай), кічма (кучма), між (муж), піть (путь), каламітний (каламутний); въ пѣснѣ записанной въ Кобринскомъ у. встрѣтилось *бій*нијі вітрики (буйнији). Измѣненіе это произошло вѣроятно по аналогіи съ переходомъ *о* въ *і* черезъ у; но до полнаго сходства между этими явленіями недостаетъ случаевъ чередованія *і* въ слогѣ среднемъ съ *у* въ прямомъ. Что до *сніір*, которое Вагилевичъ относитъ сюда же на основаніи Пол. śniegul, то въ немъ *і* не изъ *у*, а изъ обще-русскаго *ы*, которое въ Укр. и произносится какъ *и* среднее (снигирь); подобнымъ образомъ и въ *глибокий* и не изъ у=*и*, *і*, а изъ *ы*: глыбокый.

— На вопросъ: «какъ образуется дат. и предложн.

ед. ч. прилаг. ж. р.» г. Новицкій отвѣчаетъ: «общеупотребительное окончаніе его—на *ій*, напр. чорній, но одновременно съ нимъ существуетъ еще, преимущественно на правой сторонѣ Днѣпра, окончаніе на *і*: чорні, а въ Кіевскомъ нарѣчіи еще на *ойі*: чорнойі, білойі, сходно съ родительнымъ» (вопр. 33). Эту послѣднюю форму, выходящую изъ ряда обычныхъ, интересно бы встрѣтить въ образцахъ Кіевскаго говора. Окончаніе *ій* общеупотребительно только тамъ, гдѣ о=і. Обще-малорусская основная форма этого окончанія есть *ой*, ёй, и гдѣ *о*, ё переходитъ не въ *і*, а въ *уо—юо*, *у—ю*, *и—і*, тамъ и въ дат. и мѣстномъ прил. и мѣстоим. ж. р. находимъ однуой—своюой, одний—својій. Отсюда видно, какъ ошибочно якобы этимологическое Мало-русское написаніе дат. и мѣст. чужѣй, лисѣй, синѣй (Головац. грам. 16, 93—др.; но тамъ же и правильно на сухôй, стр. 93).

— *Въ § 31 и 33 моей статьи* различены два случая измѣненія основнаго *е*: одинъ, когда е черезъ е переходитъ въ ё, а послѣ шипящихъ—въ *о* и за тѣмъ подвергается совершенно одинаковымъ измѣненіямъ съ основнымъ *о*, какъ напр. въ причастіяхъ на *л* глаголовъ съ корнемъ на согласную и безъ характера въ темѣ неопредѣленнаго наклоненія (вјюов=вюв=вів изъ вёв—вела) и др. отъ корней плет, мет, бред., вез, нес, греб, скреб, рек (вирікся=вирукся), пек, тек, стерег, берег (стеріг—стерегла, беріг—берегла); другой—когда е (изъ *е*) мѣстами остается, мѣстами переходитъ въ *і*, но не черезъ посредство ё, напр. сім (=сјем)—семи (Забл. семі). Первый случай имѣетъ мѣсто передъ согласными, твердыми уже въ др. Русск. языкѣ (вечір, жінка, тітка, плітка, намітка, матінка, утінка изъ матёнка, матюнка); передъ согласными отвердѣвшими въ позднѣйшемъ языкѣ (матір изъ матюр); въ мѣстн. пад. ед. прилаг. и мѣстоим. м. и сред: по сім (сём=по сюм=по сём, изъ основ. семь); передъ ј въ дат. и мѣстномъ ед. прилаг. и мѣстоим. ж: сёй, синёй=сюой, синюой=сюй, синюй=сій синій. Укранское окончаніе мѣстнаго п. мн. ч. на *іх*. напр. въ чо-

ботіх, воротіх имѣетъ основную форму не *ъхъ*, а *ехъ*, откуда сохранились въ западныхъ говорахъ формы *ёх*, *юх*: у сінёх, в hостюх (Кобр. у.). Укр. *лiћ*=люоћ, люћ, не изъ *ляћ*, какъ можно заключать изъ *ляћла*, а изъ болѣе древняго и правильнаго леглъ, откуда лёћ, люћ; формы ляћти, ляћ обязаны своимъ *я* стремленію языка сравнять корень второй темы (лег) съ корнемъ темы настоящаго: ляг, откуда лягу, ляжу. Двѣ другія формы съ кореннымъ *я*, быть можетъ, увлечены аналогіею съ лiћ=люоћ=люћ—ляглa (лећла): *запрић* (Кобр. запрюћши, запрюћ изъ запрёћ вм. запряћ, которое тоже употребительно), запряћла и *роздiгся* («в одежі ліћ и не роздіћся,» Котляр. Эн., роздіћшися ib), роздяглася. Аналогія не подѣйствовала, однако, на простяћ—простяћла, досяћ—сяћла, натяћ—тяћла. Второй случай, то есть отсутствіе посредствующаго ё при переходѣ *е* въ *і* имѣетъ мѣсто только передъ согласными мягкими въ настоящее время или такими, которые были мягки въ то время, когда установилось чередованіе *е*=*jе* въ среднемъ слогѣ съ *е* въ прямомъ. Сюда относится: шість—шести (Заблуд. ш'jесць или шыесць—шесці), сім—семи (Заблуд. сjем—семі), піч—печи, пліч (род. мн. при плечи) ніж (нежели), між (межи), вѣроятно—имена *ежь* м. и ж. р. какъ рубіж (и производныя напр. Рубіжня, село Валковскаго у.), карбіж («віћ—мо, на щотахъ не училась, над карбіжем тож не трудилась». Котляр., *Эн*. между тѣмъ какъ слѣдовало бы ожидать: надъ карбежем), молодіж, крадіж; лебідь, постіль, метіль, осінь, камінь, кремінь, ячмінь, корінь и *е* передъ оконч. ье: пірjя, пірjячко (Забл. пjер'jечко), весілля, весілячко (Забл. весjелечко) зілля (Сосн. зелле). Это измѣненіе наиболѣе сходно съ тѣми немногими случаями, въ коихъ *і* изъ *ѣ* въ среднемъ слогѣ чередуется съ *е* въ прямомъ, какъ річ—речи, зустріч—зустречи, ведмідь—ведмедя и др.

Не знаю, слѣдуетъ ли признать за общерусскую форму *ей* изъ основ. *иа* въ соловей, дверей, коней и допустить обратное измѣненіе *е* въ і въ соловій, соловійко,

соловієнько, канарійка (Бѣльск. Брест. Кобр.), двєрій (Брест.), коній (Галиц.). Трудно предположить, что *і* есть здѣсь основное *и*.

Въ дополненіе къ § 24 замѣчу слѣдующее: измѣненіе *о*, *е* въ *і* въ слогахъ среднихъ и неизмѣнность этихъ звуковъ въ слогахъ прямыхъ объясняли тѣмъ, что въ среднемъ слогѣ *о*, *е* *сжаты* слѣдующимъ согласнымъ звукомъ, а въ прямомъ—давленія согласной не существуетъ (Головац. грам. §§ 32, 35; Осадца грам. §§ 29, 33). Допустивши, что это объясненіе понятно, мы должны найти его недостаточнымъ, п. ч. разсматриваемыя гласныя могутъ переходить въ *і* и безъ всякаго давленія со стороны слѣдующей согласной: виволікати; но на самомъ дѣлѣ, если представить себѣ вліяніе заключительной согласной средняго слога *давленіемъ*, невозможно понять какимъ образомъ дѣйствіе тяжести производитъ явленіе противоположное ожидаемому, т. е. не сжиманіе, сокращеніе гласной, а ея расширеніе, превращеніе въ двоегласную: въ рік=руок первоначально вліяніе конечной согласной обнаружилось въ дифтонгированіи *о*, *е*, а *і* произошло уже изъ двоегласной.

Напротивъ, весьма легко понять, какъ гласная долгая можетъ превратиться въ двоегласную, какъ напр. изъ *оо* можетъ выйти *уо*, изъ *ее*—*іе*, а потомъ је. Славянскія нарѣчія въ противоположность Романскимъ дифтонгируютъ именно долгія гласныя (см. Два изсл. стр. 38). Сравненіе съ нарѣчіями, сохранившими настоящія недифтонгированыя долготы, показываетъ, что долгая гласная можетъ стоять не только въ среднемъ слогѣ, но и въ прямомъ. Такимъ образомъ принявши двоегласную изъ долгой гласной за исходную точку той смѣны гласныхъ, въ концѣ которой появилось Укр. *і* изъ *о*, *е*, мы до нѣкоторой степени объяснимъ не только такіе случаи какъ *стіh*, но и такіе какъ *виволікати*, *стіжок*. Изъ такого объясненія вытекаетъ два вопроса: почему средній (или обратный) слогъ требуетъ удлинненія гласной и почему удлинняется гласная, первоначально короткая, въ

слогахъ прямыхъ? Отвѣтомъ на первый вопросъ служитъ, до нѣкоторой степени, сравненіе вліянія средняго слога на удлинненіе гласной въ Славянскихъ языкахъ съ вліяніемъ Санскритской, Греческой, Латинской позиціи на гласную. Средній или обратный слогъ есть Славянская позиція. По тѣмъ же побужденіямъ человѣкъ удлинняетъ гласную, предчувствуя слѣдующее за нею стеченіе согласныхъ, то есть собственно такъ называемую позицію, по какимъ онъ это дѣлаетъ въ Славянскихъ языкахъ передъ одиночною заключительною согласною слога. Понятно, что это сравненіе не есть конечное и полное объясненіе; по фактическому частному языкозначенію, мнѣ кажется, далѣе итти не удобно. Что до втораго вопроса, то здѣсь удлинненіе гласной зависитъ уже не отъ одного элемента слова, не отъ слога. въ коемъ заключена гласная, а отъ вліянія суффикса: *волок—ти*, въ коемъ по особеннымъ причинамъ, (о коихъ ниже), *о* неизмѣнно, не смотря на средній слогъ, удлинняетъ это *о*, за тѣмъ измѣняетъ его въ двоегласныя и въ *и*, *і*, въ слогѣ прямомъ, получая новый характеръ *а*: виволі—*ка*—ти.

Очевидно сходство между случаями Серб богъ—*бога*, Мр. буоһ (буиһ, біһ) боһа и т. п. и такими какъ сон—сна или сну, пень—пня; но вмѣстѣ видна и разница между ними. И тамъ и здѣсь средній слогъ образовался въ слѣдствіе потери конечной гласной: бо—гъ, съ—нъ, пь—нь; но въ первомъ случаѣ коренная гласная въ среднемъ слогѣ удлиннилась, а во второмъ замѣнилась чистою, но долготы не пріобрѣла; въ прямомъ слогѣ въ первомъ случаѣ гласная осталась краткою, а во второмъ исчезла уничтоживши слогъ: сна изъ съ—на, пня изъ пь—ня. Слѣдовательно для удлинненія гласной и превращенія ея въ дифтонгъ нужно было извѣстное ея качество, полагаю—нѣкоторая, меньшая степень долготы, качество, коего не оказалось въ глухихъ *ъ*, *ь*, несмотря на ихъ близость къ *о*, *е* въ древнемъ русскомъ произношеніи. Выше было уже сказано, что еслибъ въ то время, какъ началось удлинненіе основныхъ *о*, *е*, въ сред-

немъ слогѣ глухіе звуки въ Мр. уже замѣнились чистыми *ô*, *e*, то мы имѣли бы теперь Мр. формы суон—сону, сін—сону, а не сон—сону, сну, спа.

Почему *o*, *e* въ среднихъ слогахъ словъ полногласныхъ (порoh, берeh) не удлинняется и не измѣняется въ *і* и пр? Г. Лавровскій (Обз. замѣч. особ. нар. Мр. стр. 8) говоритъ что выговоръ въ этихъ случаяхъ *ô* (resp. е) за о (е), а не за *і* «опирается на твердомъ началѣ первоначальной долготы гласнаго *а*, развившагося въ Русскомъ языкѣ, въ силу его полногласія, въ два *ô*» (resp. *e*), т. е. потому говорится холод, и не холід, что въ хладъ *а* было долгое. Это не вѣрно. Изъ сравненія съ Сербскимъ извѣстно, что Русск. *оро*, *оло*, *ере*, *еле* предполагаютъ и посредствомъ ударенія различаютъ основные слоги ра, ла, рѣ, лѣ какъ долгіе, такъ и короткіе. Поэтому ошибочно сказано и въ моей статьѣ о звукахъ (стр. 102), что «*оро*, *оло*, какъ всякое разложеніе долгаго звука, кратки»: они бываютъ разложеніемъ и краткаго, и долгаго слога. Тѣмъ не менѣе, какъ и при объясненіи неизмѣнности *о*, *е* изъ ъ, ь, причину неизмѣнности втораго *ô* въ холод и т. п. слѣдуетъ, мнѣ кажется, видѣть въ особенной краткости *о*, которая была замѣтна въ началѣ движенія звуковъ *о*, *е* по направленію къ *і*. Позднѣйшій языкъ въ полногласныхъ словахъ представляетъ двоякія отступленія отъ правила: одни какъ напр. Волын. и Галицк. произношеніе ворih вм. ворoh, уничтожающія старинныя тонкія различенія звуковъ разнородныхъ по происхожденію и ничего не созидающія; такія нарушенія строя языка могутъ дѣлать дѣти, безъ чутья языка, иностранцы, покорные случайнымъ аналогіямъ, говорящіе напр. піво брожить, п. ч. говорится брожу и броженіе. Другія отступленія творческія, сопровождающія образованіе новыхъ словъ, основанныя на вѣрныхъ аналогіяхъ, какъ напр. въ виполіскувати (отъ полоскати), въ коемъ *і* поставлено вм. *ô* потому же, почему въ Вр. выполаскивать—*а* вм. *о*.

— Къ § 32. *Переходъ е* въ ё, *о*. Г. Новицкій спрашиваетъ: «какъ произносится *о* со смягченіемъ предъидущей согласной въ притяжательныхъ на—*овий*, дательномъ м. р. на—*ові*, творительномъ м. р. на—*ом* и жен. на—*ою*? Въ восточныхъ нарѣчіяхъ, начиная съ Кіевскаго, это *о* переходитъ въ *е* съ потерею смягченія согласной, напр. виш*невий*, ко*неві*, ко*нем*, Васи*леві*, зем*лею* вмѣсто: вишньовий, коньові, коньом, Васильові земльою. Этотъ переходъ соблюдается и тамъ, гдѣ дѣйствительнаго смягченія не было, по несмягчаемости согласной: грушевий, рожевий, бурею, квачем, душею, царе́ві, вм. грушовий, царові и пр.» (вопр. 5). Говорить о переходѣ ё, *о* въ *е*—значитъ считать ё, *о* звуками основными, болѣе древними по отношенію къ *е*; но формамъ, какъ грушевий, вишневий, бурею никогда не предшествовали формы грушовой, вишнёвой, бурою. Въ Ст.-Сл. *о* вовсе не можетъ стоять послѣ мягкой согласной и Русск. языкъ, подобно всѣмъ остальнымъ Слав. нарѣчіямъ, предполагаетъ этотъ законъ. Ошибочно также утвержденіе, будто тамъ, гдѣ *е*. *о* слѣдуютъ за шипящими и за *р*, дѣйствительнаго смягченія не было по несмягчаемости согласной. По требованію древней Русской фонетики *р* можетъ соединяться и съ мягкими, а шипящіе и *ц* въ пуаемыхъ словахъ не могутъ сочетаться ни съ какими другими, кромѣ мягкихъ, что явствуетъ какъ изъ древнихъ Рус-

скихъ памятниковъ, такъ и изъ современныхъ говоровъ, изъ коихъ нѣкоторые не только удерживаютъ, но и увеличиваютъ нёбность этихъ согласныхъ. Гдѣ одни изъ Мр. говоровъ имѣютъ *е=э*, а другіе ё, *о*, тамъ общею исходною точкою для тѣхъ и другихъ было или *ѣ*, или основное Русское и общеславянское *е*, смягчающее предыдущую согласную, и отличное какъ отъ твердаго э, такъ и отъ ѥ. Связью между Малорусскими говорами служатъ тѣ случаи, въ коихъ основное *е* повсемѣстно (гдѣ не было постороннихъ вліяній) отвердѣло до *э*, и тѣ, въ коихъ оно повсемѣстно черезъ ѥ перешло въ ё, *о*, которые частью остались, частью подверглись дальнѣйшимъ измѣненіямъ въ двоегласныя и *і*.

Довольно хорошо извѣстны условія измѣненія *е* въ ё (jo) въ Южно-великорусскомъ и въ Польскомъ. О первомъ см. § 9 моей статьи. Непослѣдовательность въ этомъ отношеніи въ Южно-великорусскихъ говорахъ происходитъ отъ причинъ большею частью извѣстныхъ: отъ книжнаго вліянія удерживающаго звукъ *е*, отъ вліянія Сѣверно-рускихъ говоровъ (измѣненіе въ ё звука *е* неударяемаго), отъ различія ударенія въ разныхъ мѣстностяхъ (напр. йдет и идёт), отъ того, что слѣдующая согласная мѣстами осталась мягкою (идёть), мѣстами отвердѣла и тѣмъ повліяла на измѣненіе е въ ё. Въ Польскомъ литературномъ почти всякое основное *е*, а весьма часто и е изъ *ь* перешло въ *іе*=je послѣ всѣхъ согласныхъ, допускающихъ вторичное смягченіе (т. е. послѣ всѣхъ, кромѣ шипящихъ и rz изъ р и j). За тѣмъ уже одно *е* основное (а не *е* изъ *ь*) измѣняется въ *іо* (jo), а послѣ несмягчаемыхъ (въ нѣкоторыхъ же отдѣльныхъ словахъ и послѣ согласныхъ, допускающихъ смягченіе въ другихъ случаяхъ, напр. wesoły изъ wesioły)—въ *о* передъ согласными твердыми, обыкновенно, за исключеніемъ гортанныхъ и губныхъ. При этомъ мягкость слѣдующихъ за *е* согласныхъ опредѣляется не нынѣшнимъ состояніемъ языка, а тѣмъ, которое современно началу измѣненія *е* въ ё, напр. ziomny (а не ziomny, хотя ziomek и др.)—въ

силу влiянiя суффикса ъ и на предыдущее *м* (см. Małecki Gram. § 68—9). Обще въ Ювр. и Поль., кромѣ предварительнаго измѣненiя *е* въ є,—ассимилирующее влiянiе слѣдующей мягкой согласной: j заключенное въ *р* словъ перьє, pierze, удерживаетъ *е* отъ перехода въ ё; это послѣднее оказывается несовмѣстимымъ со слѣдующимъ j, подобно тому какъ въ древнемъ перiодѣ всѣхъ Слав. нарѣчiй оно было несовмѣстимо съ предыдущимъ j. Само собою, что какъ вообще весьма мало всеобщихъ законовъ благозвучiя, такъ и несовмѣстимость *iо* со слѣдующею мягкой согласной есть требованiе временное. Въ позднѣйшемъ Поль. (XVIII—XIX в.) оно нарушается весьма часто, обыкновенно подъ влiянiемъ формъ съ *iо*, *о*, принятыхъ за первообразныя (siostra, siostrze вм. стар. siestrze) иногда съ пользою для лексическаго богатства языка (напр. архаич. na czele, во главѣ, при новомъ na czole, на лбу). Вообще, однако, старинное правило еще не стерлось.

Въ Малорусскомъ найти условiя измѣненiя *е* въ ё гораздо труднѣе, вѣроятно потому, что за время существованiя этого перехода нѣсколько разъ измѣнялись его условiя, каждый разъ оставляя послѣ себя новые ряды словъ съ ё, *о*. Какъ въ обоихъ В.-русскихъ и въ Польскомъ, такъ и въ Мр. непремѣнное условiе измѣненiя *е* въ ё, *о* есть предварительное смягченiе этого *е*, большее, чѣмъ то, какое свойственно этому звуку до появленiя дiалектическихъ различiй. Нынѣ этого смягченiя большею частью незамѣтно послѣ шипящихъ, но вѣдь теперь только мѣстами слышны послѣ этихъ звуковъ и *я*, *ю*, между тѣмъ какъ сочетанiя этихъ звуковъ съ шипящими несомнѣнно свойственно древнему Русскому языку; *чюти*, а не чути и пр. Мр. нарѣчiе разнится отъ Вр. Поль. въ томъ, что въ немъ (за исключенiемъ сѣверныхъ говоровъ, какъ Заблудовскiй, въ коихъ въ силу позднѣйшаго Вр. влiянiя всякое *е*, стоящее не послѣ шипящей, измѣняется въ ё) лишь въ сравнительно немногихъ случаяхъ *е* смягчилось, но *е* смягченное за исключенiемъ нѣкоторыхъ случаевъ *е* послѣ шипящихъ и не многихъ другихъ пере-

шло въ ё, о, не зависимо отъ ударенія и отъ того, будетъ-ли это е основное, или происшедшее изъ ѣ.

Древнѣе прочихъ кажутся обще-малорусскія измѣненія е основнаго (не изъ ѣ) въ о послѣ шипящихъ передъ согласными твердыми, напр. жона́. Эти случаи были уже, какъ кажется, до замѣны глухихъ звуковъ чистыми. Къ нимъ примыкаютъ по времени появленія *обще-малорус.* о изъ *е=ь* послѣ шипящихъ и ё изъ *е* послѣ другихъ согласныхъ. Весьма вѣроятно, въ это первое время слѣдующій твердый слогъ дѣйствовалъ на предыдущій, какъ въ Ювр. и Поль., не допуская измѣненія *е* въ *о*, и что слѣды этого вліянія слѣдуетъ видѣть въ формахъ, какъ чернйти, пшени́ця, шести́ про чо́рний, пшоно́, шо́стий, въ словахъ полногласныхъ съ *ере*, какъ жеребець, жерело, че́рінь, (осн. ф. черень), черемха, черес и черело и др. подобныхъ. Можемъ предположить, что, какъ и въ Ювр., извѣстныя согласныя, напр. с, р, не мѣшаютъ ассимирирующему дѣйствію слѣдующей мягкой согласной, ибо сами смягчаются, напр. жесть, жердь. Впрочемъ остается довольно словъ, въ коихъ *е* послѣ шипящихъ передъ твердыми согласными осталось неизмѣннымъ, напр. въ червоний и т. п.

Другой обще-малорусскій случай—тотъ, гдѣ ё изъ *е* основного (а не изъ=ѣ) вызвано вліяніемъ средняго слога и потомъ большею частью заглушено позднѣйшими измѣненіями своими въ *юо*, *ю*, *і*, какъ напр. въ віз (вюоз, вюз) изъ вёз, вез, а это изъ везлъ. И здѣсь ё образуется не прямо изъ *е*, а черезъ є. Твердости слѣдующей согласной при этомъ не требуется, какъ видно напр. изъ дат. ед. йій (=юй) изъ ёй, формы дѣйствительно существующей и теперь при творит. ею.

Относительно новы тѣ случаи, въ коихъ ё, *о*, независимые отъ ударенія и качества слога, стоятъ въ Западныхъ говорахъ при Укр. *е*. Такъ въ говорахъ Гродненск. губ. находимъ: тверозий, черот (очерет), бережок, кудёрки, вітёр, ћорол (орел) човён, служонька, далёкій, зелёний, весёлий, четвёртий, дат. ед. м. р. ёви, ови

(=еві), твор. ед. муж. ём, ом, (=ем), твор. ед жен. ёю, ою (=ею), всёй, (им. ед. м. весь), всё (Брест. Кобр.) деревцо (Кобр.).

Къ § 35. Измѣненія звука ѣ. Въ программѣ г. Новицкаго вопросъ поставленъ такъ: «какъ произносится *ѣ*, или *е* съ опирающеюся на него согласною?» (вопр. 8). Какъ будто все равно, что *ѣ*, что *е*? Извѣстно, что въ Мр. нарѣчіи эти звуки гораздо болѣе различаются между собою условіями своего измѣненія въ другіе, чѣмъ въ Ювр. Изъ наличныхъ образцовъ Мр. говоровъ видно слѣдующее:

а) *Въ Заблудовскомъ говорѣ*: *ѣ* ударяемое внутри и на концѣ словъ послѣ смягчаемыхъ согласныхъ=јe (ье), послѣ несмягчаемыхъ—ые (одинъ слогъ='јe): лјэс, hр'јех =hрыех, сестр'јe=сестрые; *ѣ* неударяемое внутри послѣ смягчаемыхъ=е, послѣ несмягчаемыхъ—е: лесы, выстреліў; *ѣ* неударяемое на концѣ послѣ смягчаемыхъ=і, послѣ не смягчаемыхъ=*и*: у лјесі, на рыечц*и* (=цы).

б) *Въ Пружан. у*: *ѣ* удар. въ срединѣ и на концѣ послѣ смягчаемыхъ=*е*, послѣ несмягчаемыхъ=*е*: свет, у ноче; *ѣ* неудар. въ серединѣ=е (*беда*), а на концѣ? Быть можетъ сравнительно съ Заблудовскимъ здѣсь разница только въ написаніи, а не въ произношеніи.

в) *Въ Овруч.* у: ѣ удар. внутри=е (лес), неударяемое внутри=е, на концѣ—і: бежить, в светі.

г) *Въ Сосницкомъ* у: ѣ ударяемое послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ јі (ы), послѣ другихъ=і: вјітер, ріки, тоhді; *ѣ* неударяемое=е: бежиш.

д) *Въ Козелецкомъ* у: *ѣ* удар.=е и *і*: свечка, појідем; неудар. внутри=*е*, на концѣ *и*: стена, в носи.

ж) *Въ Кобринскомъ* у: *ѣ* ударяемое въ срединѣ и наконцѣ=і, неударяемое *и* (=ы) изрѣдка—е: цвіт, у лозі, зацвитают, у солом*и*. Тоже, но съ меньшею правильностію, быть можетъ, по винѣ записывателя, замѣтно и въ образцахъ Брест. уѣзда.

з) *Въ Укр* говорѣ *ѣ* вообще=*і* во всѣхъ случаяхъ, за исключеніемъ 1) немногихъ словъ, въ коихъ *ѣ* подчи-

нено влiянiю качества слога и измѣняется какъ основное *е* въ тѣхъ словахъ, въ коихъ это *е* переходитъ въ *i* безъ посредства ё: біль (слогъ среднiй)—бе-ли, какъ сім (изъ сем) —семи; 2) еще меньшаго числа словъ, въ коихъ ѣ=е, не зависимо отъ качества слога, какъ напр. въ Эн. Котляревскаго: «пішов треск, стук од молотів», «з великим треском». *Ѣ*=і и въ говорахъ Подольскомъ, Галицкомъ, Карпатскомъ, хотя въ послѣднемъ изрѣдка встрѣчаются и *ѣ—е*.

Въ дополненiе къ свѣдѣнiямъ о сѣверной полосѣ Мр. говоровъ замѣчу: Въ образцахъ говора Пружан. у. Михайловской волости, Бѣльск. и Пин. уѣздовъ (см. приложенiя) нельзя разобрать условiй измѣненiя *ѣ*. Видно только, что въ Пруж. Мих. вол. *ѣ*=*е*, *i*, *и*; въ Пинскомъ *ѣ*=*е*, *е*, *i*, *и*; въ Бѣльскомъ *ѣ* большею частью=і, рѣже=*е* и *и*. Г. Аѳанасьевъ Чужбинскiй въ своемъ Мр. словарѣ (Матер. для сравнит. и объяснит. словаря и грам. т. III), ссылаясь на Черниговскую губ. вообще (какъ будто эта губернiя по говору однородна), приводитъ формы, въ коихъ *ѣ* и ударяемое и неударяемое= іе (т. е. іе), іе (є), ѣ, напр. біелка, біесов, віехоть, вывіетрявать, віетер, завіена (это должно значить тоже, что Укр. завѣпа, т. е. завіна; но извѣстна только форма завійниця, спазмы въ желудкѣ, отъ которой можно заключать только къ формѣ завійна, завейна или завьейна); доменявать, дѣвка; вылѣчавать, засвѣчавать (ѣ у него=і); біеда, заліетать, заміетать, засіевать; допекать, делить, засекать. Такими неопредѣленными и сбивчивыми показанiями пользоваться не возможно.

Г. Новицкiй говоритъ, что «въ Сѣверскомъ нарѣчiи *ѣ* остается неизмѣннымъ», разумѣй: произносится какъ є; но образцовъ такого Мр. говора, въ коемъ *ѣ* постоянно произносилось-бы какъ є, мы не имѣемъ, а на основанiи извѣстнаго можемъ даже сомнѣваться въ ихъ существованiи.

Объясненiе заимствованiемъ извнѣ того, что намъ странно въ языкѣ или иной сферѣ, потому кажется мно-

гимъ легкимъ и привлекательнымъ, что оно перенося явленіе въ другую область, изслѣдованіемъ коей мы не занимаемся, служитъ для насъ предлогомъ отдѣлаться отъ непонятнаго въ кругу нашихъ изслѣдованій; но, доставляя изслѣдователю нѣкоторое удовольствіе, это объясненіе весьма часто сводится на приравненіе одной неизвѣстной величины къ другой столь-же неизвѣстной. Такъ напр. тѣ, которые считали Мр. нарѣчіе аномаліею по отношенію къ тому Русскому языку, который имъ былъ извѣстенъ, и объясняли появленіе Мр. нарѣчія польскимъ вліяніемъ, тѣ или вовсе не знали ни Малорусскаго, ни Польскаго, или не знали именно тѣхъ сторонъ этихъ нарѣчій, знаніе коихъ необходимо для вѣрнаго опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній. Въ извѣстномъ языкѣ мы вправѣ считать заимствованнымъ не то, что намъ кажется аномальнымъ, а то, что сверхъ этого, вполнѣ совпадая съ явленіями другаго языка, дѣйствительно понятно намъ въ этомъ послѣднемъ не въ силу его родовыхъ свойствъ, а въ силу пріобрѣтенныхъ имъ особенностей. Такъ въ Сѣв. Мр. говорахъ произношеніе *е* (=Укр. э) за е (какъ въ Заблудовск.), *о* неударяемаго (=Укр. *о*) за *а* (какъ въ Пинск. Кролев.), *е* и *ѣ* неударяемыхъ (=Укр. э и *і*) за *я* (какъ въ Пинск.) есть заимствованіе не только потому, что въ среднихъ и южныхъ Мр. говорахъ нѣтъ ничего подобнаго, но и потому, что именно тоже есть и объяснимо въ Ювр. Но зачѣмъ искать объясненія Малорусскому измѣненію о въ *уо*, *у* или *і* въ заимствованіи съ Польскаго, Словенскаго или Полабскаго, когда въ этихъ нарѣчіяхъ измѣненія *о* не совпадаютъ съ М.-русскими и когда о Полабскомъ *і* изъ *о* извѣстно несравненно меньше, чѣмъ о Малорусскомъ? Точно также я не могу согласиться съ мнѣніемъ г. Максимовича, что «Южно-русскій языкъ въ Сѣверской разности своей, прикасаясь къ средне-русскому нарѣчію Вр. языка и къ Бѣло-русскому, сбивается на выговоръ того и другаго... въ произношеніи *ѣ* какъ *е*», такъ какъ «многіе Сѣверяне говорятъ уже Чернеговъ, Нежинъ, возмѣть, ходемъ, идеть» (пов. накл.) (Истор. Др.-Русс. Слов.

107). Въ другомъ сочиненіи (Нов. письма о старобытности Мр. нар. въ «Днѣ» 1868, № 8) тотъ же ученый опровергая мнѣніе г. Лавровскаго объ особенной близости Мр. нар. съ Серб., говоритъ «о Черниговскомъ произношеніи *ије* вм. *ѣ*»: «такое произношеніе ведется и у Сербовъ Герцеговинскаго нарѣчія. Но это не имѣетъ никакого отношенія къ большинству Малороссійскаго народа, у котораго господствуетъ острое *и* вм. *ѣ*, равно какъ и у народа Галицкаго и Карпато-русскаго. Звукъ *е* произносимый двоегласно, когда *ѣ* приходится съ удареніемъ, есть областная особенность говора Сѣверскаго, которая въ немъ легко могла развиться и на Деснѣ, и на Сеймѣ, по ближайшему сосѣдству *Сѣверянъ* съ *Вятичами* и *Радимичами*, врѣзавшимися по рѣкѣ Сожѣ въ четыре сѣверные уѣзда Черниговской губерніи, гдѣ и донынѣ они дзекаютъ и акаютъ, обличая тѣмъ свою принадлежность къ нарѣчію Бѣлорусскому. Въ Средне-русскомъ нарѣчіи, особенно въ Рязанскомъ говорѣ, слышится также двоегласное *е* вм. *ѣ* съ удареніемъ, напр. саеѣдъ, найелси, йедя т. е. ѣдетъ (по Караджичевой правописи: «сасијед, наијелси, иједья)».

На эти мнѣнія я замѣчу:

Во-первыхъ, изъ вышеприведенныхъ свѣдѣній, более подробно изложенныхъ въ прибавленіи къ этой статьѣ, съ вѣроятностью можно заключить, что *во всей* сѣверной полосѣ Мр. говоровъ безъ перерыва до сравнительно новыхъ Мр. поселеній на востокѣ (въ Курской и др.) измѣненія *ѣ* зависятъ отъ присутствія или отсутствія ударенія. Относительно *ѣ* Заблудовское вјеџер относится къ *бежишъ*, какъ Пружан. Овруч. Кролевец. ве́тер къ *бежи́ш*, какъ Сосниц. вјіте́р къ бежи́ш, какъ Брест. Кобр. вите́р къ *бижи́ш*. Въ этомъ уравненіи мы можемъ вмѣсто Заблудовскаго э (ю) въ бежиш поставить *е* (=э), такъ какъ е въ этомъ случаѣ есть дѣйствительно заимствованіе, и тогда увидимъ, что во всѣхъ этихъ говорахъ вліяніе ударенія йотируетъ замѣну основного *ѣ* (при чемъ говоръ Кобр. Брест. путемъ грогрессивной асси-

миляціи доводитъ эту замѣну до *і*), а отсутствіе ударенія требуетъ замѣны *ѣ* нейотированною гласною. Въ ряду отношеній: ѣ: ѣ=je: e=ji: e=*i*: *и* ни одинъ членъ не можетъ быть вырванъ изъ общей связи и объясняемъ отлично отъ другихъ. Кто хочетъ объяснять *je* и *е*=ѣ Велико-русскимъ вліяніемъ, тотъ долженъ также объяснять и j*i*, *і*=ѣ и *е* (э), *и* (ы)=ѣ; но въ какомъ же это Южно-велико-русскомъ говорѣ ѣ=е (э), и (ы), ji, при такихъ же условіяхъ?

Во вторыхъ, въ вышеприведенномъ ряду замѣнъ основного *ѣ* нѣтъ двоегласныхъ, т. е. соединенія двухъ гласныхъ въ одинъ слогъ, ибо je состоитъ изъ согласнаго j и гласной. Въ Заблудовскомъ замѣна *ѣ* ударяемаго послѣ согласныхъ, не допускающихъ непосредственнаго соединенія съ j (т. е. послѣ ц, р и шипящихъ) имѣетъ звукъ, выраженный очень умѣлымъ записывателемъ через *ыé* (рыéчка). Я не сомнѣваюсь, что эти звуки составляютъ одинъ слогъ, но думаю, что и здѣсь нѣтъ двоегласной, что вмѣсто *ые* слѣдовало бы выразить этотъ звукъ посредствомъ je съ апострофомъ или, если угодно, съ *ъ* отдѣляющимъ это *je* отъ предыдущей согласной: р'jечка, ръjечка. Въ послѣднемъ случаѣ ъ есть знакъ, а не гласная, такъ что выговорить рые=р'je=ръje иначе, какъ съ удареніемъ на *е*, столь же невозможно, какъ и поставить удареніе надъ j въ вjера или вjір*а* (вьера, выра).

Не знаю, откуда гг. Лавровскій и Максимовичъ почерпнули свѣдѣнія о Черниговскомъ *иje* изъ *ѣ* ударяемаго; если изъ словаря Аѳанасьева-Чужбинскаго, то свѣдѣніе это не вполнѣ достовѣрно. Я думаю, что это *иje*, или по написанію г. Аѳанасьева *іе*, есть не что иное, какъ je (не двоегласная, а согласная съ гласною) и что поэтому-то г. Аѳанасьевъ смѣшиваетъ этотъ звукъ съ е. Замѣчательно, что г. Максимовичъ считаетъ это *иje* на столько-же двоегласнымъ, какъ Рязанское *ье* въ сасьедъ, въ коемъ вовсе нѣтъ двоегласности. Что до мнѣнія, будто-бы это сасьедъ по правописанію Караджича было-бы сасиjед, то оно

ошибочно. Правописаніе Караджича весьма точно: въ немъ строго различаются сочетанія је и ије; послѣднее всегда обозначаетъ два явственные слога, изъ коихъ каждый можетъ имѣть на себѣ удареніе, напр. ри̏—јеч (рѣчь) и ри—је̏—ка (рѣка). Безъ сомнѣнія Южно-сербское ије образовалось изъ двоегласной (изъ одного слога), но теперь оно не есть двоегласная въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Между Мр. говорами, въ коихъ *ѣ* ударяемое=је, ѣ неудар.=*е* и Южно-сербскимъ, въ коемъ *ѣ* долгое=ије или ције, а *ѣ* короткое ударяемое или неударяемое =је, есть нѣкоторое сходство, впрочемъ не дающее права видѣть въ сѣв. Мр. произношеніи Сербское вліяніе. Между сѣв. Мр. и Южно-велико-русскимъ со включеніемъ Бѣлорусскаго не нахожу даже и сходства, кромѣ того, которое условлено, единствомъ исходной точки. Въ Юვр. вовсе не вижу того различенія *ѣ* ударяемаго и неударяемаго, по которому первое йотируется, а второе нѣтъ; въ немъ всякое *ѣ* йотируется, уравниваясь этимъ съ *е*, а затѣмъ при отсутствіи ударенія въ извѣстныхъ случаяхъ переходитъ въ *я* (вянóкъ, какъ бяру), а подъ удареніемъ остается: ве́ник, какъ сем.

Въ-третьихъ, точно-ли Свр. Мр. различеніе *ѣ* ударяемаго и неударяемаго не имѣетъ никакого отношенія къ говорамъ Укр., Подольскому, Галицкому, Карпатскому, въ коихъ вообще *ѣ*=*ï*? Точно-ли нѣтъ никакого перехода отъ је, е=ѣ къ і=ѣ? Какъ остатки *е* изъ *ѣ* въ говорахъ среднихъ и южныхъ (*біль*, бели и т. п. См. въ моей статьѣ О звукѡв. особ. § 35-й), такъ и је, е=ѣ въ сѣверныхъ доказываютъ, что для всѣхъ Мр. говоровъ исходною точкою было произношеніе *ѣ* близкое къ *е*, при томъ не въ доисторическую пору полнаго единства Русскаго языка, а незадолго до того времени, когда съ одной стороны потеряны были глухіе звуки на концѣ словъ и обнаружилось вліяніе качества слога на измѣненія гласныхъ, а съ другой стороны появилось вліяніе ударенія на качественныя измѣненія *ѣ*. Нѣкоторыя изъ

Сѣверно-малорусс. говоровъ показываютъ намъ, какъ *ѣ* ударяемое черезъ *je* можетъ перейти внутри слова въ ji и i (вjєтер, вjiтер, вiтер). Если бы оказалось вѣрнымъ, что гдѣ либо въ Мр. дѣйствительно есть *uje* изъ *ѣ*, то въ объясненіе того, какъ изъ этихъ двухъ слоговъ можетъ образоваться чистое *и* можно бы сослаться на Южно-Сербское, въ коемъ при *ѣ*=ије, въ извѣстныхъ случаяхъ, стоитъ не только *и* изъ *ѣ* основнаго, но даже и изъ основнаго *еје*; ије: нисам изъ нијесам (нѣсмь), о чемъ см. Mikl. Vergl. Gr. I. 309—10. Въ тѣхъ-же сѣв. говорахъ встрѣчаемъ на концѣ словъ *i*, происшедшее изъ *ѣ* неударяемаго безъ посредства той явственной йотаціи, которая слышна въ вjєтер, (или вьєтер), а прямо изъ е: на свjeтi съ *ті* изъ те, а не изъ тjе=тые, какъ въ Свр. и Ювр. говорахъ (см. въ моей стат. О зв. особ. стр. 65, 82). Я нахожу вѣроятнымъ, что въ Укр. говорѣ и другихъ, не отличающихъ *ѣ* ударяемаго отъ неударяемаго, это различеніе нѣкогда существовало и что часть звуковъ *i*=*ѣ* въ этихъ говорахъ произошла вышеуказанными двумя путями. Несомнѣнно, что другая часть—произошла подъ вліяніемъ среднихъ слоговъ (какъ въ біль). При всемъ этомъ трудно объяснить, какъ въ Укр. и другихъ подобныхъ вытѣснено значительное количество звуковъ *е*(=э) изъ ѣ, неударяемыхъ или стоящихъ въ слогахъ прямыхъ, посредствомъ і? Не думаю, чтобы за среднюю ступень между *е* и *i* можно было принимать то среднее *и* (=ы) изъ *ѣ* неударяемаго, которое находимъ въ Брест. Кобр. у. Быть можетъ, потерянная средняя форма между свjiт—светити и свiт—свiтити есть свjiт, свeтити, состоящая въ смягченіи *е* изъ ѣ неударяемаго? Во всякомъ случаѣ потеря переходныхъ формъ не даетъ еще права утверждать, что между Сѣв. Мр. говорами и Укр. относительно замѣны *ѣ* нѣтъ никакой связи. Скорѣе можно думать, что Сѣв. говоры въ этомъ отношеніи столь-же архаичны по отношенію къ Укр., но столь-же связаны съ нимъ, какъ и въ замѣнахъ *о*, *е* посредствомъ *уо*, *юо*... *i*.

— Мр. говоры и въ настоящее время въ большинствѣ случаевъ даютъ возможность отличать основное *е* отъ *ѣ*; однако въ древнихъ южно-русскихъ памятникахъ употребленіе знаковъ *е* и *ѣ* не безошибочнѣе, чѣмъ въ Велико-русскихъ. Такъ въ Волынскомъ спискѣ поученій Ефрема Сирина XIII в. г. Срезневскій находитъ множество случаевъ употребленія *ѣ* вм. *е*, при томъ не только тамъ, гдѣ въ позднѣйшихъ Мр. говорахъ *е* измѣняется въ *і* (напр. вечѣръ), но и тамъ гдѣ нынѣ *е* нигдѣ не переходитъ въ *і*, напр. 3 л. наст. вр. идѣть, зѣмля. Въ томъ-же памятникѣ—изрѣдка ѣ вм. и: обѣтели (что чрезвычайно часто въ Мр. письменности XVI—XVII в.), изрѣдка *ѣ* вм *ъ* (истѣлѣвъша перстъ) и значительно чаще *и* вм. *ѣ*: раздиляюще (Свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ и неизвѣст. памяти. VI, 49). Въ Волынскихъ памятникахъ XV—XVI в. очень часто ставится *е* вм. *ѣ*. Отсюда слѣдуетъ, что встрѣчая въ памятникахъ южныхъ по происхожденію, но переписанныхъ на сѣверѣ, *ѣ* вм. *е*, не слѣдуетъ слишкомъ поспѣшно приписывать эту неправильность Велико-русскому переписчику; на оборотъ, зная, что не только въ Свр., но и въ нѣкоторыхъ Южно-великорусск. областяхъ *ѣ* даже подъ удареніемъ иногда переходитъ въ *и* (напр. теперь въ Пенз. губ. смотр*и*лъ), не слѣдуетъ считать формъ, какъ напр. Печен*и*гы въ Лавр. лѣт. за признакъ внесенный непремѣнно Кіевскимъ переписчикомъ. Говорю это, имѣя въ виду мнѣніе г. Максимовича въ Новыхъ письмахъ, стр. 55.

— Неясно, слѣдуетъ ли считать за фонетическое явленіе соотвѣтствіе звука *я* звуку *ѣ* въ нѣсколькихъ нарѣчіяхъ въ Укр. говорѣ? Такъ у Котляревскаго «и *вовся* з нiѣ ёно зшибаѣ», вм. обыкновеннаго *овсі*, съ опущеніемъ начальнаго *в* и съ конечнымъ *і*, которое указываетъ на основную форму не вовсе, а вовсѣ; *після*, *опісля* (послѣ); *відк-іля*, *відсіля*, *відтіля* (отколѣ, отселѣ, оттолѣ) при відк*и* (—кіль), відти (—тіль), відси (—сіль); въ старинныхъ Юрусс. и Зап.-Рус. грамотахъ находимъ *поколя*, *дотоля* (Червонорус. гр. 1401 г. Ак. отн. къ И. Юж. и

З. Р. I, № 8), доколя (1340, 1388, Ак. отн. къ И. З. Р. I № 1, 7) потоля (1383, ib № 6), теперь въ Укр. поки, поти, доки изъ—тиль, киль; въ Волын. гр. 1564 (Рус. Бесѣд. 1857, 3, 29)—оттоля; нынѣшнее Укр. *биля* и *пиля* (Галиц. *піля*) изъ *підля* (подлѣ).

Къ слову замѣчу, что производство словъ *подлѣ*, *возлѣ* отъ предлоговъ *под*, *воз* съ частицею *лѣ* (Буслаева Грам. I § 73, 1) мнѣ кажется невѣрнымъ. Въ *подлѣ* вовсе нѣтъ значенія *подъ*, sub; оно есть синонимъ Ст.-Сл. и Др.-Рус. *по-длъгъ*, *по-дългъ*, Стар.-Сербск. *подльгь*, *помьгь*, *полагь*, Польск. podług, и эта синонимичность происходитъ отъ того, что *подлѣ*—изъ *по—длѣ* (одного корня съ *доль*, долина́, длина). Миклошичъ (Lex. s. v) считаетъ правильнымъ писаніе *подлѣ*, но старинные памятники даютъ такое-же или большее право писать на концѣ *ѣ*. Тотъ-же ученый совершенно вѣрно, какъ мнѣ кажется, производитъ *вълѣ* изъ *въз длѣ* т. е. длѣ, съ коимъ слѣдуетъ сравнить Поль. we-dług, Поль. Чеш. we-dle, возлѣ.

Къ § 36, 1. «Какъ произносится *о* безъ ударенія»? спрашиваетъ г. Новицкій. Здѣсь нужно различать нѣсколько отдѣльныхъ явленій. *Во-первыхъ*, общеславянское знаменательное усиленіе *о* въ *а* въ глаголахъ съ значеніемъ бо́льшей длительности, усиленіе отчасти сохраняемое Мр. нарѣчіемъ: доһаняти, помаһати и т. п. Это *а* изъ *о* первоначально вовсе не имѣетъ связи съ отсутствіемъ ударенія, но въ Укр. говорѣ оно, получая удареніе, опять возвращается къ *о*: доһо́нювати. Въ Кролевецкомъ говорѣ (а быть можетъ и въ другихъ) какъ и въ Вр. усиленіе *о* въ *а* остается и подъ удареніемъ: доһоваруватн (Укр. доһово́рювати). *Во вторыхъ*, спеціально Малорусское спорадическое измѣненіе *о* неударяемаго въ слогахъ, предшествующихъ ударяемому въ *а*, напр. кажан, качан, мѣстами карабель (Укр. корабель) наһавиці и десятокъ или около того другихъ. Съ такимъ измѣненіемъ, а не съ правильнымъ Ювр. переходомъ *о* неударяемаго въ *а*, слѣдуетъ сравнить тѣ немногіе

иноземныя слова въ коихъ *а* изъ *о* встрѣчается въ древн.-Русскихъ памятникахъ: М*а*н*а*махъ и Мон*а*махъ (напр. въ Ип. Л. 1, 5), м*а*настырь (часто, такъ и теперь въ Мр.) М*а*рава (Лавр. Л. 11 и др.).е Напротивъ, сюда не относятся приводимыя Вагилевичмъ Галицк. слово һа́рдий, һајний (въ Поль. hardy hojny съ непольскимъ h) въ коихъ измѣненіе *о* ударяемаго въ *а* не имѣетъ ничего сходнаго съ Укр. *Въ третьихъ*, свойственное только говорамъ смежнымъ съ Ювр. измѣненіе въ *а* всякаго неударяемаго *о*, неперешедшаго по требованію Мр. фонетики въ уо, у и пр. Это—заимствованіе съ Ювр., притомъ болѣе позднее, чѣмъ Малорусское измѣненіе *о*, зависящее отъ качества слога и долготы. Замѣчу здѣсь, что изъ извѣстныхъ Сѣв. Мр. говоровъ, въ Пинскомъ болѣе звуковыхъ Вр. примѣтъ, чѣмъ въ другихъ: въ немъ есть и дзеканье, и смягченіе *е* въ є, и измѣненіе *є*, *ѣ* неударяемыхъ въ *я*, и аканье. Въ Заблудовскомъ есть дзеканье и є изъ *е*, но нѣтъ аканья. Въ Сосницкомъ и Кролевецкомъ, кромѣ аканья, не видно ничего В.-русскаго. *Въ четвертыхъ*, *у* изъ *о* неударяемаго, кромѣ глагольнаго характера *ова*: б*у*яре и т. п. (См. въ моей ст. § 36, I б.). Это явленіе свойственное и Зап. и Восточ. говорамъ такое-же спорадическое, какъ и *а* изъ *о* въ неакающихъ говорахъ. Отъ него, *въ-пятыхъ*, слѣдуетъ отличать *у* изъ *о*, *ю* изъ ё въ глагольномъ характерѣ *ова*, гдѣ *у*, *ю* появляются не въ силу одного отсутствія ударенія, но и отъ ассимилирующаго вліянія звука *в*. Есть говоры, въ коихъ *у* изъ *о* появляется въ другихъ случаяхъ, но не въ *ова*; напр. въ Кобр. у. м*у*рдовати, а не мордувати. какъ въ Укр. Въ характерѣ—*ова* *о* неизмѣнно въ уѣздахъ Бѣлостоцкомъ, Пруж., Бѣль., Брест., Кобр. Пинскомъ, Овруч., Козелец., Глуховскомъ. По г. Аѳанасьеву *о*вать, ёвать (а не *ю*вать, увать) и въ Харьковской губерніи. Это можетъ быть справедливо развѣ относительно немногихъ мѣстностей, но какихъ именно? Произношеніе—ува, —юва обычно въ губ. Харьков. Полтавской, въ Кролевецкомъ у. Черпигов.

(см. образецъ), въ Кiев., Подольск., въ Галицiи. Оно выходитъ за предѣлы Мр. нарѣчiя, ибо въ Погарѣ Черн. губ., гдѣ говоръ не Мр., тѣмъ не менѣе находимъ: закусувать, распрашувать, разказувать и пр. Замѣтимъ въ грамотѣ Александра Господ. Молдавскаго 1407 г. Малорусской по языку, торгувати (Ак. отн. до И. З. Р. I. № 21; грамота доставлена въ спискѣ Д. Зубрицкимъ).

— Мнѣнiе, что *у*вати, — *ю*вати возникли не изъ *ов*ати, — *ев*ати (кои мы считаемъ общеславянскими), а *удержали у, ю* первоначальной формы на *ути—юти* (Лавровскiй, Обзоръ замѣч. особ. нар. Мр. стр. 12) столь-же невѣроятно, какъ и мнѣнiе того-же ученаго, что *i* въ бiлий не возникло изъ *ѣ*, а удержано отъ дославянскаго времени.

— «*е* безъ ударенiя въ западныхъ нарѣчiяхъ по выговору близко подходитъ къ ы» (Новиц. вопр. 9). Это произношенiе условлено предварительнымъ выговоромъ *е* за *э* и имѣетъ мѣсто безразлично какъ въ Западныхъ говорахъ (См. въ прилож. образцы говоровъ Бѣльск., Брест. Кобр.), такъ и по лѣвую сторону Днѣпра въ губ. Полтав., Харьк., Екатерин., но такъ, что окрѣпло лишь въ немногихъ словахъ, а обыкновенно составляетъ лишь особенность личнаго небрежнаго выговора: одинъ и тотъ-же человѣкъ скажетъ и *метé* и *митé* и т. п. Таже личная небрежность производитъ и обратный переходъ средняго неударяемаго *и* въ *е*, напр. въ Кобр. нiт некôhо (=*ни*кôhо, Укр. нiкôhо). Въ Сѣв. говорахъ, гдѣ *е*=е, это е, само собою, можетъ переходить при отсутствiи ударенiя, уже не въ *и*=ы, а въ *i*, что и встрѣчается въ Заблудовскомъ: нiмá (немá=немае). Въ Пинскомъ е (изъ е) безъ ударенiя можетъ, по влiянiю Ювр., переходить въ *я*: вязу и т. п.

— «Какъ произносится *я*, когда на немъ нѣтъ ударенiя? Въ нарѣчiяхъ Черниговскомъ и Сѣверскомъ оно переходитъ въ этомъ случаѣ въ е (йе), если оно находится въ началѣ слова или послѣ гласной: йекий, йелина, пойесъ; если же ему предшествуетъ согласная, то смяг-

ченіе ея теряется: ребый, сонешник, видегати» (Новицк. вопр. 1); «въ Черниговскомъ, вслѣдствіе перехода *я* безъ ударенія въ *е*, окончаніе—*ять* (3 л. ед. ч. наст. вр.) измѣняется въ—*еть*, съ потерею смягченія согласной: ходеть, водеть, носеть; при этомъ выпадаетъ и эвфоническое *л*, гдѣ таковое находится послѣ губныхъ звуковъ, напр. робеть, любеть, ловеть, лупеть, вмѣсто роблять, луплять» (ib. вопр. 53). Въ приводимыхъ ниже образцахъ измѣненіе *я* неударяемаго въ *е* замѣтно въ Заблуд., Пружанскомъ (гдѣ однако ся=*са*, а не се, се), Овручскомъ, Сосницкомъ (гдѣ—*ся*), Кролевецкомъ. Нигдѣ не замѣтно измѣненія конечнаго *я* въ *е*, кромѣ, мѣстами, въ *ся*. A priori можно сказать, что послѣ согласныхъ несмягчаемыхъ въ извѣстномъ говорѣ (напр. р, ц, иногда с) это е изъ *я* превратится въ е твердое; но что такое превращеніе имѣетъ мѣсто послѣ всякой другой согласной, кромѣ j, напр. послѣ *л*, *н*, это требуетъ подтвержденія образцами, вѣрно записанными разными лицами. Въ Заблудовскомъ встрѣчаются примѣры мягкости е послѣ *л*, *м*, *в*. Ѳ примѣрахъ, приводимыхъ г. Новицкимъ, замѣчу слѣдующее: *елина* можетъ непосредственно примыкать къ основ. формѣ їель, вовсе не предполагая непосредственно формы *ялина*, *е* твердое въ сонешник легко объясняется изъ ь въ *сълньчьн*—(какъ и *е* въ соотвѣственныхъ формахъ Вр. и Польской) и въ такомъ случаѣ оно архаичнѣе Украинскаго *я* въ соняшний, соняшник, сонях. О *лягти* и *лягати* положительно извѣстно, что это позднѣйшія, вовсе не обще-малорусскія формы; что въ *лягти я* неправильно перенесено изъ первой темы (лѧгж, лягу, ляжу), во вторую, гдѣ должно было быть *е*, сохраненное напр. въ Кобрин., Брест., Галиц. леҺчи, леҺли; что первоначально отъ этой второй темы съ *е* образуется глаголъ съ характеромъ $\frac{ае}{а}$ и съ усиленіемъ коренного *е* въ *ѣ*: лѣгати, сохраненный въ Галиц. лѣҺати; что, стало быть, Черниг. леҺати можетъ предполагать не форму ляҺати, а лѣҺати, въ коей *ѣ* неударяемое по правилу будетъ=*е*. Извѣстно, что отсутствіе

эвф. *л* въ Ст.-Сл. любꙗть, Др.-Рус. и Вр. любять, любят, древнѣе, чѣмъ его присутствіе въ Укр. люблять; но вовсе не доказано, что эта послѣдняя форма есть общемалорусская и что слѣдовательно Черниг. любеть (независимо отъ твердости *е*) навѣрное возникла изъ люблять: она прямо могла образоваться изъ любять.

Звукъ *є* въ заєць род. зайця слышится и въ Укр. говорѣ, напр. въ Полт. г., гдѣ *я* неударяемое вообще неизмѣнно, и это объясняется тѣмъ, что *є* принято здѣсь какъ и во многихъ другихъ Рус. говорахъ, за такую-же бѣглую гласную, каково *е* изъ *ь* въ боєцъ и т. п., между тѣмъ, какъ въ Стар. Рус. памятникахъ здѣсь постоянное *я*=ꙗ: заяць, заяця.

Въ примѣненіи ко всѣмъ Мр. говорамъ недостаточно вопросовъ: переходитъ-ли *я неударяемое* въ *є* (или *е*?) и, если переходитъ, то гдѣ: только въ началѣ и внутри словъ или и на концѣ? въ послѣднемъ случаѣ имѣетъ ли мѣсто этотъ переходъ только въ мѣстоменіи *ся*, или и въ другихъ случаяхъ? Извѣстно, что въ Галицкомъ говорѣ, какъ это показано у Вагилевича, Головацкаго и въ моей статьѣ (§ 37, 1) *я* (=ꙗ и ѩ) внутри и на концѣ словъ послѣ согласныхъ переходитъ въ є, мѣстами въ *і*, *и*, не зависимо отъ ударенія, въ силу одной прогрессивной ассимиляціи. Къ сожалѣнію, Галицкіе ученые не дѣлаютъ различія между *я* и *ья*, *ъя*, между *є* и *ъе*, *ъє*, такъ что напр. Вагилевичъ характеризуя Кіевскій говоръ приписываетъ ему форму *пяница*, *пявка*, тогда какъ мы иначе произносимъ такъ написанныя слова, а иначе пьявка (пјáвка), а еще иначе пъявка (п'јáвка). По его словамъ (Gram. xv) въ Галицкомъ говорѣ произносится: опьеть, рьед, зьебсти (зябнуть), въ род. ед. князье, писарье, мужье; но, при сбивчивости его правописанія, неизвѣстно, что онъ хочетъ этимъ сказать: опьеть или опеть, писарье или писаре? То и другое не только возможно, но, кажется, дѣйствительно существуетъ мѣстами.

— Обратное измѣненіе, именно *є* въ *я* въ оконча-

ніи именъ на *ъє* (зілля), свойственное Украинскому и (безъ удвоенія предыдущей согласной) Карпатскому (Головац. Розправа, 48), то же не зависитъ отъ ударенія (напр. знаттѧ́, сміття); є въ этомъ случаѣ остается въ Галицкомъ и сѣверныхъ Мр. говорахъ.

Къ § *36*, *I. в.* Звукъ *і* на концѣ окончанія родит. ед. прил. опред. ж. оjі, єjі (ёjі) или, какъ пишуть, оі, ёі произошолъ изъ ыѧ=я черезъ посредство є: изъ добрыя, синяя—вышло доброє синєє, а отсюда добројі, синёjі. Нѣкоторые изъ Мр. говоровъ не только удерживали окончаніе *оє*, *єє* въ XVI в. (см. въ моей статьѣ § 4, 5, б), но удерживаютъ и до нынѣ: въ Пружан. у. находимъ ни ћо́дное (одной), въ Пинскомъ—старшое свашки; однако въ Заблудов.—оjі: злојі, русојі. Это оjі, свойственное большинству Мр. говоровъ, находимъ уже въ грам. Подольскаго князя Александра Коріятовича 1375: князь и гдарь Подольскои земли (Срезнев. Др. пам. Рус. письма 265), откуда видно, что уже въ то время была въ этомъ отношеніи разница между Мр говорами. Дальнѣйшее измѣненіе оjі, єjі въ *ой*, *ей*, свойственное В.-русскимъ говорамъ, въ М.-русскихъ встрѣчается лишь изрѣдка, и то не въ разговорной рѣчи, а какъ поэтическая вольность, напр. въ Энеидѣ Котляревскаго: «так вічн*ій* памяти бувало у нас въ ћетманщині колись», или въ пѣснѣ записанной въ Брест. у.: «здрадило *юй* (изъ ёй, єjі=ієѧ) ночноє ночованнє», «моюй (изъ моёй, моєjі, моєѧ) стеженьки».

Тоже слѣдуетъ сказать о сокращеніи конечнаго *ю* въ *й* въ творит. един. прил. и сущ. (см. въ моей ст. § 36, 3, в).Эта вольность тоже встрѣчается у Котляревскаго: «з дійниц*ей* ричка виступала», «павук торкав јіjі ноћ*ой*», «руша́йте як один шульћ*ой*»; но не въ обыкновеной рѣчи, и только съ этимъ ограниченіемъ можно принять мнѣніе Миклошича (Vergl. gr. III, § 548) и г. Новицкаго (Прогр. вопр. 35), что на востокѣ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра творит. ед. ж. оканчивается на оj, єj. Что до окончч. твор. ед. ж. на *ов*, *ёв*, *ев* въ Западномъ

Подольскомъ (какъ говоритъ г. Новицкій), Галицкомъ и Карпатскомъ, то изъ предположеній о происхожденіи этого окончанія я теперь считаю единственно вѣроятнымъ то, по которому это *ов*—изъ общерусскаго *ою* посредствомъ опущенія j: доброу=добров изъ добро-у какъ въ Карп. моу изъ мою. Свѣдѣнія, сообщаемаго г. Новицкимъ, что въ западномъ Подольскомъ и Галицкомъ твор. ед. ж. оканчивается также на *ойов* (добройовъ, білойовъ) нѣтъ ни у Вагилевича, ни у Головацкаго, ни у Миклошича и Осадцы, а потому покамѣсть позволительно усумниться. У Лемковъ при *ов* встрѣчается *ом* (см. въ моей статьѣ стр. 155; приведенное тамъ написаніе—водовь, водомь, относительно *ь*, кажется, выдумано записывателемъ), вѣроятно образовалось подъ вліяніемъ Польскаго ą, (woda), хотя въ Сербскомъ, гдѣ теперь вод-ом и т. п., это *ом* образовалось изъ *ов*, которое въ этомъ падежѣ употреблялось въ XII—XIII в. напр. у Сербскаго переписчика Шестоднева Іоанна экзарха (1263 г.) —съ великовъ печалию, своовъ душовъ (Калайдов. Іоан. Экз. 164; см. также Майкова Ист. Серб. яз.).

— Въ Брестскомъ у. находимъ вмѣсто oi (oji) въ родит. ед. прил. и мѣстоим.—ei (eji), а въ Кобринскомъ сверхъ этого и въ творительномъ *ею* вм. ою: теji, молодеji, темнеji, тею яснею. Измѣненіе это не зависитъ отъ ударенія. Еслибъ оно встрѣчалось только въ родительномъ, то его можно-бы приписать Польскому вліянію (młodej), равно какъ и *е* въ уединенно стоящемъ творит. шовкем (Кобр. у. Пам. нар. тв. въ СЗ. кр. 24); но такъ какъ это *е* есть и въ творительномъ, къ чему Польское ą, въ młodą не могло быть поводомъ, то, не объясняя, сошлюсь только на такія же оконч. родит. на *ей*, твор. на *ею* въ Вр. говорахъ (см. въ моей ст. стр. 59).

— Окончаніе—ие (ыге), іе (а не иji, іji) въ именит. мн. прилагат. и мѣстоимен. трехъ родовъ свойственно всей сѣверной полосѣ Мр. говоровъ (см. приложенія) и по отношенію къ иji, іji есть архаизмъ, а не заимствованіе извнѣ, ибо форма *молодиji*, *молодіji* предпола-

гаетъ — ыи. По мнѣнію г. Максимовича, оконч. *ыи*, *іи* напр. горы Угорьекыи (сл. о П. Иг.), синіи млъніи (ib), на великыи бороды (Ипат. л.) есть признакъ Малороссійскаго нарѣчія, которое «издревле» приняло это окончаніе для всѣхъ трехъ родовъ (Новыя письма, 27). На это замѣчу, что если *ые* не вывелось въ Мр. говорахъ до сихъ поръ, и если оно обыкновенно въ Волынскихъ памят. XVI в., то тѣмъ обычнѣе оно должно быть въ XIV—XV, хотя въ это время было уже и *ыи*: въ Червонор. гр. 1424—закопы есмо закопали вѣчныи (А. отн. къ И. Ю. и З. Р. I № 16); «штобы тое жито давали прироженыи мои и по мнѣ будучіи (1486, ib. № 229). Съ другой стороны *ыи*, *іи* для именит. и винит. мн. ч. трехъ родовъ свойственно и чисто Велико-русскимъ памятникамъ XIV в., хотя и не есть для этого и позднѣйшаго времени окончаніе единственное. Примѣровъ множество. Укажу напр. на духовную Ивана Калиты, 1328, гдѣ «чашки круглыи, в̃ блюдци меншии, в̃ селѣ Коломеньскии (Соб. Гос. гр. и дог. I); на грам. Олега Рязанскаго, 1356, въ (дав) ныи грамоты (Срез. Др. пам. Рус. письм. 263); на Новгор. I лѣт. по Синод. и Ак. спискамъ, гдѣ часто черны*и* люди, послове Нѣметскии и т. п. Отсюда видно, что встрѣчая въ памятникахъ южныхъ по происхожденію, но дошедшихъ до насъ въ сѣверныхъ спискахъ съ явственными слѣдами Свр. говоровъ (каковы Сл. о П. Иг. и Ипат. сп. лѣт.) окончанія *ыи*, *іи* для именит. вин. мн. ч., при болѣе древнихъ, мы не имѣемъ права видѣть въ этихъ окончаніяхъ что-либо характеризующее Южно-русскій языкъ сочинителей. Гораздо вѣроятнѣе, что въ языкѣ этихъ послѣднихъ еще не было смѣшенія имен. и вин. мн. муж. р. а также и смѣшенія оконч. муж. съ жен. и средн.

— Мнѣ кажется весьма страннымъ утвержденіе г. Новицкаго (Прогр. вопр. 40), что нынѣшнее Мр. «оконч. именит. мн. прилагательныхъ находится въ тѣсной связи съ переходомъ *о*: гдѣ *о* переходитъ въ *і* со смягченіемъ согласной или безъ него, тамъ и прилаг. въ именит.

мн. оканчиваются тѣмъ же звукомъ: чорні, білі или чорнъі, білъі; всѣмъ же остальнымъ измѣненіямъ *о* соотвѣтствуетъ въ этомъ падежѣ окончаніе *ы*: чорны, білы». Тутъ не можетъ быть никакой связи: ни преемственности, ни аналогіи; *ыи*, *іи* образуются изъ *ыв*, *ів* въ силу вліянія j на *е*, т. е. въ силу прогрессивной ассимиляціи; затѣмъ *іjі* прямо стягивается въ *і*, а *ыjі*, смотря потому, какъ вообще въ извѣстномъ говорѣ произносится среднее *и*, въ іjі и *і*, какъ въ Украинскомъ, или въ *и*, какъ въ Брест. Кобр. съ одной стороны, въ Карпатскомъ съ другой.

Въ Кролевецкомъ замѣтно въ *ів* обратное явленіе, т. е. поглощеніе перваго элемента вторымъ: усяке очи, рядомъ съ иншіе, такіе.

Со стяжаніемъ оконч. именит. мн. ч. ыjи, иjи въ ы=и, і представляетъ нѣкоторое сходство стяженіе окончанія именит. ед. прилаг. м. р. *ый*, *ій* въ и (среднее *и*) или *ы*, (гдѣ оно осталось) *і*: добри, сині, имѣющее мѣсто въ Заблуд. Пруж. Пинскомъ, Сосницкомъ, Кролевецкомъ и сѣвернѣе въ Бѣлорус. говорахъ Гродненской, Виленской и вѣроятно Минской губерній, а съ другой стороны по крайней мѣрѣ мѣстами въ гов. Галицкомъ и Карпатскомъ Въ у. Брест. и Кобрин., если не вводятъ насъ въ заблужденіе записыватели, *ый* (ий), *ій*, а не *ы*=*и*, *і*. Въ Заблудов. и въ Бр. говорахъ слышится и *бі* вм. бій (бей).

— «Опускается-ли й (изъ і) въ глаголахъ сложныхъ отъ *іты*, *іматы*? Это имѣетъ мѣсто въ Сѣверо-восточныхъ говорахъ: виду, пришовъ, виму, приму»(какъ будьто иму отъ имати?) «вм. вийду и пр.» (Новиц. Прогр. вопр. 14). Стяженіе ый, ій есть и въ СВЗ. говорахъ напр. въ Пружан. обидеш, придется; а въ *при-шов* можетъ вовсе не быть стяженія, ибо эвфонич. *и*, *й* въ йшов вовсе не есть необходимая принадлежность Мр. говоровъ.

— «Не вставляется-ли въ нѣкоторыхъ словахъ промежуточное *й*? Мѣстами, преимущественно въ Черниг. нарѣч. говорятъ *двій*чи, *трей*чи, *трей*тій, *юй*стрий, *бий*стрий вм. двічи и пр.» (Новиц. прогр. вопр. 13).

Въ двійчи, трейчи *й* не есть вставное и эвфоническое и формы эти стоятъ не вмѣсто двічи, а наоборотъ *двічи*, тричи образовано изъ двійчи, трийчи, а это—изъ двойчи, тройчи. Эти послѣднія формы извѣстны по древнимъ Рус. памятникамъ, напр. въ Поликарповомъ Ев. 1307 г. «преже даже куръ не успоѥть двоичи» (Буслаевъ Матеріалы, 33); въ Лавр. лѣт. 14, 23: да въспятить (възвратить) троичь (вар. троиче, троичи). Ср. у Іоанна экз. по Сербскому сп. 1263, другойжде (въ другой разъ, въ другомъ мѣстѣ, въ другое время); при этой Ст.-Сл. формѣ есть и другія Ст.-Сл.: другойшти, другоичи, другойци (см. Mikl. Lex. тамъ-же и двоичи, двоичь, троичь).

— *Къ* § *36*, *3*, *а*. Къ примѣрамъ стяженія въ мѣстоименіяхъ прибавлю Брест. Кобр. ма (моя), меjі, твеjі, свеjі (моєjі и пр.), мею, свею (моєю), мему (моєму), сви (своjі). Все это новообразованія, коихъ не слѣдуетъ ставить въ рядъ съ очень древними общеславянскими формами ми, ти, си, мѧ, тѧ, сохранившимися въ Галиц. Подольск. и Волын. мі, ті, сі (такъ пищетъ г. Новицкій, вопр. 41), но, можетъ быть, *ми* и пр. со средн, *и*?) мъя, тя, и въ обще-рус. *ся*. Эти формы вовсе не стоятъ *вмѣсто* мені, мене и пр. А род. Галиц. ђо, *му* дѣйствительно образовались изъ ѥго, ѥму черезъ форму йђо, йму, какъ ђолка, мати изъ йђолка, ймати.

Къ § *36*, *3*, *к*. «Опускается-ли *о*, когда ему предшествуетъ гласная? *Въ тѣхъ мѣстностяхъ*, гдѣ начальное *о*, оставаясь по большой части неизмѣннымъ, не получаетъ при томъ-же придыханія, оно при стеченіи съ гласною не рѣдко выпадаетъ: не'ддам, не'дчиню, одно 'дного, по'ббивати, по'рати, вм. не оддам и пр.» (Нов. прогр. вопр. 7). Слѣдовало сказать не «въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ...», а «въ тѣхъ случаяхъ, когда...», потому что въ одной и той-же мѣстности, напр. въ губ. Полтав. и Харьк. возможно не віддам, и не оддам, и, для размѣра не'ддам. Я не думаю, чтобъ это явленіе можно было считать особенностью какого либо одного говора и чтобы гдѣ либо оно составляло правило.

Къ § *36*, *3 д.* и *37*, *2*. Согласно съ мнѣніемъ г. Максимовича, который говоритъ, что въ Словѣ о П. И. понизить, вонзить (вм.—те) поставлено по-малороссійски (Новыя письма, 28), и я думалъ, что эти формы слѣдуетъ читать такъ, какъ онѣ написаны; но теперь думаю, что въ выраженіи «уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени» лучше читать «понизите, вонзите, потому-ли, что въ рукописи стояло «понизит» съ титломъ надъ *т* (какъ предполагаетъ г. Тихонравовъ, (Сл. о П. И. 10), или, вѣроятнѣе, потому что въ «понизитъ» *ъ* поставлено вм. *е*, по обычаю Сѣверно-русскихъ писцовъ замѣнять конечное *ъ* черезъ о, е и ѣ черезъ ъ и наоборотъ. Подобно этому въ выраженіи «Ярославнинъ гласъ слышить (=ся), зегзицею незнаемь рано кычеть» вм. незнаемь слѣдуетъ читать незнае*мѣ*, что даетъ удовлетворительный смыслъ: «кукушкою незнаемо (т. е. не замѣчаемая никѣмъ, потому-ли что еще рано, или потому что она одна, не сопровождаемая никѣмъ, что въ скорби ищетъ уединенія) кукует». Между тѣмъ «не знаемь» принятое за имен. пад. ед. ч. м. р., т. е. за «незнаемъ», какъ у Дубенскаго, не даетъ никакого смысла, Въ выраженіи: «мало-ли ти бяшеть горъ подъ облакы вѣяти» гг. Тихонравовъ и Буслаевъ вм. горъ читаютъ горѣ. Въ Новгор. памятникахъ *ъ* вм. *ѣ*, по несходству звуковъ, можетъ стоять развѣ по опискѣ, и потому, если предположить, что такое чтеніе вѣрно, то въ рукописи стояло не горъ, а горь.

Къ § *37*, *3*, *а*. «*Какъ произносится ы?* Въ Западныхъ нарѣчіяхъ звукъ этотъ произносится весьма твердо, какъ въ Вр. говорахъ: мы, ходылы, быты, выла, волы; въ нарѣчіяхъ-же лѣвой стороны Днѣпра подобнаго звука нѣтъ вовсе, и его замѣняетъ звукъ болѣе мягкій, выражаемый буквою *и*» (Новиц. Прогр. 10). Составитель программы спрашиваетъ о произношеніи *ы*, что, правильно понятое, можетъ быть отнесено только къ основному *ы*; но, какъ видно изъ примѣровъ, разумѣетъ произношеніе какъ основнаго *ы*, такъ и основнаго *и*. Такая неопре-

дѣленность вопроса была-бы безвредна только въ томъ случаѣ, если-бы все Мр. населеніе не дѣлало различія между Обще-русскимъ основнымъ *ы* и *и*; но эти звуки различаются съ одной стороны въ Заблудовскомъ, а вѣроятно и въ нѣкоторыхъ другихъ сѣверныхъ говорахъ, а съ другой—въ Карпатскомъ, гдѣ осн. *ы* выговарывается грубо, по однимъ—близко къ *е* (э), по другимъ (Wahilev. gram. XVIII)—сходной съ *ой* или *уй*. Не вижу надобности считать такое различеніе заимствованнымъ откуда бы то ни было, тѣмъ болѣе что крайніе говоры и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ архаичнѣе среднихъ. Въ тѣхъ-же говорахъ *ы* въ словахъ корня *бы* не измѣняется въ у. Тоже замѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ говорахъ, въ коихъ *и* сравнялось съ *ы*, напр. въ Пружан. у. (бывалоho), Бѣльскомъ (была, Пам. Нар. тв. Свз. кр. 152), Брест. (бывай, была), если, впрочемъ, это не ошибки записывателей; *у* въ *бу*ти и пр. есть не основное *у* этого корня, а слѣдствіе специально Малорусскаго стремленія удержать здѣсь обще-славянское основное гортаное *ы*, не смотря на потерю этого *ы* во всѣхъ другихъ случаяхъ. Такъ и теперь иные иностранцы вм. *ы* говорятъ или *і*, или у, уй. Древнѣйшій случай *у* въ *бу*ти и т. п. косвенно свидѣтельствовалъ-бы, что въ то время *ы* въ среднихъ Мр. говорахъ было уже потеряно.

Отдѣльные случаи замѣны *ы* черезъ *и*, свидѣтельствующіе о древности смѣшенія этихъ звуковъ въ Мр., восходятъ къ XIII в.: прост*ия* жены въ Волынск. сп. поуч. Ефрема Сирина, 1288 (Срезн. Свѣд. о малоизв. пам. I, 49). Въ грам. Витовта, 1383, писанной впрочемъ въ Полоцкѣ,—лѣта т*и*сячного трисотного... (Ак. отн. къ И. З. Р. I, № 6); съ гр. 1395, 1398—тисяча (ib № 11 и 12); тоже въ Червонорус. гр. 1404 (Ак отн. къ И. Ю. З. Р. I, № 9); въ Львовской купчей 1400 г. (ib. № 6)—наоборотъ *ы* вм. *и*: дѣты его.

Формы какъ мъногашьд*ы* и м'ногашьд*и* въ Изборн. Святосл. 1073 г. (Бусл. Матер. 9) и въ Остром. Ев. могли-бы быть приводимы въ доказательство смѣшенія

ы и *и* въ Мр. или взаимной замѣны этихъ звуковъ въ Новгородскомъ (Максимовичъ, Нов. письма 25) только въ томъ случаѣ, еслибъ мы были увѣрены, что колебаніе между *ы* и *и* въ этихъ формахъ не внесено въ Изборникъ и Остр. Ев. изъ нерусскихъ текстовъ. Русское окончаніе есть—ч*и* съ *и*.

Не вижу никакой связи между безразличностью *и* и *ы* въ большинствѣ Мр. говоровъ, и спорадическою замѣною *и* черезъ *ы* на концѣ словъ въ нѣкоторыхъ Свр. говорахъ и взаимною тоже спорадическою замѣною этихъ звуковъ—въ другихъ (см. въ моей статьѣ § 24, а).

— *Къ § 37, 3, б. и в.* Изъ приводимыхъ въ приложеніи къ этой статьѣ образцовъ говоровъ Гродненской губ. кромѣ Бѣлостоцкаго у., видно, что въ говорахъ этихъ ставится *и*, болѣе—менѣе близкое къ *ы*, не только тамъ, гдѣ въ Укр. стоитъ *і*, происшедшее изъ *и* основнаго безъ слѣдовъ предыдущаго j, (напр. зіма, дат. на—ові), но и тамъ, гдѣ Вост. Мр. *і* основано на вліяніи предыдущаго j, произносимаго слитно съ другою согласною напр. въ кôні, два коні, пісні (род. ед.) пісні (им. мн.). Въ Кобр. у. находимъ *и* (пишутъ *ы*) въ слѣдующихъ случаяхъ: въ окончаніи дат. и мѣстн. ед. ч. на ов*и*, ёв*и* какъ и въ Галицкомъ, напр. молодцёв*и*, на сінов*и*.; въ именит. мн. и двойств. сущ. м. р., независимо отъ того, принадлежатъ-ли они первоначально къ темѣ *а*, или къ темѣ *и*: кôн*и*, три коні, гост*и*; въ род. ед. и именит. мн. именъ жен. съ мягкимъ оконч.: пісн*и*; въ частицѣ н*и*, ан*и* (Укр. ні, ані); въ Брест. у. находимъ сверхъ этого з*и*ма, что правильнѣе, чѣмъ зіма.

— Въ § 38 слѣдуетъ исправить и прибавить слѣдующее: а) въ Кобр. и Галицкомъ бервинок *е* не произошло изъ *а*, а осталось отъ Латин. формы pervinca; напротивъ *а* въ Укр. барвінок — изъ *е*; въ Заблудовскомъ зárез (зárаз) аналогично Галиц. делеко (далеко, Wahil. gram. XV); б) матюнка, матюр вовсе не изъ матінка, матір, а наоборотъ; *ю*, и за тѣмъ *і* возникли здѣсь изъ ё, *е*, почему этотъ случай и долженъ быть отнесенъ къ § 20;

в) *бондарь* есть несомнѣнно перестановка изъ *бод*нарь, Польск. Чешск. bednarz, кои—отъ бодна (обыкновенно бодня), bedna; но послѣднія слова ошибочно произведены мною отъ предлога *бе* и *дно*: корень здѣсь *бъд*, что въ Серб. *бад*ань.

Къ § *39*, *1*, *а* и *40*, *7*. Необходимо отличать *дж* изъ *дј*, свойственное нѣкоторымъ Мр. говорамъ въ случаяхъ какъ: ходжу=хожу, отъ спорадическаго *дж* въ началѣ словъ, предполагающаго не *д*, а гортанные звуки, но по всей вѣроятности примыкающаго непосредственно не къ этимъ гортаннымъ, а къ *ж*. Это *дж*, напр. въ джерело при жерело, Галиц. джук, джаворонок при Укр. жук, жайворонок, можетъ быть сравнено съ *дз* при з въ Галиц. одзеро, дзвір, дзеркало, при Укр. озеро, звірь, зеркало и въ Украинскомъ дзвін, дзига, дзиз. (Польское zyz: «дивився *дзизом*, буцім потайна́ собака т. е. косо). Такъ мѣстами и въ Болгарскомъ: джелѣзо, дзвѣзда, дзѣрна мисе (зѣрнъ ми сѧ, мнѣ показалось) дзадница, дзвонéц (Цанцовы, Gram. der Bulg. spr 7, пишутъ dželêzo, dzvêzdŭ, dzêrnŭ mise, dzadnica, dzvŭnéc, при чемъ ŭ означаетъ глухой звукъ, независимо отъ происхожденія). Я думаю, что какъ въ Болгар. дзадница, джелѣзо—звуки *дз*, *дж* образовались изъ обще-слав. звуковъ *з*, *ж*, какъ мы ихъ произносимъ, и не имѣютъ отношенія къ различію между Ст. Сл. зѣло и земля, если оно было (См. Mikl. Vergl. gr. I, 217—18), такъ и въ Мр. джук, дзвір прямо изъ жук, звірь. Впрочемъ, основательное рѣшеніе этого вопроса требуетъ этимологическаго разсмотрѣнія всѣхъ, какъ туземныхъ, такъ и заимствованныхъ Мр. словъ съ *дз*, *дж*, а словъ этихъ въ разныхъ говорахъ, несравненно больше, чѣмъ сколько вошло въ словарь г. Аѳанасьева. Я укажу здѣсь на три иностранныя слова, въ коихъ въ Укр. говорѣ стоитъ *дз*, *дж*. *Дзиглик* (съ г=Латин.), Польск. zedlik. zedel есть Нѣм. sessel по Нижне-нѣмецкому произношенію съ t. Тутъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Укр. *дз* изъ *з*=Нѣм. s передъ гласною. *Дзиндзівер* значитъ

а) не то, что по Далю Вр. *зинзивей*, т. е. не проскурнякъ, althaea officinalis, и не то, что, по другимъ, *зинзиверь*, malva silvestris, а растеніе той же породы, любимое въ Малорусскихъ цвѣтникахъ, malva moschata или другое подобное, но непремѣнно съ нѣсколько пряным запахомъ. Обстоятельство это важно для объясненія слова. б) По причинѣ прямаго и довольно высокаго ствола этого растенія, *дзіндзівер*—молодецъ:

Турн и сам дзиндзивер (sic)—зух:
Коли чи пъе—не проливае,
Коли чи бъе—то вже влучае:
Ёму людей давить—як мух (Котляр. Эн.).

Котилася—розбилася цинбва тарілка,
А в нашоho приhiншоhо *дзиндзівер*, не дівка:
Ой як вона заhовбрить—як у дзвони дзвонить;
Ой як вона засміетця—в Полтаві слинéтця!
(Гребовичная пѣсня, величанье хозяйской дочери).

Въ хожденіи Аѳанасія Никитина за три моря (1468, по позднему списку) читаемъ: «Келекотъ же есть пристанище Индѣйскаго моря всего... а родится въ немъ перецъ, да *зенъзебилъ*, да цвѣт да мошкатъ, да каланъфуръ (Ср. Серб. каранфил, caryophylus aromathicus, gewürznelke), да корица, да гвозодники (нѣчто отличное отъ «каланфура?), да пряное кореніе». Этотъ *зенъзебилъ* есть amomum zingiber или zingiber officinale. Соотвѣтственное греческое слово ζιγγίβερις и его искаженія, какъ Итал. zenzevere или giengiero, Нѣмецкое, потерявшее первую согласную, ingwer (откуда нашъ имбирь), по изслѣдованіямъ Потта, пришло вмѣстѣ съ самою вещью изъ Индіи и основано на Санскрит. срнга — вѣра, рогообразный, имѣющій видъ рога (корень имбирный) (Pott, Etymol. Forsch. 2, 810). Этимъ вообще опредѣляется происхожденіе Мр. *дзиндзивер*, но я не берусь рѣшать, перешло ли оно прямо изъ Греческаго, или черезъ Италіянскій, что тоже возможно.— *Приджиджулиться*. принарядиться, *джиджулуха*, что любитъ, чтобъ на се-

бѣ и вокругъ было чисто и нарядно (Номисъ, въ Основѣ 1861, VI, 28) предполагаютъ формы съ *н* передъ вторымъ *дж*, что видно изъ *джинджурѝстий*:

Пек твоjій матері, яка джинджуриста:
Купив аршин бархатки, ще хоче намиста.

Эту форму я сравниваю съ Серб. *кинђурити се*, рядиться, кажется, болѣе въ комическомъ или презрительномъ смыслѣ, какъ *кицошитисе* при *китити* се, наряжаться, украшаться. Второе *дж* въ Мр. словѣ=Серб. ђ (джь, Поль. dz'), а первое могло образоваться изъ *к* черезъ Серб. ћ и ч; впрочемъ есть у Караджича и съ начальнымъ ђ: *ђинђер*, какое-то украшеніе и въ переносномъ смыслѣ —эпитетъ человѣка; отсюда *ђинђерити* (неясно значеніе) *ђинђуха*, стеклянная бусина.

—«Измѣняются ли въ спряженіи *д*, *т*, *с* и во что? Въ Западныхъ нарѣчіяхъ, особенно въ Кіевскомъ и восточномъ Подольскомъ, они чаще остаются неизмѣнными: ходю, пустю, летю, просю; на лѣвой сторонѣ Днѣпра они переходятъ: *д* въ *ж*, *т* въ *ч*, *с* въ *ш*: хожу, пушчу, лечу, прошу; кромѣ того *д*, преимущественно въ Кіевскомъ говорѣ, переходитъ въ дж: ходжу» (Новиц. Прогр. вопр. 46). Почему же пропущено *з*: возю и вожу? Въ § 39, I, г) и 39, 3, а) моей статьи показано, что непосредственное смягченіе *д*, *т*, *зд*, *ст*, *з*, *с* обыкновенно именно въ восточномъ Мр. въ губ. Харьковской и Полтавской, но при томъ не во всѣхъ случаяхъ гдѣ Древ.-Рус. языкъ и большинство Рус. говоровъ требуетъ звуковъ *ж*, *жджк*, *ч*, *щ*, *ш*, а только въ 1 л. ед. наст. вр. глаголовъ съ характеромъ $\frac{и}{ѣ}$, $\frac{и}{и}$ (видю, jіздю), въ образованныхъ отъ нихъ а) существительныхъ на *ніе* черезъ причастіе страдательное (jіздіння) и б) глаголахъ на $\frac{ю\ ю}{ювати}$. При этомъ остается и старинное смягченіе: jіжджу, вожу и пр. Но не замѣтно непосредственнаго смягченія разсматриваемыхъ согласныхъ въ глаголахъ опредѣляемыхъ формулою $\frac{je}{a}$, какъ писати, пишу: нигдѣ на восто-

кѣ, сколько мнѣ извѣстно, не говорится: писю, лизю, клопотю, свистю (при свищеш: свистю при свистиш—возможно). Происходитъ это отъ того, что въ этихъ глаголахъ, въ силу характера темы настоящаго времени, таже форма смягченья согласной, какая въ 1-мъ лицѣ ед. ч., остается и въ другихъ лицахъ: *пишеш*, *лижеш*; стало быть форма *писю* при пишеш вносила-бы ненужное разнообразіе въ спряженіе настоящаго вр. Напротивъ, видю при видиш уравниваетъ форму корня во всемъ настоящемъ. Эта непосредственная смягчаемость *д* и т. п. въ вид*ю* есть проявленіе не звуковаго закона, дѣйствующаго независимо отъ сознанія, а такъ называемой народной этимологіи. Изъ сказаннаго, если принять и свидѣтельство г. Новицкаго, выходитъ, что ни хожу, ни ходю и т. п. неограничены какою либо одною стороною Днѣпра. Что до *дж* изъ *д*, то къ сказанному въ моей статьѣ (§ 39, 1, а и 13, а) о распространеніи этого звука, по г. Новицкому, слѣдуетъ прибавить Кіевскую губ. а также нѣкоторыя другія мѣстности Грод. губ. кромѣ Заблудовья. Вопросъ объ измѣненіяхъ *д*, *т* въ ж, ч и пр. обнимаетъ не одни только спряженія, но (если не растягивать понятія о спряженіи безъ всякой мѣры и нужды) и словобразованіе вообще.

— «Не переходитъ ли иногда окончаніе неопредѣленнаго наклоненія въ *чы*? Въ Галиціи употребляются иногда формы *печы*, *берехчы* вмѣсто пекты, берегты» (Прогр. вопр. 45). Къ сказанному объ этомъ въ § 39, 2, а) моей статьи прибавлю: а) Формы неопредѣл. накл. глаголовъ съ корнями на гортанную, безъ характера во второй темѣ, подобныя двумъ вышеприведеннымъ, встрѣчаются не только въ Галицкомъ, гдѣ составляютъ правило, но и въ Сѣверозападномъ краѣ, напр. въ Брест. у. гдѣ *утечи* (общерусская древняя ф.) и позднѣйшее *легчи* (съ *е* основнымъ, а отнюдь не изъ *я*). б) Формы какъ *печи*, *течи* вовсе не стоятъ вмѣсто Украин. пекти, текти. По отношенію къ тѣмъ и другимъ слѣдуетъ принять три періода языка: одинъ доисторическій, открывае-

мый только путемъ анализа и сравненія, когда въ Славян. языкѣ возможны были сочетанія—*кти*, *гти*, какъ теперь въ Литовскомъ; другой, въ которомъ въ силу фонетической необходимости образовалось Ст.-Сл. пешти, мошти, Руск. печи, мочи и соотвѣтственныя формы въ другихъ Славян. нарѣчіяхъ; третій, къ коему относятся областныя формы *пекти* и *пекчи* и т. п. Дѣйствующія въ этотъ послѣдній періодъ звуковыя стремленія только допускаютъ сочетанія *кти* и т. п., но не требуютъ ихъ; съ этими стремленіями столь же было бы согласно сохраненіе старинныхъ формъ, какъ *пекти*. Языкъ, передѣлывая *печи*, въ *пекти* и *пекчи*, руководствуется не законами благозвучія, а психологическими побужденіями, именно стремленіемъ возстановить этимологическую ясность слова, какъ и въ вышеупомянутыхъ формахъ: видю вм. вижу. При этомъ *пек-ти* оказывается болѣе совершеннымъ образцомъ народной этимологіи, чѣмъ *пек-чи* и т. п. въ коихъ—*чи*, кромѣ суффикса неопредѣл. накл. ти, заключаетъ въ себѣ видоизмѣненіе конечной согласной корня, которая въ неизмѣненномъ видѣ и безъ того находится въ корнѣ. *Пек-чи* до нѣкоторой степени сходно съ Франц. être (=ess-t-re съ эвфонич. t, изъ esse-re), въ коемъ суф. неопр. накл. содержится дважды. *Пек-ти*, по времени образованія и по дѣйствующимъ въ этой формѣ стремленіямъ языка, вполнѣ соотвѣствуетъ формамъ *греб-ти*. *ревти*, въ коихъ тоже нарушены звуковыя законы предшествующаго періода, ради этимологической ясности. Думать же, что *пекти*, *гребти*, *ревти* древнѣе формъ *печи*, *грести*, *рюти* и сохранились отъ доисторическаго времени—стольже ошибочно, какъ было-бы напр. ошибочно объяснять Ювр. *а* изъ *о* неударяемаго тѣмъ, что это *а* есть остатокъ того же основнаго доисторическаго звука.

Къ § *39*, *3*, *г*. До какой степени колебанія между мягкостью и твердостью звука *ц* въ приводимыхъ ниже образцахъ говоровъ Пружанскаго, Брестскаго, Кобрин. у. зависятъ отъ записывателей? Въ образцѣ говора Кролевец. у. основное *ц*, если вѣрить записывателю, мягко

тамъ же, гдѣ и въ Укр., но *ц* изъ *тс* (дивицце)—твердо.

Мягкость *ц* въ Мр. говорахъ есть остатокъ древняго общерусскаго произношенія, и *въ этомъ смыслѣ* не есть спеціально Малорусская особенность.

«Когда я встрѣчаю, говоритъ г. Максимовичъ, у Нестора напр. *у отця*, то говорю, что здѣсь отозвалось у него нарѣчіе Малороссійское, ибо по Церковно-славянски да и по Велико-русски бы *у отца*» (Нов. письма 29). Въ Ст.-Сл точно «у отьца»; но неужели мы, находя напр. въ Духовной Ивана Калиты (1328 Соб. Гос. Гр. I № 21) отця, Маковець, должны считать и здѣсь *ця*, *ць* за малоруссизмы? Эта Вр. но не Новгородская грамота, въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, не есть какое либо исключеніе. Колебанія между твердостью и мягкостью *ц*, напр. между сочетаніями *цу* и *цю*, въ одномъ и томъ же Вр. памятникѣ встрѣчаются даже въ XVI вѣкѣ, не говоря уже о мягкости *ц* въ нынѣшнихъ Свр. говорахъ. Поэтому форма *отця* въ Лаврент. сп (XIV в.), сдѣланномъ на Сѣверѣ, на такомъ же основаніи можетъ считаться Мр. какъ и Великорусскою.

Подобнымъ образомъ г. Максимовичъ думаетъ, что смягченіе гортанныхъ въ *з, ц, с* (на порозѣ), особенная форма для звательнаго падежа и дательный на—*ови*, встрѣчаемые у Нестора и въ Сл. о П. Иг. суть малоруссизмы, п. ч. Велико-россіяне отказались отъ этого еще въ глубокой древности (Нов. письм. 31, 5). По такому способу разсуждать—окажется, что формы, встрѣчаемыя въ подлинныхъ памятникахъ XIV—XV в., очевидно Велико-русскихъ, напр. въ тамзѣ, на Устюзѣ, въ Бѣжицскомъ версѣ и т. п. (См. С. Г. Гр. и Д. I, passim) заимствованы изъ Церковно-славянскаго, а нынѣшнія Бѣлорусск. и Южно-велико-русск ф. какъ «въ Ельцѣ на Саснѣ рѣцѣ» (См. Даль, Слов.)—съ Малорусскаго. Вѣрнѣе, что здѣсь нѣтъ никакого заимствованія, что хотя отдѣльные случаи неизмѣняемости гортанныхъ въ свистящіе восходятъ къ XII вѣку, а можетъ быть и къ XI (напр. если Изборникъ, относимый къ 1076 г., гдѣ встрѣ-

чается «въ бури морьскѣи» точно написанъ въ это время; см. Срезнев. Др. Пам. Р. П. 17); но случаи какъ версѣ и т. п. были еще народны въ Вр. говорахъ въ XIV—XV, а мѣстами остаются таковыми и до нынѣ.

—«Смягчаются-ли шипящіе звуки *ж*, *ч*, *ш*? Смягченіе ихъ встрѣчается *преимущественно* въ нар. Кіевскомъ и Харьковско-Полтавскомъ, напр. лошя, лежять» (Новиц. прогр. вопр. 27). Вовсе не «преимущественно». Изъ § 39, 4 моей статьи и изъ приложеній къ ней можно видѣть, что въ говорахъ Галицкомъ и Карпатскомъ сочетаніе шипящихъ съ *я* (=є), *ю* имѣетъ мѣсто и тамъ, гдѣ въ Восточн. Мр. шипящіе тверды, напр. въ случаяхъ, какъ *жяль*, *хочю*, какъ въ Др.-Русскомъ, не исключая и древнихъ Мр. памятниковъ. напр. грам. Бенка, старосты Галицкаго. 1398, гдѣ: свѣдчю, на жюрковѣ, нашю (Срезн. Пам. и Ак. Ю и З. Р. І № 5). Замѣтимъ однако, что въ Др.-Русск. шипящіе мягки и передъ *и*, между тѣмъ какъ въ Галицкомъ и Карпатскомъ *и* стало среднимъ, стало быть шипящіе передъ нимъ не ётированы. Въ восточн. Мр. извѣстны только три случая мягкости шипящихъ: въ 3 л. мн. ч. наст. вр. глаголовъ съ характерами $\frac{и}{ѣ=а}$, $\frac{и}{и}$ (держять, положять), въ именахъ на—я, —яти (горщя, верчя) и на *ьє* (кулаччя, збіжжя); но непремѣнно держати (а не держяти) жаль, час, хочу.

—«Не вставляется ли *л* или *й* при стеченіи губной согласной съ *і*? Это имѣетъ мѣсто въ нарѣчіяхъ Черниговскомъ и Полѣсскомъ: мъйчъ, привъйизъ, объйідъ, купліть, дивліться вм. мічъ, привізъ, обідъ, купіть, дивіться» (Новиц. Прогр. вопр. 17). Основныя формы приведенныхъ здѣсь примѣровъ и пути коими произошло въ нихъ *і*—весьма различны. Если на основаніи Серб. *мач* принять за основную форму *мьчь*, то переходъ *е* изъ *ь* въ *і* въ этомъ словѣ будетъ отклоненіемъ отъ Мр. стремленія не измѣнять о, е изъ ъ, ь въ подобныхъ случаяхъ. Согласно съ этимъ это слово и встрѣчалось мнѣ въ Мр. въ формѣ *меч*. Впрочемъ, быть можетъ вѣроятнѣе, на основаніи древнѣйшихъ Ст.-Сл. пам. (см. Mikl. Lex. s. v.)

считать основною формою *мечь* съ *е*, которое, по причинѣ мягкости слѣдующей согласной, могло перейти въ нѣкоторыхъ Мр. говорахъ въ *і* не черезъ є, ё, ю, какъ въ *віз* (вёз, вюоз, вюз), а только черезъ є=ѥ, какъ въ піч, сім. Во всякомъ случаѣ, какъ «мъйіч», такъ и «въйіз» предполагаютъ въ корнѣ є=ѥ, въ коемъ j появилось не въ силу вліянія предъидущей губной, а по качеству слога: какъ въ Заблуд. сjем=Укр. сім, семи, такъ міч (если эта форма существуетъ), меча. Вопросъ, стало-быть, состоитъ не въ томъ,—вставляется-ли j послѣ губныхъ, а въ томъ, можетъ ли оно сливаться съ ними, или нѣтъ; но въ такомъ случаѣ вопросъ этотъ относится не только къ такимъ случаямъ, гдѣ за губною слѣдуетъ *і*, но и къ другимъ, какъ напр. Укр. вjазати (въязати) и т. п. Въ *объйід*, гдѣ основная гласная есть *ѣ*, появленіе j опять таки зависитъ не отъ губной, а судя по другимъ сѣвер. говорамъ, отъ ударенія, и вопросъ сводится къ предъидущему. Въ Укр. *купіте* острое *і* не изъ *ѣ* какъ въ ведіте=ведѣте, а изъ *и* (купите), произносимого остро, вѣроятно, по той-же причинѣ, какъ и въ *коні*, т. е. въ силу нѣкогда явственнаго, а теперь потеряннаго j, такъ что предполагаемая Украинскимъ произношеніемъ форма есть куп-j ите, въ отличіе отъ предполагаемой основной формы наст. вр. куп-ийте. Если форма *куплітъ* дѣйствительно существуетъ, а не образована по догадкѣ на основаніи формъ какъ ломліте (ломати, ломлю), то она обязана своимъ *л* не забытому j въ повелит. накл., а тому-же, чему Украинск. 3 л. мн. куплять, то есть аналогіи съ 1 л. ед. куплю. Замѣчательно однако, что, по словамъ г. Новицкаго, въ Черниговговорѣ именно и нѣтъ *л* въ 3 л. мн. ч. разсматриваемыхъ глаголовъ: лупеть, а не луплять.

Къ § *39*, *б*, *в*. «Смягчается ли *р*? Есть три степени его смягчаемости: на Юго-востокѣ оно смягчается вполнѣ, какъ передъ гласными, такъ и передъ согласными, и въ окончаніяхъ словъ: буря, горювати, харько, царь, даже въ базарь и сахарь; въ нарѣч. Черниговъ-

скомъ, Нѣжинско-Переяславскомъ и Кіевскомъ смягченіе удерживается уже только передъ гласными, и то не строго: буря, горювати, говорю, и въ то-же время—горувати, говору; передъ согласными же и въ окончаніяхъ оно совсѣмъ не встрѣчается: царъ, бондаръ; далѣе же къ западу, начиная (?) съ Кіевскаго нарѣчія смягченіе *р* исчезаетъ уже совершенно, являясь только тамъ, гдѣ южно-русское племя соприкасается съ Молдаванами. Въ выноскѣ: «послѣднее замѣчаніе нуждается еще въ подтвержденіи» (Новицк. прогр. вопр. 28). Именно нуждается, потому, что въ гов. Карпатскомъ и отчасти Галицкомъ *р* мягко не зависимо отъ какого либо посторонняго вліянія. Въ говорахъ Гродней. губ. *р* твердо. Особенность восточн. Мр. въ томъ, что въ немъ *р* не только остается мягкимъ тамъ, гдѣ оно таково въ Др. Русск. и нынѣшнемъ литературномъ, исключая сочетаніе *ре*, но и вновь смягчается во многихъ случаяхъ, гдѣ оно было твердо. Такъ у Котляревскаго—согласно со стремленіемъ этого нарѣчія — Венеря, Венері (родит.), Венерю, но у него же—волосажар (плеяды), хотя говорится и волосажарь. Неорганическое смягченіе *р* встрѣчается изрѣдка и въ стар. памят. Русск. письменности, напр. при правильномъ—Володимиръ, род.—а, находимъ «посла къ Володимерю» (Мономаху, Ип. лѣт.), «князя Володимеря (Васильковича) рукописаніе»—заглавіе, подъ которымъ въ лѣтописи помѣщены двѣ грамоты этого князя (Ип. 215, Срезнев. Пам. 73); въ тѣхъ же грамотахъ по изд. во II т. Собр. Гос. гр. и Дог. 7,—се язъ князь Володимерь (въ Ип. лѣт. по изд. Археогр. ком. Володимеръ). Это произношеніе, уничтожающее звуковую разницу между существительнымъ и прилаг. притяжательнымъ, лежитъ и въ основаніи Польскаго произношенія Włodzimierz. Въ Нов. I л.—Дънѣпрь (32, 31; 40, 21; 41, 5)—отъ Днѣпря (ib. 41, 9), по Днѣпрю (32, 27). Слово трапеза пишется черезъ ѧ, ѧ (а не *а*) въ Ипат. лѣт. и вообще очень часто, о чемъ см. Mikl. Lex. s. v.

Къ § 40, 2. Написаніе кі для звука Польскаго, Ли-

товскаго, Латинскаго g, свидѣтельствующее, что г произносилось уже какъ h, встрѣчается уже въ XIV вѣкѣ, напр. въ грам. короля Владислава 1387 (Срезнев. Др. пам. Р. пис.)—Скиркгаило, Тургкенево село вм. Туркгеново; въ гр. Витовта 1393 — Буркгимистру (Русск. Лив. Акты № 122).

Замѣтимъ въ нѣсколькихъ словахъ измѣненіе основного *г* въ *к* въ сочетаніи *зг* и образованіе изъ него сочетанія *зк*, въ коемъ *з* сохраняется передъ отзвучнымъ *к*, потому что принадлежитъ къ другому слогу и въ случаѣ нужды отдѣляется отъ этого *к* неорганическою бѣглою гласною: бриз-ка, родит. мн. бризок, різка—різокъ, бряз-кати, мозок, родит. мозку, дрібъязок, дрібъязку (Поль. drobiazg). *К* есть здѣсь слѣдъ обще-русскаго и обще-славянскаго произношенія *г* какъ Поль. g, только гортаннѣе и тверже. Оно возникло изъ этого *г* одновременно съ его превращаеніемъ въ h и возникло потому, что сочетаніе зh было-бы еще труднѣе для произношенія, чѣмъ *зк*. Сходно съ этимъ въ нарѣч. Чешскомъ и Словенскомъ, въ коихъ основ. г=h, кромѣ нѣкоторыхъ заимствованнхъ словъ, какъ grot, granat, grunt, группа, *зг*, даже раздѣленная неорганическою бѣглою, въ нѣсколькихъ случаяхъ сохраняетъ г=g, или превращаетъ его въ *к*, напр. въ Чеш. mozek, стар. mezeg (однако rozha) въ Слов. mozog, miazga, razga (Hattala, Srovnací Mluvnice § 153).

Къ § 40, 3. Не знаю, встрѣчается ли Мр. и Бр. измѣненіе *л* въ *в* въ памятникахъ раньше XVI вѣка? Косвеннымъ указаніемъ на существованіе этого измѣненія въ XV вѣкѣ можетъ, кажется, служить встрѣчаемое изрѣдка въ Зап.-Русск. грамотахъ обратное измѣненіе *в* въ *л*, напр. въ Зап.-Русск. гр. 1444 (въ метрикѣ литов. Ак. Ю и З. Р. I, № 22) «Станко Олтушковичъ», т. е. Овтушковичъ отъ Овтухъ, Евтихій, нынѣшнее Укр. Явтухъ; въ Кобринской гр. 1469 (ib. № 226) съ Малорускими признаками, Елхимъ, изъ Евхим, нынѣшн. Укр. Юхим, Евѳимій; въ записи о Ржевской

дани, писанной безъ сомнѣнія Ржевитиномъ послѣ 1479 (Ак. Зап.-Р. I, № 71) «то ему собралшы дали»; въ Луцкомъ актѣ 1583 (Русск. Бес. 1857, 3, 37) волторокъ (вовторокъ, вторникъ). Думаю что это *л* изъ *в* не всегда появлялось только на письмѣ, вслѣдствіе желанія писать по книжному; въ иныхъ случаяхъ и мѣстностяхъ оно слышалось и въ живой рѣчи, какъ напр. въ Свр. Вр. (Вятск и др.) колды, толды, завсялды, гдѣ *л* не можетъ быть выведено непосредственно изъ *і*, но легко выводится изъ этого звука черезъ в, которое находимъ въ Вытегор. ковды, Переяславл. (Влад. г.) ковда, товда. Другой примѣръ произношенія *в* за *л* представляютъ Литовскія имена на—*товтъ*. Въ собственныхъ грамотахъ Витовта его имя такъ и пишется Витовтъ (напр. 1415, 1427, Ак. отн. къ И. Ю. и З. Р. I, № 12, 17); подобно этому и Кгастовтъ (ib. № 2), Воиштовтъ (ib. 22), Мостовтъ (ib), Монтовтъ (ib. 48 и др.). Между тѣмъ въ гр. 1447, по болѣе позднему списку (ib. № 26) стоитъ Витолтъ, въ гр. 1452 (ib. № 28) Кгаштолтъ, а Поляки съ давнихъ поръ, и врядъ ли по требованію своего языка, произносятъ Witold (позднѣе Witold), Gasztold, Врядъ ли однако гдѣ либо произносилось *л* за *в* въ Литовскихъ сложныхъ именахъ, въ коихъ *товти* стоитъ на первомъ мѣстѣ, какъ въ Товти-вилъ, Товти-минъ (ib. № 22).

Къ § 40, 4, а. Уже въ Волынскомъ спискѣ поученій Ефрема Сирина (до 1288, Срезн. Свѣдѣнія о малоизв. и неизв. пам. 50) находимъ Мр. измѣненія *вѣ* въ у, ув, *вз* въ уз, (у часъ, увъ молитвахъ, узлюбилъ) и на оборотъ *у* въ *в*: вгодно, повчити, вънрѣти. Въ позднѣйшихъ Мр. памятникахъ и въ нынѣшнемъ языкѣ *ув* обыкновенно только передъ гласными, напр. въ записи 1415, по списку XVI в. (Ак. отн. до И. З. Р. I, № 27); увъ Освчи, увъ Опанасовыщинѣ. Однако формы какъ *узя* и на оборотъ *вже*, очень частыя въ Ипатьев. сп. лѣтописи, не могутъ считаться рѣшительнымъ признакомъ М.-русскаго языка составителя, (Максимовичъ, Новыя

письма 25) ибо столь-же свойственны и С.-русск. говорамъ съ давняго времени (Ср. напр. Смолец. грам. 1229, а также и Сѣв. Вр. грам. XIV—XV в., напр. въ Акт. Юрид. стр. 110, 111, гдѣ читаемъ ув-ыгната, ув-онъчифора, у Степана въ Иванова унука) и гармонируютъ съ другими несомнѣнно Великорусскими чертами, внесенными въ эту лѣтопись Сѣвернымъ переписчикомъ, каковы два *о* изъ *ъ* при плавныхъ (полокъ=полкъ), о изъ *ы* въ ый (тысячкой), *е* изъ *и* въ ий (старицей, цобейте), ч вм. ц и на оборотъ.

Къ § *40*, *5*. Форма *што*, изъ коей образовалась позднѣйшая *що*, встрѣчается уже въ грамотѣ Подоль. кн. Александра Коріятовича, 1375 (Срезн. Пам.) и очень часто въ Волынскихъ пам. XV—XVI в. И до сихъ поръ она держится по окраинамъ, между тѣмъ, какъ срединные Мр. говоры замѣнили ее черезъ *що*.

Къ § *40*, *6*, *а*. Относительно опущенія *ть* въ 3 л. мн. наст. вр. замѣчу, что хотя нѣтъ основанія думать, что это явленіе въ Мр. ново, однако многіе изъ тѣхъ случаевъ въ старинныхъ памятникахъ, на которые можно бы сослаться какъ на доказательство древности этого явленія въ Русскомъ языкѣ, въ сущности не говорятъ ничего, ибо могли произойти отъ опущенія титла переписчикомъ, или отъ внесенія имъ дѣйствительнаго опущенія ть изъ нерусскаго подлинника. Объ опущеніи *ть* въ Древ.-Стар.-Сл. пам. нерусскаго и Русскаго письма см. Mikl. V. gram. III, 85; Срезнев. Древ.-Слав. пам. Юсоваго письма 166 и дал. Г. Максимовичъ (Нов. письма, 26) ошибочно считаетъ *тече* въ Слов. о П. Иг. за настоящее вр.; это 3 л. ед. аориста: «тоска розліяся (разлилась) по Русской земли, печаль жирна *тече* (потекла) средѣ земли Русскыи».

—*О стеченіи одинаковыхъ согласныхъ*. Есть мнѣніе, что Славянскіе языки вообще (См. Hattala, De contiguarum consonantium mutatione in linguis Slavicis, Pragae 1865, p. 22), или Церковно-Славянскій и Русскій (Бусл. грам. § 38, 1) не терпятъ стеченія одинаковыхъ

согласныхъ. Руководясь подобнымъ мнѣніемъ, Даль принимаетъ за правило на письмѣ «не сдваивать буквъ *безъ прямой нужды*, т. е. гдѣ говоръ этого не требуетъ настоятельно, и потому писать: собра*н*ый, подраный, но непремѣ*нн*ый, благоскло*нн*ый» (Словарь I, XII). Выходитъ, что не смотря на предполагаемую нелюбовь къ стеченію одинаковыхъ согласныхъ, есть случаи, когда языкъ настоятельно требуетъ такого стеченія, случаи, даже за выдѣленіемъ не настоятельно требуемыхъ по мнѣнію Даля, очень многочисленные, напр. поддать, оттуда, оббить, раззуть, ссыпать и т. п. И проф. Буслаевъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ принужденъ указать на исключенія: «кажущееся удвоеніе *нн* (истинный) объясняется выпускомъ *ь*: истиньный». Всякое удвоеніе чѣмъ-нибудь да объясняется: или опущеніемъ гласной между сходными согласными, или вліяніемъ слѣдующей за согласной йоты, или, какъ въ Италіянскомъ, краткостью и удареніемъ предыдущей гласной, или стеченіемъ одинаковыхъ согласныхъ корня и суффикса; но не смотря на это, всякое изъ нихъ дѣйствительно, а не мнимо. Отвѣчая на вопросъ: «могутъ ли въ данномъ языкѣ рядомъ стоять одинаковыя согласныя», нѣтъ нужды напередъ установлять различіе между удвоеніемъ согл. въ тѣсномъ смыслѣ слова, то есть такимъ случаемъ, когда двѣ одинаковыя согласныя являются изъ одной, и между простымъ стеченіемъ согласныхъ, будутъ-ли они первоначально тождественны, или уподобятся другъ другу въ позднѣйшихъ періодахъ языка. Другое исключеніе приводимое г. Буслаевымъ это *итти*, о коемъ ниже; третье: «къ особенностямъ Малорусскаго языка принадлежитъ наращеніе или повтореніе согласнаго звука, иногда раздѣляемое звукомъ *ъ* въ именахъ на *ье* или *ья*; при этомъ *ь* передъ окончаніемъ *е* или *я* выпускается, изъ чего видно, что это повтореніе имѣетъ видъ смягченія, напр. вугольля и т. п.». Ходъ образованія этого явленія, не менѣе трехъ столѣтій существующаго въ Мр. и Бѣлорусск. (См. въ моей статьѣ § 39, 7 и 13, г.), точнѣе опредѣляется та-

кимъ образомъ: изъ *и* въ ию, и т. п. образовалось ь и j=й, выражаемое посредствомъ ь; это j уподобило себѣ предыдущую согласную, сдѣлавъ ее нёбною, а потомъ само подъ ея вліяніемъ превратилось въ такую же. При этомъ j (=ь въ общепринятомъ правописаніи) не выпускается: еслибъ оно выпустилось, то изъ *нja* мы получили бы *на*, а еслибъ слилось съ предъидущею согласною, потерявъ свою самостоятельность, то мы бы имѣли *ня*, а не *ння* (*). Выраженіе: «повтореніе согласныхъ *иногда* раздѣляемое *звукомъ* ь» основанное на написаніи *ньня* и т. п. неточно, потому, что ь есть здѣсь не звукъ, а знакъ нёбности предыдущей согласной, въ дѣйствительности ничѣмъ не отдѣляемой отъ слѣдующей такой же; разъ принявши написаніе *ньня*, слѣдуетъ употреблять его не иногда, а всегда.

Въ Русскихъ говорахъ есть и другіе случаи прямо доказывающіе, что языкъ вовсе не избѣгаетъ образованія двойныхъ согласныхъ изъ стеченія согласныхъ неодинаковыхъ: изъ *дн* (=дьн) напр. выходитъ *нн* въ нѣкоторыхъ Свр. и Юж.-Вр. говорахъ, о чемъ см. въ моей статьѣ § 26, г.

Вообще утвержденіе, что Русскій языкъ не терпитъ стеченія одинаковыхъ согласныхъ, примѣненное не къ одному извѣстному періоду Русскаго языка, а ко всему этому языку безъ ограниченій, ошибочно.

—О Вр. и литерат. формѣ *итти*, при коей въ сложеніи съ предлогами сохранилась и древняя форма *ити*, Миклошичъ того мнѣнія, что она возникла на основаніи настоящаго *ид*-у (т. е. что ид-ти=итти есть уподобленіе темы неопредѣленнаго темѣ настоящаго), и лишь въ то время, когда начали, конечно односторонне, мудрить надъ грамматикой (V. gram. I, 399). Съ этимъ согласенъ и г. Гáттала, который называетъ *ит*ти или *ид*ти плохою выдумкою прежнихъ грамматистовъ, отвергая

(*) Нѣтъ основаній говорить объ опущеніи j не только здѣсь, но и въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ Др.-Греческаго, Германскаго и Романскаго удвоенія согласной подъ вліяніемъ j, въ коихъ нёбности согласныхъ вовсе незамѣтно, какъ въ γλῶσσα, mezzo, brunnen.

при этомъ мнѣніе г. Буслаева (Грам. § 49, I, изд. 1-е и 2-е (*)), состоящее въ томъ, что *итти* образовалось не отъ настоящаго *иду*, а отъ усиленія древней формы, помощію удвоенія звука т, перешедшаго, по сходству, въ *д* въ формѣ *идти* (Hattala, Uvaha о Буслаевѣ опытѣ, стр. 22). Г. Лавровскій (объ Историч. грам. Буслаева, прилож. къ VIII т. Зап. Ак. Н 30-2), указавши на неясность отношенія вышеприведеннаго мнѣнія проф. Буслаева къ его же словамъ, что Русскіе граматисты произвели неопредѣленное накл. *идти* (пишутъ *итти*) уже отъ настоящаго времени» (Бусл. грам. § 87, 4; такъ и въ 3-мъ изд.), тоже признаетъ, что *итти* образовано отъ наст. вр. иду, какъ Поль iść (прибавлю Бр. исци и по свидѣтельству г. Новицкаго, Подольское істи) и Чешск. областн. idst. Эта послѣдняя форма предполагаетъ форму ist, равную Польской, къ коей потомъ, въ слѣдствіе забвенія этимологическаго смысла звука s (изъ *д*) прибавлено еще разъ *д* изъ темы наст. вр., сходно съ pletst, vedst. «Какъ народъ способенъ къ образованіямъ новыхъ формъ на основѣ старыхъ... доказываетъ Русск. простонародная форма *итти-тъ*». *Итти* обязано своимъ происхожденіемъ не грамматистамъ, а «послѣдовательному развитію въ устахъ самаго народа».

Что форма *итти* образована не личнымъ произволомъ, а стоящимъ выше этого произвола народнымъ стремленіемъ объяснять забытое этимологическое значеніе словъ и давать новое направленіе измѣненіямъ звуковъ, въ томъ убѣждаетъ между прочимъ и древность этой формы: г. Буслаевъ (Гр. § 38, I, 2-е изд.) находитъ *итъти* въ Патерикѣ Печерскомъ 1554; но оно встрѣчается гораздо раньше: въ грам. Вас. Дмитр. 1389 (Собр. г. гр. и дог. I № 35), и въ гр. 1434 (ib № 52), *пойтъти* (sic) въ гр. 1436 (ib), причемъ ъ уже не гласная, а знакъ мягкости *т*.

(*) Въ 3-мъ изданіи своей грамматикѣ г. Буслаевъ отказался отъ этого мнѣнія.

— Относительно удвоенія согласныхъ Миклошичъ думаетъ, что два *н* въ суф. причастій страдат. опредѣленныхъ (возлюбленный), встрѣчаемыя уже въ Ст.-Сл. памятникахъ преимущественно русскаго извода, есть явленіе совершенно произвольное и неорганическое, и что поводомъ къ этому удвоенію послужили, вѣроятно, прилагательныя на—*ьн*, произведенныя отъ отглагольныхъ (точнѣе—отпричастныхъ) существительныхъ на *ніе* (Vergl. Gr. III, 346 и 95). Въ языкѣ есть много явленій, которыя при своемъ началѣ намъ кажутся произвольными, но которыя, расширяясь и укореняясь, существенно видоизмѣняя языкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ становятся независимыми отъ личнаго произвола. Такъ неполногласныя формы и причастія на—*щій*, нерусскія по происхожденію и нарушающія законъ Русской фонетики, внесенныя въ языкъ личнымъ, хотя и не безпричиннымъ и не неразумнымъ произволомъ, нынѣ не могутъ быть выкинуты изъ языка. Археологическія побужденія не заставятъ насъ воротиться къ формамъ *оболокъ*, *ворожда*, хотя формы *облако*, *вражда* замѣтнымъ образомъ не обогащаютъ языка никакимъ новымъ оттѣнкомъ значенія и не имѣютъ того оправданія, какое имѣетъ глава при голова, среда при середа. Двойное *н* въ прич. страд. опредѣленномъ, существующее на Русской почвѣ не менѣе какъ съ XIV вѣка, а вѣроятно и рожденное на ней, теперь представляется еще менѣе произвольнымъ, чѣмъ употребленіе неполногласныхъ словъ, потому что мы сохраняемъ еще свободу выбора напр. между однозначащими: Сре-

да(день недѣли) и середа, средина и середина, но не можемъ уже поставить прельщеный вм. прельщенный и т. п., и причина этого заключается въ слѣдующемъ. Извѣстно, что простонародные Русскіе говоры стремятся къ потерѣ причастій и замѣнѣ ихъ частью прилагательными, частью дѣепричастіями. Они потеряли уже почти повсемѣстно причастіе настоящее, сохранившееся въ языкѣ образованнаго общества и письменности въ своей Ц.-Слав. формѣ, не потому, что эта форма есть Церковно-Славянская, а потому что она стала книжною, а книжный языкъ наклоненъ къ архаичности, гдѣ это согласно съ выгодами отвлеченной мысли. Такимъ образомъ и двойное *н*, вошедшее въ причастія прош. страд. опредѣленныя, такъ и осталось въ нихъ въ литературномъ языкѣ, между тѣмъ какъ народныя формы этихъ причастій съ однимъ *н* приняты въ тотъ же языкъ, какъ прилагательныя. Въ этомъ языкѣ двойное *н* въ причастіяхъ, какъ *пи́санный* (=по формальному значенію съ печатанный), *пе́ченный*, такъ относится къ одному *н* въ пригательныхъ *пи́саный* (=по формальн. значенію съ печатный), *печёный*, какъ *щ* въ причастіи *горящій* къ *ч* въ прилаг. *горячій*. Малорусское нарѣчіе не усвоившее двойнаго *н* причастіямъ, остается при одномъ, не всегда дѣйствительномъ средствѣ различенія причастій страдат. прош. отъ сходныхъ съ ними прилагательныхъ, именно при удареніи: *пе́чений* есть причастіе, *пече́ний*—прилагательное, но *пи́саний*—безразлично и то и другое. Стало-быть литературный языкъ въ этомъ случаѣ въ барышахъ противъ Малорусскаго.

Въ литературномъ языкѣ, кромѣ причастій страд. прош. есть значительное количество прилагательныхъ образованныхъ отъ тѣхъ же причастій посредствомъ *ън*; формальная разница между ними та, что первыя теряютъ одно *н* въ неопредѣленой формѣ (данный, по данъ, дана́), а вторыя постоянно сохраняютъ второй суффиксъ, подобно сходнымъ съ ними прилагательнымъ неотпричастнымъ: надменный—надмененъ, какъ странный—страненъ. Двойное *н* суффикса проникло и въ народные говоры; но не

въ причастія, обреченныя здѣсь на погибель, а въ прилагательныя. Въ Мр. есть отпричастныя прилагательныя, подобныя литературному *надменный*, но ихъ, кажется, не много. Укажу на одно: *навиженний* (собств. тоже что nawiedzony, посѣщенный т. е. наитіемъ), сумасшедшій; въ коемъ слѣдовало бы ожидать і=ѣ, а не *и*. Болѣе въ Мр. и въ Вр. говорахъ прилагательныхъ съ интенсивнымъ значеніемъ, образованныхъ не отъ причастій, а отъ прилагательныхъ съ суффиксомъ *ън* (заливенный при заливной), близкомъ къ суффиксу прич. страд. *ен* (Серб. лив-ен); или отъ прилагательныхъ и даже существительныхъ безъ этого суффикса. Въ послѣднемъ случаѣ—*енн* принятъ за цѣльный суффиксъ, хотя въ дѣйствительности этотъ суффиксъ сложенъ, какъ—*еньн* въ словѣ *надмененъ*. Въ этомъ самомъ смыслѣ народные говоры употребляють и суффиксъ причаст. настоящ. дѣйствительнаго въ его Церковно-Славянской или Русской формѣ: *заливущій* тоже что *заливённый*, проливной; *завилящій* и *завалющій* тоже что *завалённый*; Мр. *добрячий*, *злючий*, *проклятущий* въ формальномъ смыслѣ то же что *здоровенний* (Вр. большущій), *довженний*, *дзявоЛённий*. Проф. Буслаевъ объясняетъ эти суффиксы иначе:

«Степени сравненія именъ прилагательныхъ соотвѣтствують *представленію* именъ существительныхъ... *Потому* въ просторѣчіи суффиксъ именъ увеличительныхъ *щ*, въ *ищ* (напр. ручища), присовокупляется къ нѣкоторымъ прилагательнымъ для означенія превосходной степени, въ —*ущ*, напр. *большущій*, тьма *тьм-ущ-ая*; точно также, какъ *н* въ—*ина* (дом-*ина*) въ прилаг. *здоров-енный* (Гр. § 68, прим.).» Я не вижу тутъ необходимой связи между посылкой и заключеніемъ: а priori никакъ нельзя вывести, что языкъ долженъ употреблять тѣ же самые суффиксы при образованіи прилагательныхъ интенсивныхъ (ибо о нихъ здѣсь рѣчь, а не о степеняхъ сравненія), что и при образованіи существительныхъ увеличительныхъ; это только возможно. Въ дѣйствительности только прилаг. уменьшит. на енькій имѣютъ одинъ суффиксъ

съ сущ. уменьшительными. Въ этомъ г. Буслаевъ правъ (см. ib.). Но, во-первыхъ, *щ* въ *ище* возникло изъ основнаго *ск* (Поль. isko) и начальное *и* незамѣнимо въ немъ другою гласною; *щ* въ *ущій*, *ющій*, *ящій* имѣетъ при себѣ равносильное *ч* въ *учій*, *ючій*, *ячій*, при чемъ преемственной связи между звуками *щ* и *ч* нѣтъ никакой, такъ что совмѣстное ихъ существованіе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что первый = шт т. е. Старо-славянскому смягченію основнаго *т*, а второй, *ч*= Русскому смягченію того же *т*. А что это основное *т* принадлежитъ къ суф. прич. настоящ.—*ант*, это видно какъ изъ чередованія гласныхъ *я* и *у*, объясняемаго юсомъ, такъ изъ множества примѣровъ, доказывающихъ, что отъ значенія прич. настоящ. весьма легокъ и постепененъ переходъ къ значеніямъ: имѣющій свойство дѣлать то-то и имѣющій это свойство *въ сильной степени*. Этого послѣдняго значенія суф. прич. наст. достигаетъ уже въ отглагольныхъ образованіяхъ; затѣмъ онъ начинаетъ соединяться съ именами. Не думаю, чтобы кто либо сталъ сомнѣваться въ томъ, что напр. Мр. пахýчий и пахущий не имѣетъ никакой связи съ—ище; а между тѣмъ это—очевидно отпричастныя прилаг. и по интенсивности значенія малымъ чѣмъ слабѣе прил. злючий= злющий. Замѣчу, что въ Вр. и книжная превосходная степень прилаг, на ѣйшій понимается, конечно ошибочно, какъ причастіе наст. и произносится какъ *ѣющій*: добрѣющій. Во-вторыхъ, такъ какъ *и* въ—*ина* составляетъ существенную принадлежность этого суффикса, то *непосредственной* связи между—*ина* и—*енный* не видно никакой, между тѣмъ какъ связь, между причастіемъ *заваленный* и прилагат. интенсив. *завалéнный* во всякомъ случаѣ вѣроятнѣе чѣмъ между этимъ послѣднимъ и сущ. *завалина*. Существительное это не имѣетъ увеличительнаго значенія, но между значеніемъ его суффикса и увеличительностью есть связь подобная связи между—*ище* въ значеніи мѣста, гдѣ что либо есть или было (ставище) и—*ище* увеличительнымъ.

Возвращаясь къ фонетическому вопросу, повторю, что стеченіе двухъ *н* въ суф. есть весьма важная черта нынѣшняго Русскаго языка и что трактовать объ этомъ явленіи, какъ о случайномъ и не важномъ, не слѣдуетъ.

— По Миклошичу, стеченіе двухъ *ж* въ *дожжикъ*, *дрожжи*, *запъжжать* существуетъ только на письмѣ, ибо «безъ сомнѣнія» произносится *дожикъ*, *дрожи*, *запъжать* (Vergl. gr. I, 397—8). Объ этомъ замѣчу слѣдующее:

Въ Ст.-Слав. *шт* и *жд* замѣняютъ собою не менѣе одинадцати различныхъ сочетаній, такъ какъ *шт* образуется а) изъ смягченія *т*, *гт*, *кт*, *хт*: мештѫ, пешти, мошти, врѣшти; б) изъ смягченія *ст* и *ск*: кръштѫ, иштѫ; в) изъ стеченія *с* и *ч*: бештисльнъ изъ бес-ч.. а это изъ без-числьнъ; а *жд*—аа) изъ смягченія *д*: рождѫ; бб) изъ смягченія *зд* и *зг*: пригвожденъ, раждие при розга; вв) изъ стеченія *з* и *ж*: иждενѫ вм. из-женѫ. Русскій и Польскій, съ точки зрѣнія этимологической ясности, стоятъ здѣсь выше, такъ какъ вмѣсто двухъ старославянскихъ сочетаній *шт* и *жд* имѣютъ ихъ сначала не менѣе, какъ по четыре. Русск. и Польск. расходясь между собою въ случаяхъ *а* и *аа* (въ Русск. *ч* и *ж* (дж), въ Польск. *ц* и *дз*), совершенно сходны въ случаяхъ *б* и *бб*. Изъ смягченія *ст* и *ск* въ обоихъ выходитъ *щ* (штш), а изъ смягченія *зд* и *зг*—*ждж*. Я укажу здѣсь на главныя точки дальнѣйшей исторіи этихъ сочетаній въ Русскомъ языкѣ.

ждж до нынѣ сохраняется въ нѣкоторыхъ говорахъ, частью сохраняя первоначальную мягкость (мѣстами въ юж. Вр. даждж̌я), частью потерявши ее, какъ мѣстами въ Мр јiжджу, Бр. дажджу (родит.). Въ Мр. сочетаніе это въ отдѣльныхъ словахъ переходитъ въ соотвѣтственое отзвучное: *дощ*, род. *дощу* (въ Польск. deszcz, род. deszczu и болѣе архаичная форма dżdżu, *вищати* (изъ вижджати, если за основ. форму принять *визг*, а не *виск*). Въ нѣкоторыхъ древнихъ Русскихъ памятникахъ находимъ сочетаніе *жч* (въ случаяхъ *бб* и *вв*), занимающее середину между основнымъ *ждж* и Мр. *щ*: въ Галиц. Ев.

1144 г. дъжчь, дъжчить, рожчье, въжчядахся, въжчядатися, ижчивши, ижчену (Буслаевъ, въ Матеріал. для ист. письм. 13); въ Псалтыри 1296: каплямъ дъжчѣвнымъ (Бусл. ib. 26); въ Волынск. сп. поучен. Ефрема Сирина до 1288: дожчь, дъжчевьныи, уста изможчалая, ижчену, ражчьжеть, ражчизатися и даже вмѣсто Ст.-Слав. *жд* тамъ, гдѣ оно соотвѣтствуетъ Русскому ж: тужчими, т. е. чужими (Срезн. Свѣдѣнія VI, 50). Есть ли это *жч* точное изображеніе звука или только графическая замѣна вовсе не встрѣчаемаго въ этихъ памятникахъ *ждж*, во всякомъ случаѣ оно свидѣтельствуетъ о свойственности Русскому языку этого послѣдняго сочетанія. Въ случаяхъ какъ *ижчити жч*—не изъ *зд* или *зг*, а изъ стеченія *зж*=жж (изжити, ижжити) съ эвфоническимъ *д*: иж-д-жити. Старо-Слав. языкъ въ этихъ случаяхъ поступаетъ также, но опускаетъ или, что на тоже выйдетъ, переставляетъ второе *ж*. Эвфоническую вставку *д* во избѣжаніе сочет. *жж* тѣмъ смѣлѣе можно приписать древнему Русскому, что такое же *д* и *т* въ сочетаніи здр (ндр?), стр изъ зр, (нр); *ср* стольже свойственно этому языку, какъ и Старо-Славянскому (см. Mikl. V. Gr. I, 191—2; Бусл. гр. § 38, 3 и онъ же въ Матер. 7, 13, 26, 32, 46).

Усиленіе первоначальной нёбности второго *ж* въ *ждж* ведетъ къ измѣненію этого сочетанія въ *жд'* съ мягкимъ *д*, какъ уже въ старин. Русск. памятн. (напр. въ Ип. лѣт. 73, 8, ѣждю изъ ѣжджю), какъ мѣстами въ Вр. говорахъ—приѣждялъ, мѣстами въ Мр. зъјіждяе, одъјіждяють (въ Кобр. у. Гродн. г., гдѣ и *ч*, *щ* мягки: щястя, дивчя). Проф. Буслаевъ (Гр. § 36, прим. 6) видитъ въ Олонец. приѣждялъ «остатокъ ранняго Ц.-Сл. смягченія *жд* вм. *жж*» Сходство со Ст.-Сл. здѣсь не полное, ибо въ Ст.-Сл. памятникахъ, не носящихъ слѣдовъ Русскаго вліянія *), *жд* требуетъ послѣ себя твердыхъ

*) Русскіе писцы, заимствуя изъ Ст.-Сл. *шт*, *жд*, измѣняли *шт* въ *щ*, и послѣ этого *щ* и *жд* ставили мягкія гласныя. Такъ въ Ев. 1409 (Бусл. Матер. 41) между, въ лѣтописяхъ часто въ прич. *щя*, *щю* напр. настанущю.

гласныхъ *а*, *у*, а не мягкихъ; по ошибъ и было полное сходство, то къ чему предположеніе о заимствованіи, когда Русск. говоры представляютъ цѣлый рядъ ступеней напр между *жджя* и *жця?* Въ Стар. Чеш. есть форма mlajší, slajší и такія же формы есть въ Хорутанскомъ, но заимствованія тутъ нѣтъ и сходство только мнимое, т. е. сходство результатовъ, а не процессовъ: въ Чешскихъ формахъ j произошло изъ *dj* черезъ посредство z, подъ вліяніемъ слѣдующей согласной š; въ Хорутанскомъ же j изстари образуется изъ смягченія *д* и безъ стеченія согласныхъ, такъ что при mlajši есть и mlaji, slaji (моложе, слаже). Подобно этому и Русск. *дождъ* можетъ быть только мнимо-тождественно со Ст.-Сл. *дъждь*. Въ Русскомъ форма *дождъ*, одна изъ нѣсколькихъ одинаково Русскихъ формъ этого слова, предполагаетъ форму *дожджь*, какъ *пъждю* предполагаетъ *пжджю*. Сходно съ этимъ, мнѣ кажется, и въ Чешскомъ лишь въ относительно позднее время образовалось žd' изъ ždž'. Въ старин. Чеіск. сочетаніи šč стоитъ тамъ же, гдѣ въ Поль. и Русск., напр, въ хроникѣ Далемила по сп. XIV в. na puščі, s oščерет; но въ нынѣшнемъ Чешск. изъ этого šč развилось št' puštěti и т. п. (Mikl, V. Gr. I, 440—1; Hattala Srovnací Mluv. § 152—3). Вѣроятно около того же времени существовало въ Чешск. и ždž тамъ же, гдѣ въ Польск. и Русск.; въ отдѣльныхъ словахъ это сочетаніе осталось въ Словен., напр. въ druždžati (Поль. druzgać, druždżę), но вообще въ нынѣшн. Чешск. ždž=žd': dešt' (изъ dežd'), roždí, růšt'ka (изъ růščko, а это изъ roždžka) droždí, hvіždí.

Дальнѣйшее областное измѣненіе *ждј*, происшедшаго изъ *жджј*, состоитъ въ переходѣ мягкаго *д* въ мягкое *г*, сходно со случаями какъ кіло, кісто вм. тіло, тісто въ нѣкоторыхъ Мр.говорахъ. Въ Трефолоѣ 1260 г. Новгородскаго письма находимъ: прѣяжгяьеши, чужыгѧ (я) ѥмъ (Бусл. христ. 72). Невозможно сомнѣваться, что въ первомъ изъ этихъ словъ сочетанія *жгя* возникло изъ *жця*, въ основаніи коего лежитъ *зд* изъ *д*: *пъзд*—изъ *пъ-д*, въ коемъ ко-

рень *ja*, тотъ же, что въ Литовск. jo-li, jo-ju, а *д* того же происхожденія, что въ *и-ду*; во-второмъ словѣ *жгя* тоже изъ *ждя*, которое есть Русское видоизмѣненіе сочетанія *жда*, заимствованнаго изъ Ст.-Сл. и предполагающаго *д* безъ посредства *зд*: въ Русскомъ было бы чюжяѥмъ. Въ томъ же памятникѣ: напоилъ ѥси *дъжгьмь* (l. c.); въ стихирарѣ 1157, тоже Новгородскомъ: «въ пустыни манну *одъжгивыи* людьмъ (Бусл. Матер. 19); форма *дъжгь* и производныя нерѣдко и въ другихъ Сѣв. Русск. памятникахъ, между прочимъ въ Новгор. I. лѣт. по Синодальному списку и въ Ипатіев. лѣт., куда дожгь, дожгьцю, бездожгье — внесены Сѣв. Великорусс. переписчикомъ, между тѣмъ какъ дожчь можетъ принадлежать Южнорусскому писателю. Для этой Сѣв. Врусс. формы дъжгь я не вижу другаго объясненія, кромѣ того, которое вытекаетъ изъ сравненія съ прѣяжгяѥмъ: дъжгь произошло изъ *дъждь*, а это въ Русск. языкѣ изъ дъжджь. Форма *дъжгь* относительно *г* не можетъ быть остаткомъ того доисторическаго времени, когда Славян. языки *еще* не превращали смягченныхъ гортанныхъ въ шипящіе; напротивъ, она предполагаетъ такое состояніе языка, когда гортанные *уже* получили способность непосредственно соединяться съ мягкими гласными, когда уже стали возможны формы, какъ *рькя* (=рька, рькы). Такой характеръ гортанныхъ, до нынѣ чуждый большинству Мр. говоровъ, въ Сѣв. Вр. замѣчается весьма рано. Есть мнѣніе, по которому, наоборотъ, форма *дъждь* возникла изъ *дъжгь*, а эта послѣдняя непосредственно примыкаетъ къ доисторической предполагаемой *дъг*-jъ (Лавровскій П. Опис. семи ркп. въ Чт. Об. Истор. и Др. 1859, IV, 69 и слѣд.; онъ же въ Изслѣдов. о миѳ. вѣрованіи въ облако и дождь, Уч. Зап. II отд. Ак. Н. т. VII). Подробное опроверженіе этого мнѣнія заставило бы далеко отступить отъ разсматриваемаго здѣсь вопроса, и я замѣчу только, что при этимологическомъ объясненіи слова *дождь* Новгородская его форма не должна лежать во главѣ угла, что она вмѣстѣ съ прочими славянскими, и глав-

нымъ образомъ — съ Рус. Польск. формами съ *жджс* предполагаетъ сочетанія или *зд* или *зг*, кои въ свою очередь развились первое изъ *д*, второе изъ *г*. Такимъ образомъ если корень этого слова оканчивался на *г*, то это *г*, чтобы дойти до своихъ позднѣйшихъ славянскихъ видоизмѣненій, должно было перейти черезъ *зг*.

Въ нѣсколькихъ Вр. говорахъ сочетаніе *щ* (шч), потерявши мягкость, превратилось въ *явственно различаемое ухомъ* двойное ш (см. въ моей статьѣ «О звук. особ.» § 11, д. и 25 д.), а частью, особенно на концѣ словъ, черезъ это *шш*—въ одно *ш*. Сходно съ этимъ въ этихъ же говорахъ сочетаніе *жджс* передъ гласными превращается въ *жж*: формы: приѣжжать, разможжить, дожжикъ, дрожжи, столь же несомнѣнны и столь же употребительны, какъ ташшить и т. п. Это—отвѣтъ на приведенное выше мнѣніе Миклошича. Есть Великорусскіе говоры, какъ Сѣв., такъ и Южн., вовсе не враждебные сочетаніямъ одинаковыхъ согласныхъ *жж*, *шш*.

Напротивъ Мр. говоры, вообще удерживающіе *щ* и *жджс*, дѣйствительно избѣгаютъ сочетаній *шш* и *жш* при стеченіи конечной согласной корня и начальной суффикса, и диссимилируя эти звуки, измѣняютъ второй изъ нихъ въ *ч*: краш-чий, виш-чий (изъ крас-ший, краш-ший, между тѣмъ какъ въ Вр. краше *ш* — прямо изъ сj) уж-чий, ближ-чий, ниж-чий (изъ уз-ший, уж-ший), дужчий (изъ дуж-ший). Однако стремленіе языка, обнаруженное въ этихъ словахъ, вовсе не можетъ быть названо нелюбовью къ стеченію одинаковыхъ согласныхъ вообще, если имѣтъ въ виду случаи, какъ піддашшя (—шье) и т. п.; оно ограничивается указаннымъ случаемъ, т. е. образованіемъ сравнительной степени, не распространяясь а) на стеченія конечной свистящей предлога и начальной шипящей корня (роз-шукати=рошшукати, розжувати=рожжувати), б) свистящей корня и *ш* суффикса причастія прош.: перелізши=ліжши или лішши. Съ *шч*, *жч* въ кращчий, дужчий сходны по происхожденію группы *жч*, *щ* въ Древ.-Руск. *изжчивъше*

и т. п. Ср. ищьло (изъ из-шьло) въ Смол. грам. 1284 г.: «Си же грамота псана бысть: *ищьло* было от ржества а҂ лѣт» (Срезн. Древ. Пам. Р. письм. 238). Не знаю, есть ли въ нынѣшнихъ Вр. говорахъ *шч*, въ формахъ сравнит. степ. какъ Мр. вишчий, или же повсемѣстно удерживается здѣсь двойная шипящая: какъ въ Литер. высшій (вышшій) низшій (нижшій, нишшій), какъ въ Польскомъ и Чешскомъ wyszszy—vyšší, niższy—nižší? Но что *жч*, *щ* въ случаяхъ упомянутыхъ выше подъ б) не чуждо, по крайней мѣрѣ не было чуждо нѣкоторымъ Вр. говорамъ, на это указываютъ формы *перелызчи* (т. е. з-ши) въ Грам. 1511 (Ак. Юр. 20) и *перелпзщи* въ гр. 1504 (ib. 21).

Ш суффикса сравнит. степени послѣ гортанныхъ и губныхъ въ Мр. остается неизмѣннымъ: леһший, мъякший, тихший, крипший, һлибший; но послѣ зубныхъ замѣтно колебаніе между неизмѣнностью *ш* и его измѣненіемъ въ *ч*: при формахъ солодший, молодший, гладший, коротший (какъ въ Поль. słodszy, krótszy) есть и гладчий, швидчий, швидче. Есть двѣ причины этого колебанія. Въ *швидче ч* можетъ быть необходимо потому, что оно происходитъ не изъ *ш*, а изъ *к* суффикса прилагат. въ положительной степени (какъ въ крѣпче отъ крѣпокъ), на что указываютъ формы швид-ч-ій (=ѣю), швидчійший. Такъ, быть можетъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ прилагательныхъ. Разница между швидший и швидче—этимологическая. Но и по чисто фонетическимъ стремленіямъ сочетанія *д-ш*, *т-ш* могутъ измѣняться въ *дч*, *тч*, т. е. могутъ образоваться стеченія одинаковыхъ звуковъ, ибо первый элементъ звука *ч* есть *т*.

Въ *луччий* сочетаніе *чч* для Укр. говора есть единственное. Самыя сочетанія *тч*, *дч* при быстромъ произношеніи переходятъ въ *чч*, какъ въ вышеприведенныхъ словахъ, такъ напр. отче, молодче, тче, тчу (отъ ткати)= *очче* и пр. причемъ двойственность *ч* очень замѣтна и отнюдь не выходитъ ничего подобнаго Сербскимъ оче (отче), чем (тчем) kћu (dћu). Сочетаніе *дч*, *тч* изъ *дш*,

тш въ дѣеприч. прошед. издавна существуетъ и въ Вр. говорахъ: покрадчи (1541 г. Ак. Юр. 47), ѣдчи, приведчи, счотчи (у Кошихина). Теперь мѣстами въ Юврь. не только пришодчи, но и безъ этимологическаго оправданія *приѣхадчи*. Безъ видимаго основанія появляется сочетаніе *тч* въ притчина, протчій.

Какъ *дч*, *тч* (затѣмъ *чч*) образуются изъ *тш*, такъ *тц* и затѣмъ *цц*—изъ *тс* при стеченіи *т* окончанія съ *с* мѣстоименія *ся*. Это *тц*, *цц* имѣетъ мѣсто во многихъ Вр. говорахъ (см. въ моей ст. § 10, г.) и въ большинствѣ Малорусскихъ, причемъ конечное *ц* твердо или мягко, смотря по говору:—тца, цца, ццы, тьця, цця и пр.

Къ § 41, *а*. «Получаютъ ли *о* и *у* въ началѣ словъ придыханія, приставку *в*, *г* или *й*? Эти придыханія тѣсно связаны съ переходомъ *о* въ *і*; въ тѣхъ нарѣчіяхъ, гдѣ переходъ этотъ существуетъ, употребительны и придыханія напр. відъ... вогонь... вулица или юлиця, горати, йіденъ; а въ другихъ мѣстахъ, гдѣ *о* не переходитъ въ *і*—*од*, овця, огонь, улиця, орати, одинъ» (Новиц. Прогр. вопр. 6). Правда, что въ говорахъ, измѣняющихъ *о* въ *і*, начальное *о*, измѣненное такимъ образомъ, принимаетъ придыханіе *в*, а не какое либо другое: *вічи* и, сколько извѣстно, нигдѣ и никогда һічи или *йічи*. Что до *йідѐнъ*, неизвѣстнаго въ Укр. говорѣ, гдѣ есть только *єднáти* (уговаривать, договаривать, склонять къ единомыслію), то ясно, что въ немъ јі отнюдь не изъ *о* въ одинъ, а изъ *е*, и что эта форма по начальному звуку не Русская родомъ, а Польская. Затѣмъ крайне ошибочно мнѣніе, будто придыханія вообще (в, ј, һ) такъ связаны съ переходомъ *о* въ *і*, что встрѣчаются только тамъ, гдѣ есть этотъ переходъ, и неупотребительны тамъ, гдѣ его нѣтъ. Вопервыхъ, то *в*, которое одно изъ всѣхъ трехъ придыханій ставится передъ *і* изъ *о*, ставится въ тѣхъ же говорахъ и передъ неизмѣнными *о*, *у*, изрѣдка *и* (вирій), но тамъ же можетъ и не ставиться: въ Укр. *в*она, но обыкновенно орéлъ, орати. Во-вторыхъ, придых. *в* составляетъ принадлежность и тѣхъ Мр. говоровъ, которые

измѣняютъ *о* не въ *і*, а въ другіе звуки: вуон=вун, вона́. Придыханіе это по всей вѣроятности древнѣе Мрусскихъ измѣненій звука *о*; несомнѣнно, что оно было уже въ началѣ XV вѣка: въ грам. Ягайла, писанной «въ Сундомири» 1408—«*вонъ* и его дѣти» (Ак. Ю. И. З. Р. I. № 40). Въ-третьихъ въ Укр. придыханіе һ встрѣчается лишь въ немногихъ словахъ съ *о* неизмѣннымъ, чаще — передъ *а* (һанна) и никогда передъ *и* и *у*. Въ Брест. и Кобр. у. слышится, напротивъ, не только һочи, һорол (=Укр. очи, орел, но һоріх) но и һулиця, һинчі (инші, инчи).

Г. Новицкій (Прогр. вопр. 11), говоритъ, что гдѣ существуетъ твердый звукъ *ы* (т. е. въ Западныхъ говорахъ), тамъ начальное *і* остается неизмѣннымъ: іва, Іванъ, іншиӣ; тамъ же гдѣ вмѣсто *ы* употребляется *и* (среднее), въ этотъ послѣдній звукъ переходитъ и начальное *і*: ива, Иванъ, иншій». Здѣсь рѣчь идетъ о Мр. говорахъ, незнающихъ различія между основнымъ *ы* и основнымъ *и*, ибо о тѣхъ немногихъ, въ коихъ разница между этими звуками сохранилась, г. Новицкій не упоминаетъ. Замѣчаніе его невѣрно. Если вообще основное *и* отвердѣваетъ до звука=Вр. и Поль. *ы* или до средняго, то острое его произношеніе въ началѣ словъ сохраняется лишь при помощи эффоническаго или коренного j: такъ въ Укр. гдѣ именно *и* среднее довольно мягко, говорится не только jіх, jім, jіми, но и на Іівана, на йвана, а не на *Ивана*=ыв... Наоборотъ на западѣ, благодаря придыханію һ, слышно и=ы въ һинчий.

— «Не переходитъ-ли иногда *ж* въ *з*? Мѣстами въ Нѣжинско-Переяславскомъ нарѣчіи говорятъ: мезъ, озередъ, зеврати (?) вм. межъ, ожердъ, жевріти» (Прогр. вопр. 18). Вагилевичъ говоритъ, что Мр. мѣщане въ Галиціи вмѣсто всѣхъ шипящихъ произносятъ свистящіе, считая это произношеніе болѣе деликатнымъ (Gram. XXII), а я знаю, что именно мѣщанки Восточной Малороссіи, между прочимъ и въ Харьковѣ, держатся такой моды съ тою разницею, что и на оборотъ вм. свистящихъ и *и* произно-

сятъ шипящіе: мішячь—кожачке шонче». Такое пришепетыванье вообще не послѣдовательно (одно лицо скажетъ и пáночку и пáноцку) и не только не характеризуетъ цѣлыхъ говоровъ, какъ изстари въ Сѣв. Вр. *), но на Востокѣ Мр. не распространяется на мужское населеніе городовъ. Сюда не относятся немногія слова, какъ залізо, въ которыхъ произношеніе *з* вм. *ж* весьма распространено.

— «Не удерживается ли *к* вм. *ч*? Это замѣчается преимущественно въ нарѣчіяхъ Черниговскомъ и Нѣжинско-Переяславскомъ, гдѣ говорятъ напр. двійки, тройки, керез, карувати вм. двійчи, и пр.» (Прогр. вопр. 24). Вопросъ слишкомъ узокъ, такъ какъ при *к* вм. правильнаго *ч*, есть һ вм. *ж* и *з*, *х* вм. *ш*, *с*. Случаи эти такъ не многочисленны, что приводя ихъ, нечего говорить «напримѣръ» и встрѣчаются въ разныхъ говорахъ: керезъ встрѣтилось въ Гродн. губ., на һлах лободах (=на злах) въ Полтав., карувати (въ пѣснѣ)—въ Харьков. Изрѣдка они есть и въ древнихъ памятникахъ: въ Еванг. 1307 г., гдѣ *к* соединяется уже съ *и*—*округнеге* мѣсто (вм. окружьнеге) (Бусл. Матер. 32); въ Паремейникѣ 1271—«и и бысть викеръ» (вечеръ, Бусл. Христом. 73; подальше тамъ же — вечеръ). Какъ бы однако ни были древни эти случаи, они позднѣе правильныхъ измѣненій гортанныхъ въ шипящіе и свистящіе и вообще не могутъ считаться остаткомъ доисторическаго произношенія гортанныхъ.

Я не буду здѣсь распространяться о формахъ Мр. говоровъ, имѣя въ виду разсмотрѣть ихъ въ другомъ мѣстѣ. Отмѣчу только нѣкоторыя неточности въ программѣ г. Новицкаго.

«На правой сторонѣ Днѣпра глаголъ *плавати*, *ламати* спрягаются правильно: *плаваю*, *ламаю*, а на лѣвой—*плавлю*, *ламлю*» (вопр. 47). Формы *плавле*, *ламле*

*) Въ Еванг. 1409 г. Новгородскаго письма, не только *ц* вм. *ч*, но *з*, *с* вм. *ж*, *ш*: жерно, рожьгу, приглаcающимъ, помыслениемь (Бусл. Матер. 42).

и т. п. столь же правильныя, какъ и *писати, пише*, встрѣчаемыя какъ архаизмъ на востокѣ, свойственны и западнымъ говорамъ (напр. западн. часть Волынской г., Костомаровъ въ Сборникѣ Мордовцева, 201); *куплеся*, котораго я на востокѣ не встрѣчалъ, есть въ Галиціи (Головацкій, пѣсни II, 32). Человѣкъ знакомый съ говорами Полтав., Харьков., Черноморья, я думаю, удивится, услышавши, что въ этихъ мѣстахъ не говорится *плавае* или говорится рѣдко.

Къ вопросу 56. Формъ—*казав ем, казав есь* по сю сторону Днѣпра нѣтъ; раздѣльное же употребленіе *еси* (казав еси), хотя нѣсколько устарѣло, но употребительно.

Къ вопросамъ 57 и 58. О формахъ *ходив буе* и *ходив би буе* г. Новицкій говоритъ, что онѣ употребляются *преимущественно* въ западныхъ нарѣчіяхъ. Какъ это измѣрить? Развѣ выраженіе «як би я була знала» хоть сколько нибудь не привычно и устарѣло въ Полтавск., Харьков. губ.?

«Звательный м. р. въ нѣкоторыхъ словахъ на правой сторонѣ Днѣпра оканчивается на *е*, напр. вітре, сыне, а на лѣвой на *у*: вітру, сыну» (Вопр. 32). На лѣвой сторонѣ говорится *вітре*, но обыкновенно, согласно со Ст.-Слав. и Др.-Русск. «сину»; изрѣдка, и то, сколько мнѣ извѣстно, въ пѣсняхъ, при употребленіи формы зват. вм. именительнаго—сине: «як прийіхав сине з путі из дороги..»

«На правой сторонѣ употребительно окончаніе *ові* (батькові), а на лѣвой—*у* (батьку).» (Вопр. 34). Не полно въ томъ отношеніи, что на западѣ во многихъ говорахъ есть окончаніе—*ови* (*и* среднее, или близкое къ *ы*), и не вѣрно потому, что по сю сторону Днѣпра вполнѣ обычно батько*ві*.

Къ вопросу 36. Въ Укр. говорѣ не слышно формъ «дві оці, дві слові», или они очень рѣдки, но «дві вербі, дві верстві»—формы обыкновенныя.

Не знаю, гдѣ замѣтилъ г. Новицкій, что предлогъ *къ* чаще употребляется на лѣвой сторонѣ Днѣпра, а *до* на правой (вопр. 61). Въ Укр. говорѣ совершенно обычно и «ік мені» и «до мене».

ОБРАЗЦЫ

СѢВЕРНЫХЪ МАЛОРУССКИХЪ ГОВОРОВЪ.

1. *Говоръ Заблудовскій* (въ Бѣлостоцкомъ и отчасти въ Бѣльскомъ у. Гродн. губ.). Образецъ этого говора былъ уже приведенъ мною въ приложеніи къ моей статьѣ «О звуковыхъ особ. Русск. нар.,» по очень хорошей статьѣ «Замѣтки о зап. части Гродн. губ.» помѣщенной въ 3-мъ вып. Этн. Сб.

Привожу оттуда же еще нѣсколько пѣсенъ, стараясь строго держаться фонетическаго правописанія и отмѣчая въ выноскахъ важнѣйшія отступленія отъ правописанія, принятаго авторомъ упомянутой статьи. *у* косымъ шрифтомъ не составляетъ слога. О написаніяхъ, какъ *вје* (=*вье*, гдѣ нёбная согласная не сливается съ ёгированною гласною) и *р'је* (=*рье*, гдѣ твердая согласная отдѣляется отъ ёгированной гласной) смотри выше на стр. 9, б. в. Небность согласныхъ передъ согласными обозначена черезъ *ь*, хотя и здѣсь можно бы ставить ј.

Полецеу соколік на сіні озёра, (¹)
Жаль же мнје сокола, полёту (¹) ёho!..
Німá сокола рочóк і друhі, (²)
    жаль и пр.
На треці рочок соколік лецїт,
    жаль и пр.
Соколік лецiг, утоньку несе.
    жаль-же мнје ýтонькі, рабоho цјер'јечка! (³)
Поехау Ясенько я-у чужые людзі,
    жаль-же мнје Ясенька, поезду ёho!
Німа Ясенька дзенёк (⁴) і друhі, (²)
    жаль и пр.

На трецi дзенёк ([1]) Ясенько едзе,
жаль и пр.
Ясенко едзе, Марысю везе,
жаль-же мнје Марысi, русоji кубсонькi!

([1]) озiора, полiоту, дзенiокъ ([2]) друки, други, ([3]) пјѣрьечка.

Бежы́т ([1]) р'јечка ([2]) од ме́льнiчка, 2.
ой рано!
А друħая од Дуная,
ой рано!
На туой р'је́чцы (2) човён (3) плыве́.
ой рано!
Бјел мо́лодзец кра́сны Ста́сенько
ой рано!
Стру́же стр'је́лкi з калiнонькi,
ой рано!
Што просцје́йшы ([1]) у чо́вён ([3]) кладзе́,
ой рано!
Што крывје́йшы ([1]) на Дунай меце́:
ой рано!
«Плыньце, стр'јелкi (2) до мое дзјеукi!
ой рано!
«Моя дзјеука.....нка (по имени деревни)
ой рано!
«Моя дзјеука Касюленька, ([4])
ой рано!
«Нехай прадзе́ ценюсенько,
ой рано!
Нехай бје́лит белюсенько!
ой рано!

([1]) бѣжитъ, просьцјѣйши, кривјѣйши, ([2]) рјэчки, рјечцы. Я исправилъ: «р'јечка», потому, что въ другихъ мѣстахъ записыватель пишетъ «рыэчка», и въ этой самой пѣснѣ—стрыэлки, ([3]) човьонъ ([4]) Касюлѣнька.

«Ой беленькі ты лебедзю,
Чы (¹) быва*у* ты на мору?
Чы (¹) быва*у* ты на мору
Чы (¹) відзе*у* ты лебјюдку (²)?»
—Ой як же я не быва*у*
Ой як же я не відзе*у*!
Скоро я на муост злецје*у*,
Лебјюбдка (²) *у* сітник упала, 2.
Сітнічок поломала, 2.
Быструю воду розоћнала.

«Молодзенькі Ясеньку!
Чы (¹) быва*у* ты у N (назв. деревня), 2.
Чы (¹) відзе*у* ты Марысю?
— Ой як же я не быва*у*,
Ой як же я не відзе*у*?
Скоро я на двуор в'јеха*у*, (³)
Марыся з сјéней выбеђла,
Марыся з сјéней бежыт, (¹)
Пуд ею земля стучыт (¹) 2.
А на юбй суккі шасцят (⁵) 2.
Коло пбеса ключы брацат:
Ой на юой—зелёные,
Коло пбеса—золотые.

(¹) Чи, бѣжит, стучит ключи. (²) лѣбьюдку, лѣбьюодка. (³) въјѣха*у*, (⁴) выбѣкли. (⁵) шасьцятъ.

Бјел мблодзец сјено косіт,
Млода *у*довá есці носіт,
Несла́, несла́, недонесла,
Сјела собје (¹) й зопочыла (²),
Бјела сына породзіла,
Породзівшы (²) й окупала,
Й-окупавшы (²) уповіла,
Й-уповівшы (²) ћоворыла (²)
«О муой сыну белюсенькі,
Муой Дунаю быструсенькі!

Ой чы (²) цебе утопіці,
Ой чы (²) цебе й ћодоваці?
Й-утопіўшы (²) од Боћа ћр'јех, (³)
Ћодуючы (²) од людзей смјех».
Чуе тое бјел молодзец,
Кінуў косу у покосу,
Сам поскочыў до ўдовонькі:
«Чы (²) ты ўдово ошалјела,
Чы (²) розуму мало мјела?
І нас матка ћодовала
І поцјехі дожыдала, (²)
І мы будзем ћодоваці
І поцјехі дожыдаці!»

(¹) сјѣла, собјѣ. (²) зопочила, породзивши, окупавши, говорила, чи, утопивши, ћодуючи, дожидала: но здѣсь-же и «поскочыў. (³) ћрыэхъ.

По образцамъ, напечатаннымъ въ выше названной статьѣ, звуковые признаки этого говора—слѣдующіе:

— *о*, ё (изъ *е*) измѣняются въ двоегласные *уо́*, *юо́*, изрѣдка въ *у*, *ю*, въ тѣхъ же случаяхъ, въ коихъ въ Укр. говорѣ они переходятъ въ *і*: а) куонь, муой, буоћ, нуоћ, куосонька, ћолуовонька, здоруовјечко (въ Укр. не слышно соотвѣтственной формы здорівјячко, но въ пѣснѣ встрѣтилось *нарівјячко*, отъ основ. формы *норовье*, а эта отъ норовъ—нравъ); б) лебјюодка, пјюорце, своюой, прывјюоз (привьюозъ), сюолко; в) у ћетум, пуд тобою, лебјюдка. Изрѣдка въ тѣхъ же случаяхъ остаются неизмѣнными *о*, ё: на дубовом пню, своей. Я замѣтилъ лишь нѣсколько словъ, въ коихъ *уо* стоитъ тамъ, гдѣ его нельзя предполагать на основаніи Украинскаго говора: пуокі (вѣроятно, въ силу вліянія Польск. póki, между тѣмъ какъ въ Укр. поки) и хвуоечка не сеструонька (Укр. сестронька, и было бы хвоечка), мнуоћо (Украин. мноћо). Г. Гильтебрандтъ въ предисловіи къ Сборнику Памятн. Народн. Творчества въ сѣверо-западн. краѣ (Вильно 1866 стр. XXIV) въ этомъ случаѣ, должно быть, согласенъ со

мною, потому что взялъ у меня вмѣстѣ съ краткою характеристикою Заблудовскаго говора и всѣ приведенныя у меня для примѣра 25 словъ съ *уо*, *юо*, *у*, *ю*, въ томъ же самомъ порядкѣ (см. стр. 101 и 143 моей статьи). Однако, странное дѣло, г. Гильтебрандтъ не замѣтилъ, что 16 Заблудовскихъ пѣсень, напечатанныхъ въ его Сборникѣ (стр. 95 и т. д.) доказываютъ совершенную негодность моего мнѣнія объ измѣненіяхъ *о*, ё какъ въ Заблудовскомъ, такъ и въ другихъ Мр. говорахъ. Въ этихъ пѣсняхъ переходъ *о* и *уо* подъ рядъ встрѣчается именно тамъ, гдѣ по общему правилу, въ другихъ говорахъ онъ невозможенъ: въ слогахъ прямыхъ съ основнымъ *о*, въ первыхъ прямыхъ же слогахъ словъ полногласныхъ, въ слогахъ хотя и среднихъ, но обыкновенно не допускающихъ измѣненія *о*, въ слогахъ съ *о* изъ *ъ*: по вуолах, вуоликом, вуодою, нуогою, куоню, куонём, куоник, вуойта (род.) вуони, вуона, туобѣ, муои вуолы, муое, муого, муою, скуоро, гуолуб, под суосною, пуосцель, буоже, под муостом, стуояла, луомаци, у нуочи, штуобы, у куонопли, соруочку, муолоды, муороз, хвуорост, вуорон, буороници, бруовы, хуоць, на слуоньцу, на часуок, свекуорко и мн. др. Я не скуплюсь на примѣры, но далеко не исчерпываю ихъ; не привожу также тѣхъ немногихъ случаевъ, гдѣ *уо*, *у*, *ю*, по моему мнѣнію, стоятъ на своемъ мѣстѣ. Редакція Сборника, не замѣтила противорѣчія между принятымъ ею мнѣніемъ и сообщаемыми ею же фактами. Г. С. К., учитель Бѣлостоцкой гимназіи, доставившій въ редакцію упомянутыя Заблудовскія пѣсни, я думаю, надѣлалъ ошибокъ потому, что самъ къ народному говору не прислушивался, а подправляя записанное другими, пересолилъ, какъ это дѣлаютъ иногда люди, не обладающіе ни знаніемъ языка, ни вѣрнымъ чутьемъ, съ Украинскимъ *і* изъ *о*: Пілтава или Півтава, Міскова.

— Измѣненіе є (изъ е) въ ё въ Заблудовскомъ не совпадаетъ вполнѣ съ такимъ же измѣненіемъ въ Укр. и Галиц., о чемъ см. въ моей статьѣ стр. 106.

— По образцамъ въ Этн. Сб., *ѣ* въ Забл. произ-

носится такъ: а) ѣ ударяемое въ срединѣ и на концѣ слова послѣ согласныхъ смягчаемыхъ=je (или jѣ, ьѣ) бјел, бјела, у лјесі, у землје; ѣ ударяемое, послѣ согласныхъ, не допускающихъ непосредственнаго сочетанія съ j, каковы въ Забл. р, ц, и шипящіе, =ыэ, а по предлагаему мною правописанію—je съ предыдущею согласною отдѣленною апострофомъ. Самъ записыватель колеблется между ыэ (крыэе, срыэбною кулею, трыэска, стрыэлка, грыэх, сестрыэ, цыэлы, у ночыэ) и jѣ безъ апострофа (рјѣчка, на рјѣчцы, у ночјѣ). Послѣдніе случаи ничѣмъ не отличаются отъ первыхъ и я бы въ обоихъ писалъ одинаково: у ноч'je. Если принять написаніе ыэ, то слѣдуетъ помнить, что сочетаніе это неразложимо на два слога, что удареніе падаетъ всегда на второй элементъ и что ы или похожій на него звукъ есть результатъ несоединимости j съ предъидущею согласною; б) ѣ неударяемое внутри слова послѣ согласныхъ смягчаемыхъ=е (=ье) въ космъ j сливается съ предъидущею согласною: лесы́, у леса́х, бежы́т (бѣжитъ) вы́бежыт (выбѣжит), беленькі; ѣ неударяемое внутри послѣ несмягчаемыхъ р, ц, (и шипящихъ?)=е (э): выстреліу; в) ѣ неударяемое на концѣ, послѣ смягчаемыхъ согл.= і (=Укр. і и Вр. и), послѣ несмягчаемыхъ—ы: на дорозі, въ болюці, у лјесі, по цјелі, матцы, на р'јечцы, по бадылінцы. Вѣрно ли написано «у вечери?» Ужели на концѣ і? г) Изрѣдка встрѣчается и=і въ срединѣ словъ въ слогахъ какъ ударяемыхъ, такъ и неударяемыхъ: незусім, сподзіваціся. Вѣрно ли это?—Замѣчательно, что такимъ же измѣненіямъ, какъ ѣ ударяемое, подчиняется въ нѣсколькихъ словахъ и основное е. Здѣсь я различаю два случая: а) е основное ударяемое=je (а не е), или 'je (ые) тамъ, гдѣ въ Укр. е=і (изъ е): сјем, пјер'јечко (пјѣрьечко), весјелечко, ш'јесць (шыэсць), въ Укр. сім, пірјачко, весіллячко; можно думать, что Заблуд. слова записаны вѣрно и что, быть можетъ, і въ соотвѣтствующихъ Украинскихъ произошло изъ е не черезъ ё, ю, какъ въ другихъ случаяхъ, а непосредственно изъ je; б) е основное ударяемое=je тамъ, гдѣ въ Укр. е=э: пјерсцень,

сјеструоњька; по правилу здѣсь слѣдуетъ е (персцень, сестроньва) и вѣроятно, что јє (јѣ) поставлено записывателемъ по ошибкѣ.

Различіе въ Заблуд. произношеніи *ѣ* ударяемаго и неударяемаго срединнаго и конечнаго не выдумано записывателемъ. Для выдумки оно слишкомъ тонко и притомъ подтверждается свидѣтельствомъ другихъ говоровъ. Поэтому я не придаю никакого значенія тому, что въ Заблуд. пѣсняхъ, помѣщенныхъ въ Собр. Пам. нар. тв. Свз. кр. между *ѣ* ударяемымъ и неударяемымъ и *е* разницы не замѣтно.

—Не понимаю измѣненія а́ въ 'јо=ые въ удыерыт (Этн. Сб. III, 90).

— *О* неударяемое не произносится за *а*. Аканье кажется Заблудовцамъ смѣшнымъ въ сосѣднемъ «Литовскомъ», т. е. Бѣлорусскомъ (Этн. Сб. III 105). Форма *за*зуля (Укр. зозуля) не составляетъ исключенія, потому что она свойственна Галицкому и др. Мр. говорамъ, не знающимъ Бѣлорусскаго аканья, и слѣдовательно зависитъ отъ другихъ условій. Спрашивается, откуда г. С. К. въ Сб. пам. Свз. кр. почерпнулъ якобы Заблудовскія формы г*а*рѣлка, *а*дзйнъ, адна́, к*а*пейка, з Турецк*а*и земли?

— *о* въ глагольномъ характерѣ *ова* не измѣняется въ *у*, какъ въ Украин.: показ*о*ва*у*, а не показував.

—Неясны причины измѣненія *о* ударяемаго и неударяемаго въ *е* въ Һорéю—доліною (Һорою), вјєтр*е*ві, тр*е*йчы.

— е неударяемое (изъ осн. *е*) не подчинено Южно-великорусскому измѣненію въ *и*, *я*, о коемъ см. въ моей ст. § 7, 8. *я* вь бяру́, вязу́ць Заблудовцы считатаютъ «Литовскимъ» (Этн. сб. III, 87); но какъ въ Укр. и многихъ другихъ Мр. говорахъ *е* неударяемое, ослабѣваетъ до *и* средняго и *і*, такъ и въ Заблудов.: німа́ міжы собою, со*у*н*ы*чко.

— *я* неударяемое внутри словъ=е: пóеса, пáмеці, не лекайсе, Һледзіш, свеценькі; сюда-же подходитъ *а* изъ *я*=*е* (двацець) и въ одномъ словѣ даже *а* основное=*е*: зáрез. Не знаю, слѣдуетъ ли считать за исключенія, или за ошибки случаи, какъ сјє*ау*, выцяѣну*у*? *Я* на концѣ въ мѣст. *ся*—постоянно=е, а гдѣ *с* сливается въ предъ-

идущемъ *т* въ *ц*, тамъ=*е* (=э): сперацісе, сварыцісе, здаеце, боіце, льюце, шлюце. Однако конечное *я* въ Марыся—неизмѣнно. Если је въ кјéміу, кјéмлят, покјеміш предполагаетъ *я* (Укр. тямити), то непонятно, почему это *я*, находясь подъ удареніемъ, измѣнилось въ *е*.

— *и* основное опускается (з-за хаты, своho изъ својho) и сокращается въ ј (ще *й* разу не было́, хто йшоу, зайhрают) какъ и въ другихъ Мр. говорахъ; большею частью не сокращается въ суф. неопр. накл. (бачыці, казаці) и въ род. ед. прил. ж. (hетоі зімы, злоі моцы, русоі косы).

— Въ буольш, какъ и въ Укр. більш, конечное *е* можетъ опускаться.

— *ый*, *ій* стягиваются въ *ы*, *і* въ оконч. им. ед. прил. м. р. (добры, мілы), а также въ *бі* вм. бій.

— Въ им. вин. прил. опр. ср. и мѣстоименій—*ое* (и еє?), а не ее, *е* какъ въ Укр.: такоє, ліхоє.

— Въ им. мн. прилаг. опр. трехъ родовъ—ые (іє?), а не *ыі*, *і*, какъ въ Укр.: стары́е, немалыє.

— Какъ это *ые*, *іе*, предполагаетъ основную форму винительнаго съ конечнымъ ѧ, такъ и им. вин. множ. мѣстоименій: своє скарбы, своє свацікі. То же основное ѧ=є въ род. и вин. ед. ж. єє мамонькі, єє самую; въ род. ед. ж. до моє дзјэукі, своє сестронькі—изъ моєе, своєе.

— *ы* отличается отъ *і*=основному *и*. Разница въ употребленіи этихъ звуковъ сравнительно съ древнимъ Рус. или Ст.-Сл. та, что послѣ несмягчаемыхъ согласныхъ (*ц*, *р* и шипящ.) ставится *ы*, а послѣ гортанныхъ *і* (велікі). Кромѣ этого весьма рѣдко встрѣчаются не на своихъ мѣстахъ, какъ бы въ силу вліянія Мр. говоровъ, потерявшихъ разницу между ними: піняка (изъ ныня-ка), перепы́ніт. *ы* въ быу, было́, былі, Марыся—остается.

—Основное *е*=е вездѣ, кромѣ вышеупомянутыхъ случаевъ, гдѣ оно=је, и кромѣ мѣстъ послѣ несмягчаемыхъ согл. *ц*, *р*, и шипящ. гдѣ оно=*е* (э): бере, спече, слоньце.

— Древнее посредственное смягченіе *д* есть дж, а не ж: охолоджаці, недзьвједжою.

— *д*, *т* передъ я, е (изъ е и ѣ), і, ё (изъ е, е) је (изъ ѣ), ю, ь, т. е. передъ ётированными смягчают-

ся въ дз, ц: дзядзько, дзень, һрудзі, одзён (изъ оден, одинъ) недзјеля, вјецер, сцена́, смерць: случаи: цверды, цверозы, недзвједжою, дзверы и (въ Заблудовск. пѣсняхъ помѣщенныхъ въ Сб. Пам. Свз. кр.) дзвѣ показываютъ, что мягкая гласная можетъ дѣйствовать на зубную черезъ *в*. Окончаніе 3 л. наст. вр. един. и мн. постоянно твердо: бежит, бегут, бачит, ест; *ць* изъ ть (знаюць) считается Литовскимъ.

— *р*, *ц* (основное и происшедшее изъ *тьс*, но не *ц* изъ *т* передъ мягкими гласными) и шипящіе соединяются только съ твердыми гласными. Я такъ думаю, считая отклоненія отъ этого правила въ статьѣ Этн. Сборника, напр. подар*ишь*, за ошибки, происходящія отъ вліянія этимологическаго правописанія, и пишу *чы* (а не чи или чі), бежыт, бежыш и пр. Впрочемъ въ помянутой статьѣ довольно основаній для моего мнѣнія: р*а*боһо, запраһаці, прадзе, бращат, бере, цыцка, розбуойніца, здаеце, каж*е*ш (въ кажэшь ъ очевидно лишнее) окружы*у*, чужые, іншым, бачы*у* и пр.

— Удвоенія мягкихъ согласныхъ тамъ, гдѣ оно необходимо въ Укр. и др. говорахъ (напр. зілля и т. п.) въ статьѣ Этн. сб. нѣтъ: һолја (һолья), а не голля (род. ед.); при другихъ условіяхъ появилось *зз* (безъ смягченія) въ не ззымаю (не зъимаю=не поймаю); но въ пѣсняхъ Сб. Пам. Свз. кр.—веселле, з*е*лле (sic).

— г=Лат. h; опускается въ дзје (гдѣ).

— в=*у*, у (составляющему слогъ), какъ въ Укр. напр. удова; опускается въ «озьме», какъ въ Укр.

— Основное *что*=што (а не що).

— *т* въ 3 л. ед. наст. можетъ, какъ въ Укр. опускаться, если за нимъ не слѣдуетъ возвратное мѣстоимѣніе, во всѣхъ глаголахъ, кромѣ тѣхъ, гдѣ характеръ 1-й темы—и: ідзе, каже.

—Придыханіяв —(вуо́н, вона) и h:hетой, hета, до hетуль.

— Нѣтъ эвфоническаго *н* въ мѣстоим. 3 л. послѣ предлога: до ёho.

— Ударенія вообще—тамъ же гдѣ и въ Укр.

— Фонетическое вліяніе Польскаго языка сказы-

вается только въ словахъ заимствованныхъ отъ Польскаго какъ натыхмяст, тенго и пр., и потому легко отдѣлимо отъ общаго звуковаго характера говора. На основаніи пѣсенъ, помѣщенныхъ въ Эти. сб. III подъ № 26, 27 (стр. 101—2) вовсе не слѣдуетъ заключать о мѣстномъ языкѣ, потому что эти пѣсни во всѣхъ отношеніяхъ Польскія.

— Изъ формъ замѣчу:

—Уменьшительныя, отличныя отъ Укр. усенько, усенюленько, усенютко, ценюсенько, белюсенько, быструсенькі.

— Зват. пад. ед. ч.: сыну, Яську, Олексо, удово.

—Дат. мѣст. ед. сущ. м. на ові, еві (изъ ові, напр. вjетреві, въ Сб. Пам. Свв. кр. браціпікови (91), на коневі).

— Сохранилась неопр. форма им. вин. ед. прил. ср.: дзіцяткородненько, през поле узенько.

— Мѣстоим. личн. и возвр.—какъ въ Укр., mutatis mutandis: род. мене, цебе, себе, дат. мнjе, тобjе, собjе.

— Мѣст. *той* во мн. ч. hетых, hетым, тых, тым.

— 1-е лицо наст. мн. на—*мо*.

— Нѣтъ, какъ и въ др. Мр. говорахъ, глаголовъ на *ыва*, *ива*.

Въ Сб. Пам. Нар. Творч. Свв. края, кромѣ вышеупомянутыхъ 16-ти Заблудовскихъ пѣсенъ, помѣщено 4 (№ 49—52), записанныя въ Бѣлостоцкомъ уѣздѣ. Все что въ нихъ замѣтно, сравнительно съ образцами Заблудовской рѣчи въ Эти. Сб., скорѣе похоже на неумѣнье писца, чѣмъ на особенности говора: о=о, въ одномъ словѣ=у (рудненькій), *уо* вовсе нѣтъ; *ѣ* ударяемое и неударяемое внутри словъ не различаются; *ѣ* неударяемое на концѣ=*і* (причемъ не извѣстно, отличаетъ ли записыватель этотъ знакъ отъ *и*, или нѣтъ) и *ѣ* (матенцѣ); вмѣсто е, е и даже *ѣ* пишется *е*, вслѣдствіе чего напр. «ореце» можно бы читать и ореце и орэцэ (то и другое ошибочно, судя по образцамъ въ Эти. Сб.; слѣдуетъ ор*е* (=э) це); пишется *я* въ *ся*: вернуцся; *ць* (а не ть) въ 3 л. наст. болиць, говоряць; иногда *ыя* въ им. мн. прил. дробныя слёзки; замѣтимъ еще: слоне*н*ко, Украино*н*ку, *со* мосту, ра*з*стала (ростала), *цебя*, шо*л*комъ, по*л*тора.

2. *Пружанскій уѣздъ*, Гродненской г. а) Въ Сборникѣ Памятниковъ народнаго творчества въ Сѣверозападномъ краѣ, изд. редакціею Виленскаго Вѣстника въ Вильнѣ, 1866—четыре пѣсни, записанныя въ деревнѣ Чахецъ, Михайловской волости, №№ 96—9; б) тамъ же, стр. 289 сл.—пословицы, записанныя въ м. Сельцѣ.

Здѣсь и ниже въ выпискахъ изъ этого сборника я стараюсь держаться фонетическаго правописанія, а въ сомнительныхъ случаяхъ привожу въ выноскахъ написаніе сборника.

№ 99. Зелёное орешенне (1)
по теню поляһае, (2)
С-пуд тоһо орешенне
сивий кунь вибеһае. (3)
Не сам вун (4) вибеһае, (5)
Андрейко виjiждже, (6)
женчиков приһаняе: (6)
«Жніте, женчики, жніте, (7)
«Сами себе не пузніте, (8)
«Ни (9) мене молодоһо,
«Ни (9) коня вороноһо»:
—Ми жали, не лежали:
По сім коп нажали!
Андрейку, наш паночку,
Пусти нас до домочку:
В нас доми далёкіе
І матусенькі чуженькіе, (10)
Посилают (11) по (12) водицу
У Дунай у криницу

(1) «зэлэное орѣшенне»; я поставилъ «зелёное» съ ё, на основаніи нижеслѣдующаго «далёкіе» и на основаніи выговора въ уѣзд. Бѣлостоцкомъ, Бѣль., Брест. и Кобр. (2) по тѣню полягае; я? Буквальный смыслъ: зеленая лѣщина ложится *по тѣни*. Не ошибка-ли? Действительное значеніе этихъ стиховъ кажется то, что вотъ уже тѣнь ложится отъ лѣщины, т. е. полдень прошелъ, вечеръ настаетъ, а по этому панъ выѣзжаетъ торопить жнецовъ. (3) выбѣгае. (4) вінъ. (5) выізжае. (6) приганае. (7) жните, (8) «Самы собі на пожнітэ», а въ опечаткахъ «нэ пузднитэ» (9) нэ (10) «И матусеньки чуженькія. (11) посылають. Я исправилъ, на основаніи другихъ образцовъ изъ той же мѣстности, (12) на.

Без Боћа—ани до пороћа.

Не смейса, батьку, з моёћо припадку: мне сёћоні (1), а тобе узавтра.

Покорне дитятко две маткі (2) ссе, а непокорне ни ћóдное (3) не ссе.

Ћде много нянёк, тамъ дитя безносе.

Не чепай жида, не марай вида.

Правдою увесь свет обидеш и назад вернесса.

За одноћо битоћо дают десеть небитих, а ёх і так не берут.

Не хвалис, а Боћу молис.

За очами пироћи (4) з блинами, а як ми пришли, то і куска хлеба не найшли.

Зјеж и вола, то будь одна хвала.

Дав Боћ теля, да нема хлева.

Чоловéк не пень, не будут бити увесь день.

(Люби як) душу, треси як ћрушу.

Дéда пусти под лавку, то вон схоче і на лавку.

Не шукай беди, бедá сама найде.

До чоћо бик звик, то і у ночé рикае.

«Лень, отчини (⁵) дверi!» — Подай кочерђу, що я с печи отчиню. (⁶)

Научат люди, як застеђати ђруди.

Не питай у старођо, а питай у бивалођо.

Не за то бито, що ходило в жито, но за то, що удома не начовало. (⁶)

Бачили очи, що купляли, ежте, хоч повилазьте.

(¹) Сёгони. (²) двѣ матки. (³) ни годное. (⁴) пироги (⁵) отчини, отчиню (⁶) начовало.

— Нѣтъ эвфоническаго й въ пришов, пошов, пришли, пошли.

— О (=Укр. i)=у (с-пуд, кунь); =о: кон, женчиков, вон, конь, пирог; но въ пѣсняхъ есть и *i* изъ *o*: він жінка, пійди. Вѣрно ли это?

— е (Укр. i) въ одномъ случаѣ=i: сім.

— ё, о изъ *е*: далёкіе но, вѣроятно, по ошибкѣ, зеленое; на чотырох, чоловек, з моёђо, своёму, сёђоні, нянёк.

— *ѣ* ударяемое=е (пишутъ *ѣ*): орешенне (слѣдуетъ ожидать: орѣшенне, такъ какъ *р* твердо), бедний (Мих. вол.), свет, хлеба, вјеж, ежте, дед, зв. деду, лень; =е въ ђде (какъ и въ Укр. де) и послѣ несмягчаемыхъ: у ноче (ср. въ Заблуд.). Ѣ неударяемое=е: не ченай, застеђати, беда, беди. Въ пѣсняхъ (Мих. вол.) и *ѣ* неударяемое пишется черезъ ѣ (=е), и на мѣстѣ *ѣ* ударяемаго находимъ *i* (пишутъ *и* и *i*), а послѣ *р*—и (пишутъ ы): вибеђае, похмелись (быть можетъ, вибеђае, похмелись); діток, дітки, жніте (жните), пузпіте, не журитесь, ђорилки (горылки), ђорильні (горыльни).

— *о* неударяемое не переходитъ ни въ *а* (начовали— ошибка), ни въ *у* въ характерѣ *ова*: ночовали.

— *я* неударяемое внутри словъ=*е* (а не *е*): десеть, тресй (Селецъ); на концѣ въ ся=ес смейся, вернися (iђ); но въ пѣсняхъ — поляђае, ляђла, осталася, что требуетъ повѣрки.

— *е* въ окончан. *ье* не переходитъ въ я: орешенне.

— *ый* въ им. ед. прил. м. р.=и: ђлухі (или ђлухи?),

Селецъ; однако въ пѣсняхъ (Мих. вол.) постоянно *ий*: сйвий, живий и пр. Такъ-ли? *и* сливается съ конечною гласною предлога въ об*и*деш (а не обойдеш, или обийдеш, обійдеш), пр*и*дется (*ся*?), Селецъ.

—*ая* и *а* въ им. ед. прил. ж.: тяжка́, молода́я.

—*ое* и *е* въ им. вин. ед. прил. ср.: друhое, зелёное, похил*е* (или похіле?) дерево, покорне дитятко.

—*ое* въ род. ед. прил. и мѣст. ж.: ни hодное (конечное е изъ я=ѩ).

—*е* основное=е (э).

—*ы* смѣшалось съ основнымъ *и*. *и* среднее (изъ *и* осн.) стоитъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ Укр. і: кумов*и* (ы), н*и*hде; оно близко къ *е* (э) и поэтому пишутъ: не (пэ) мене, н*е* коня (вм. н*и*), таке (так*и*). По непослѣдовательности правописанія, неизвѣстно, слышится-ли послѣ гортанныхъ и шипящихъ *и*, или *і*: hлухи или hлухі (им. ед.)?

—*у* въ була (Мих. вол.), но б*и*(ы)валоhо (Селецъ).

—*ц* твердо: водицу, криницу, таньцовати; однако: карбованець, яйця.

—*с* твердо въ смейса, вернесса, утописса, хвалис, молис (Селецъ), но тамъ же: домислится, спотикается и т. д.

—*р* твердо: чотырох.

—*т*, а не *ть* въ 3 л. наст. вр.: спит, просит, скачут, берут, научат; но тамъ же горить и пр.

—Согласные передъ оконч. *ье* и др. удвояются: орешенне, орешення.

—г=h; в, л—какъ въ Укр.

—*що* (а не што).

—*д* опущено въ сѣhоні (Селецъ; ср. «О звук. Особ. Русск. нар.» § 56. г).

—Нѣтъ эвфоническаго *н*. за јім (Селецъ).

—Придыханіе h въ ни hодное (Селецъ).

3. *Пинскій у. Минской губ.* Въ Сборн. Пам. нар. твор. Сѣверозап. кр.—пять пѣсень (№ 296 слѣд.), записанныхъ очень дурно. Образцовъ не выписываю, за невозможностью ихъ исправить.

— *о* (Укр. і)=у, о: вуз, пуд, постуй, коньми.

— *е* (Укр. і)=*и*: сим вуз. Должно быть это *и* значитъ і острое, но записыватель кромѣ начертанія *и*, употребляетъ и і, ы.

— é въ зелéны, вишнéвы слѣдуетъ читать за е (=э), е или ё?

— *ѣ*=ѣ (*ѣ*хаты (sic), по*ѣ*дземъ, таб*ѣ*, об*ѣ*дъ, гдз*ѣ*), э (свэчку, мэдью, вэнокъ), і (сіры, білы, повістоньку, нявістоньку, до діла, литіла, літось, ліпшая, у ліску) *и* (у хат*и*). Кромѣ этого *ѣ* неударяемое, какъ въ Бр.= і, я, о чемъ ниже.

— *о* неударяемое пишется то черезъ о, то черезъ а: поѣдземъ, погонили, посадзимъ, робочая, охочая, солоэйка, топоромъ; палани, залатого, маладая, табѣ, сабѣ, абѣдъ. Вѣроятно, слѣдуетъ вездѣ писать а.

— *е* неударяемое=я: нявістоньку (однако л*и*тіла),

— *ѣ* неударяемое=я: по сяножати, зацвяла, гнѣздо.

— *ый* въ им. вин. прил. опр.=ы: зелены, вишневы, сіры, білы, какъ въ Заблуд.

—*ое* въ им. вин. прил. ср.=ое и эе: святое, дівненькэе.

— *ое* (т. е. ое) въ род. ед. прил. ж: старшое свашки.

— *ые* въ им. мн. прил.: гаршки не накрытые; однако лавы не мытыя, неизвѣстно, согласно ли съ выговоромъ, или по общепринятому литературному правописанію.

— Написаніе *е* основного рѣшительно сбиваетъ съ толку: выше приведено я изъ *е* (нявістоньку); смягченіе *д* въ *дз* передъ *е* указываетъ на то, что это *е* мягко: поѣдземъ, ѣдзе, будзе; но въ той же пѣснѣ: будешь, буде, людей, что предполагаетъ е=э; *э* при *е* написано въ вэзе (bis), вэреску, кромѣ того въ пэчку, соловэйка, діуненькэе, замэрзъ.

— *ы* основное=ы (пыталася, куды, зелены, сіры, лавы), и (=і или и?) послѣ к (лавки), у въ бувау.

— На произношеніе *и* основного *ы* *і* указываетъ смягченіе передъ нимъ *д* въ дз: сядзи, падзи, припадзимъ, посадзимъ, паладзимъ; на произношеніе его за *и* среднее (или ы?) указываетъ написаніе: ѣхаты и отсутствіе перехода *т* въ *ц* въ ѣхати, ламати, щипати (въ той же пѣснѣ гдѣ ѣхаты) и *д* въ *дз* въ погляди, дитяти, клади, диво дѣвуненькое (вію).

— *г*, *л*, *в*—какъ въ Укр.

— О дзеканьи см. выше.

— «*ти* хороше у хати?» а не *чи*, ци.

---

4. *Овручскій у. Волынской губ.* Въ Народн. Южнорусск. сказкахъ *И. Рудченка*, вып. I, пересказанная плохими виршами сказка подъ № 34. Правописаніе, какъ и во всемъ сборникѣ, фонетическое, которое, хотя для нѣкоторыхъ говоровъ удовлетворительно, но само по себѣ не можетъ снабдить записывателей ни наблюдательностью, ни знаніемъ. Въ указанномъ образцѣ замѣчу:

— о=і, какъ въ Укр.=*и* (про бісив);=*о* (гдѣ въ Укр. непремѣнно і): вон (и він), домовку, чортóв (род. мн.).

— е=і: постерігся.

— *ѣ* ударяемое=е: ехав, въ лес, в свéті, беси (если удареніе на 1-мъ слогѣ; въ Укр. бісú), до дела, лéси плести; однако при тѣхъ же условіяхъ и *і*: чоловік, всім, стрінся, вмію, ні, свищіть (повел.), сіять.

— *ѣ* неударяемое внутри словъ=е (*бежить*) и і (про бісúв, літали), на концѣ—*і* (въ светі, в болоті).

— *і* острое въ свісну, свіщи, свіщіть вмѣсто ожидаемаго *и*. Ужели такъ говорится?

— е въ заец, но въ *ся* и въ другихъ случаяхъ стоитъ *я*.

— *ие* въ имен. мн. прил.: голие, волохатие, какъ въ Забл. Пинск. и др.

— *ц* то твердо (заец, зайца), то мягко (зайця, очиці, попиці, боящя).

— Во 2 л. мн. повелительнаго то *ть* то *те*: свіщіть, зовяжите.

Остальное, по видимому, какъ въ Укр. поверѣ.

---

5) *Козелецкій у. Черниговской губ.* Рудченко, Сказки, I, № 8 и 22, запис. въ селѣ Рудьковкѣ И. П. Новицкимъ. Для образца выпишу изъ этихъ сказокъ нѣсколько фразъ, сохраняя тоже правописаніе.

Пуйшов раз чоловік у поле орать... Ліг собі ведмідь на *возі*, да й лежить... Той пушов, узяв у мешок трое курей та собаку, принус... А вона стала так оддалук. «Пускай, каже по однуй, я половлю». От вун одну курицю пустив; вона зловила другу и третю, а далє, як випустить собаку — лисиця в ліс... Собака як ухопить йиїі за хвуст—насилу вирвалась... Тулько щоб тут зробить, щоб вона не втікла, поки я за заступом піду... Пуйшла далі—лежить балалайка. Вона пудойшла—бренькае. — Той чоловік увуйшов да й каже: «жунко, що мені робить оцьому телятї?... Иде да й иде теля, аж бежить кабан... кабан каже: «я побежу в болото да в мух урнюсь...» Вун увуйшов да на пул луг... Вовк прийшов да в комурку, виев муку, пойів жито, все сало ззів... Ей, браттє, вставайте вовка бить...

— Разъ встрѣтилось *пушов* безъ эвфоническаго *й*, но рядомъ: пуйшов, пудойшли, увуйшов.

— *о* (Укр. *і*)=у: хвуст, пул, жунка, даже мух, хотя можно бы ожидать мох;=о: стожок; і: піду.

— *е* (Укр. і)=у не только послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ, какъ въ жунка, но и послѣ смягчаемыхъ каковы л, н: принус (а не—нюс), оддалук (а не отдалюк), луг (а не люг). Это не вѣрно, такъ какъ не можетъ быть, чтобы въ говорѣ, въ коемъ *л*, *н* могутъ соединяться съ мягкими гласными и съ j, возникло такое смѣшеніе формъ *нус* (нос) и нус (въ другихъ говор. нюс, ніс), *луг* (лѣсъ на низкомъ мѣстѣ и щедок) и луг (въ другихъ говорахъ люг, ліг и пр.), тѣмъ болѣе, что это последнее слово тамъ же встрѣчается и въ формѣ ліг (ср. втікла). Піч, на печі—какъ и въ Укр.

По аналогіи съ *у* изъ *о* слѣдуетъ ожидать *ю* изъ *е*, стало быть *люг*; если предположить, что къ написанію *луг*, *нус* послужило то, что въ этихъ словахъ дѣйстви-

тельно не слышно той нёбности л, н, которая въ люди, нюхати, то все же нельзя будетъ понять, откуда взялось такое произношеніе, такъ какъ сколько извѣстно изъ другихъ говоровъ, непремѣнное условіе измѣненія основнаго (не ётированнаго) *е* въ *ю*, *ю*, *і* есть предварительное смягченіе этого *е*, т. е. превращеніе его въ *е*, затѣмъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, въ ё т. е. jo.

— *ѣ* ударяемое=і: ведмідь и пр. Однако такъ измѣняется и *ѣ* неударяемое не только на концѣ (далі, на возі, на жердоцці), но и въ срединѣ: втікала, посміялась. *ѣ* неударяемое=е, послѣ гласной—е: у мешок, бежить, побежу, виев; на концѣ—дале при далі (далѣе).

— *ьо* въ пеньок выражаетъ конечно звукъ ё. Слѣдуетъ въ такихъ случаяхъ писать ё (пенёк), потому что *ьо* мы и произносимъ за jo со звукомъ, j слышнымъ отдѣльно отъ предыдущей согласной, какъ *ньё* въ свиньё.

---

6. *Сосницій у. Черниговской губ.* мѣстечко Александровка. См. неудовлетворительно записанные образцы въ статьѣ Св. Базилевича (Этн. Сб. I) и замѣтку г. Кулиша въ Зап. о Юж. Р. I, 46).

— *о* (Укр. і), по свидѣтельству г. Кулиша,=уе (уэ: вуэл), при чемъ неопредѣлено, на которомъ изъ элементовъ дифтонга слышится ударение; по Базилевичу=у: въ тум, вун, жунку, один на'днум, у землі королевськуй, на однуй милі, на славнуй Украіні, у Білуй Церкві, на оковитуй горільці, козакув;=о: жидов—рандáров, жидовку; начало думы о жидовскихъ откупахъ у Св. Базилев. читается: «якъ од *кумыньщины* да до хмельныщины... да и до сёгожто дня... у земли Королевськуй да добра не було», а г. Кулишъ записалъ: «од кумівщини». Это значитъ, вѣроятно, отъ временъ Барабаша, кума Хмельницкаго, и, быть можетъ, было произнесёно: «од кум*и*вщини» или «кумуйвщини».

— *е* (=Укр. і), кажется=і, судя по одному слову въ Этн. Сб.: зільем; *ю* изъ *е* не встрѣтилось.

— *ѣ*, по Кулишу, произносится почти такъ какъ въ Великороссіи, а не за і; по образцамъ [въ Этн. Сб. *ѣ* неударяемое=е, ѣ (е?): гребі, погребай, задремало, пшеницн, сѣдали, покрову сѣчовую; г. Кулишомъ въ записанныхъ имъ думахъ удержано *е* въ словахъ «кров іх... з жовтим пескóм мешайте» (З. о Юж. Р. I, 54) повтекáли, *бе*жить, и даже въ ударяемомъ слогѣ: «всі козацьки рéки (ib 58; у Базилевича рики т. е, рікі?); у Базилевича ѣ неударяемое=и (і): на ричк*и*, дитей, дилами, у городи Полонози.

— *ѣ* ударяемое у Св. Базилевича=ы (ьи): пьіщого пешеници, літні вытер повіє, выри своеі; і: рікі (или рік*и*?), на річкі (или річки?), исхотів, діти, з дітьми, медвідь, желізние, зазвеніло, на коні, бороді, мині (или міні?) собі (и себі, тибі).

— *о* неударяемое, не переходящее въ Украинскомъ въ і,=*а*: каня, м*а*стúвий пане (mościwy), на кані. у Св. Базилевича это написаніе не выдержано.

— *о* неударяемое въ глагольномъ характерѣ ова=у: заорувать, приписував; согласно съ этимъ ё должно быть=ю.

— *я* неударяемое въ як=і, т. е. јі: јік у святи день... =е: ек из низу літні вітер повіє... Другихъ примѣровъ этого перехода не встрѣтилось; *я* въ *ся* остается.

— *е* въ существ. средн. на *ье* не переходитъ въ я: зільем, хрестье (средопостье, на Крестопоклонной недѣлѣ въ среду, когда пекутъ кресты изъ тѣста).

— *ый*, *ій* въ им. ед. прил. м.=и, і: бити тарéль (талер) святú день, Хмельницкі, невеликі, другі; ий: мостивий.

— пришов (а не прийшов).

— *ої* (а не ое) въ род. ед. прил. ж.: Білої Церкви.

— *ые*, *іе* въ им. мн. ч. прил.: широкіе желізние ворота, женци молодие, старие, серпи золотие, лубяние.

— *е* основное, кажется,=е (э), а не е.

— *ей* въ трейтюю, въ силу вліянія слѣдующаго мягкаго слога.

— *ы* и *и* основное=и среднему. Св. Базилевичъ пи-

шетъ *ы* вм. осн. ы и средняго и, а *и* вм. средн. *и* и *і* остраго, а потому можно только догадываться, что въ этомъ говорѣ гортанные требуютъ послѣ себя не *и*, а *і*: рибкі вловити (у Базилевича рибк*и*).

— Неизмѣнность гортанныхъ тамъ, гдѣ въ Др.-Руск. и Укр. они переходятъ въ свистящіе, встрѣчается (нарічкі), но, кажется, не составляетъ правила: у городі Полонозі (мѣстный пад. произведенный отъ темы Полоног, возникшей изъ ошибочно понятаго родительнаго Палóнага т. е. Полóнного отъ Полонное).

— *р* твердо: цар, дат. царý, зв. цáру, господару, заорувать, рандáр*и*, но есть отклоненія, зависящія, вѣроятно, отъ записывателя.

— *ц* твердо или мягко? У Св. Базилевича женц*ы* и женц*и* (і?), пшениц*ы*, старця и яйц*а*.

— Удвоенія согласныхъ передъ оконч. *ье* и т. п. кажется нѣтъ: даньe, хреетье, зільем.

— *ть* (а не т) въ 3 л. наст.

— Придых. һ: не годного (ні одного).

— *що*, а не што.

---

7. *Кролевецкій у. Черниговской губ.* Рудченко, Сказки I, № 41. запис. въ м. Попорницахъ. Удерживаю тоже правописаніе.

—... Охрем музика, що жив, колись у С*у*х*о*й Верб*і*... хто його не зна? Там такій був человік на все вродливий! Чи в*у*з було, чи лапату, чи що друге—дак оцщюди дивись!... А вже на весілл*и*, або так в *е*куй кумпаніи— т*у*льки його й слухай. Як начне було виг*а*вар*у*вать, Господи твоя воля! де що берецце? неначе з рукава сипле. Да ще к тому не те, що наш брат, а и в нос*и* такій кр*у*чок мав. Йому сіві ведьми—пловане діло! Вун на йіх, каже, не раз и до дому верхомъ йіздив, а то дак, не при хат*и* споминаючи, и з чортяками н*и* раз кунпанию водив...

А то въ друг*е* (е?) расказував: грав тут-такі у нас у когосьнто весілля, да п*у*д п*у*в*н*ичь (ч), як ус*и* вже пуд-

пиан, чимсь-то не вдоволнили Охрема; вун за шапку, да й був такій. *И*де—коли будинкі, а в йіїх людей—види*ма*-не-види*ма*! Свечк*и* (і) вяють, пани бегають в музика чепеляе, да так, каже, непшпешн*а*! «Лиха годи-на-б тебе грала, дума Охрем: не так би цюю ми заграли! Дай зайду! Тут видна вес*и*лля, а музика на вес*и*лл*и* не буде лишній!» Тульк*и* (і) що задумав. аж вибегають пани до (а) Охрэму в пояс: ходи, будь ласкав, кажуть, до нас!» Охрем сюди, да зараз—клим, клим! Наладив скрипку, да як удере;—пани як на рукахъ не носять його.

Коли трох*и* з годом—дзвонок: дзелень! дзелень! «О, кажуть, ще гост*и* едуть до насъ. Грай, Охрем, лучше: пан, що еде, на горелку дасть.» Коли-ж справд*и* пан, що з дзвонком, и став тут. Охрем, скульк*и* мега, грае. «Хто там грае? питае пан. А Охрем дума: «прйди, побачишь (ш)!» да инш*а*і, да веселійшаі! коли-ж чуе, два чалавеки цупять його да привели до пана. «Що т*и* за чалавек?» питае пан.—Охрем музика.—За чим ти (в) н*у*чи (у?) тутечка граеш?»—У пан*и*в на вес*и*лл*и*, каже. «Ти ньяни!»—Та ще не, каже Охрхем, а як ваша милость дасть на гор*и*лку, тад*и* (*и*?) може й буду. «Садиесьже, одвича пан, на вуз, я тоб*и* пойграю!...» А то пан станов*и* йіхав (в) нучи, а Охрем грае у пустуй хаті край дорог*и*. От його привезли, да й у х*а*лодну! А на завтра так, казав, найграли, що вун скакав, скакав, лежачи, трепака.

— Усиленіе коренного *о* въ *а* въ глаголахъ, съ характеромъ *ова* во 2-й темѣ, остается: договáрувать (вѣроятно даг*а*вáрувать, въ Укр. договóрювати).

—Нѣтъ эвфоническаго й (і) въ вишов, пришла; однако *и*шов (въ началѣ среднее и, или і?)

— *о* (=Укр. і)=у: вуз, поруг, нуч, стул, свуй, буг, спасибу, рувн*и* (sic) не було, тульк*и*, скульк*и*, в экуй, у пустуй, з Хлапеникув, даже (в) н*у*чи, у двуре, гдѣ слѣдовало бы ожидать *о*;=*и*: у пустий винниці, у панив, без урок*и*в;=*і*: вітти и витти (Укр. відтіль);=о:у Сух*о*й Верб*і*.

— е (=Укр. і)=ю: въ юй;=е: од зелля;=ие з ве-

сйлля, на весйлли. Послѣднее довольно странно, если только здѣсь *и* не есть ошибка.

— *е* остается въ человік; но это ошибка, судя по формамъ чалавек, два чалавеки, предполагающимъ: чоловѣкъ. *е* остается въ все; переходитъ въ *о* въ пловане дію, гдѣ *ло* (а не лё), если оно не вымыселъ, весьма странно.

— *ѣ* ударяемое какъ внутри слова такъ и на концѣ= е; послѣ несмягчаемаго р иногда—е: Охрем (осн. Ст.-Сл. форма Іефрѣмъ), ведьми, мене (дат), табе (дат.), зхотев, бесови, чортяки, чалавек, не (Укр. ні=осн. фор. нѣ изъ нѣсть), не-чого (осн, фор. нѣчего, а не нечего), паселли, свечки, бегають еде, едуть, ва сне, недель зо две, у двуре, на горелку (слѣдовало бы ожидать «на гарелку» и «Охрем.») Встрѣчая при тѣхъ же условіяхъ и *і* изъ *ѣ*, недоумѣваемъ, слѣдуетъ ли приписать эту непослѣдовательность говору, или записывателю? Такъ: йіздив, поідем, діло, світ, ні, хотів, зовсім, скорій, веселійшаі, з пахмілля, у Сухой Вербі, горілка. Въ такихъ же случаяхъ и *и* (среднее): затарахтйло, загуркатйло, на горилку.

— *ѣ* неударяемое внутри словъ=*е*, послѣ согласныхъ: на стенах (удар. на 2-мъ слогѣ?) вибегають, вилез, приежають (одно ж?); однако вестимо;=и: мирошник, адвича. *Ѣ* неударяемое на концѣ=и: въ носи (однако на вовi) при хати (и у хаті), у поли, у болоти, на весилли (и на весиллі). При дале стоитъ и далі (далѣе).

— *о* ударяемое въ той=е: не тей (им. ед. м. р.).

— *о* неударяемое, не переходящее въ Украинскомъ въ і,=а и передъ, и послѣ ударенія: пакойни, лапату, баіцце, тарахтить, не довга, ока и пр., но весьма много отступленій, зависящихъ отъ невнимательности записывателя или переписчика, а быть можетъ, въ меньшей степени и отъ свойствъ самого говора; Охрем, царство (однако нешпетна, недовга, нарѣч.) його, йому, волос и пр.

— *о* неударяемое въ глагольн. характерѣ *ова*=у: расказувать, вигаварувать, пакаштував.

— *я* неударяемое внутри словъ и въ возвр. ся=*е*, а

послѣ несмягчаемыхъ р, ц (изъ т—с) и шипящихъ—е: екій, в екуй, нарѣела, скле(е?)нного, з брезкульками, лежечи, берецце, баіцце (однако пояс, за десять, становицця, дивуецце.

— *е* въ *ье* послѣ удвоенныхъ согласныхъ остается въ угалле, однако измѣнено въ *я* въ веселля.

— Ни *е*, ни *ѣ* неударяемые почти не подвержены Юж.-врусскимъ измѣненіямъ по образцамъ: бирягу, вянокъ и т. п. ср. гарцявать.

— *ый* въ им. п. ед. прилаг. опр.=ы: пакойны, пьяны, становы,: однако вродлив*ий*, екій, такій.

— *и* въ иду сливается съ *и* предлога: пр*иди*.

— *ое* въ им. вин. прил, сред. р. можетъ сокращаться въ *е*, послѣ гортанныхъ=е: небесне, друге.

— *оі*, *еі* (а не ое) въ род. п. ед. прил. и мѣст. *ж*.: иншаі, веселійшаі.

— *ые*, *іе*, въ им. мн. прил. инші, такіе; стягивается въ е: усяке очи.

— сійі ведьми (им. мн.), а не сі.

— *е* основное=е (=э): идеш и вѣроятно по ошибкѣ заверне ш;=е послѣ гортанныхъ: у друге.

— *ы* и *и* осн.=и (среднему), кромѣ *у* въ бувало, була; *и* стоитъ и тамъ, гдѣ въ Укр. і: кони (им. мн.).

— Гортанные, какъ въ Укр и Др.-Русск. переходятъ въ шипящіе и свистящіе; тѣмъ не менѣе гортанные согласные требуютъ і, е, а не и, е: екій, такій, такіх, геть-такі, усяке очи, друге. Случаи, какъ будинк*и*, х*ибa*, трох*и*, скульки, два чалавек*и*, край дорог*и*, можно бы приписать записывателю.

— Дзеканья нѣтъ.

— *р* твердо: вигаварувать, вечерать, кручок.

— *ц* изъ *т-с* твердо: берецце, дивицце, разглядицце (хотя дивуецце, цюю изъ от-сюю). *У* основное повидимому мягко: гостинець, у винниці, гарцявать.

— Шипящіе тверды. Невѣроятно, чтобы въ «роскажешь, побачишь, робишь» ь было у мѣста, тѣмъ болѣе, что находимъ и *пограеш* безъ ь.

— *с*, а не *сь* въ колис (если это не ошибка, такъ какъ пишется тамъ же чогось).

— *ть* въ 3 л. ед. и множ. мягко. Въ ед. ч. оно можетъ опускаться, какъ въ Укр.

— *д* изъ *т* въ *дак*, если это слово употреблено въ значеніи союза и не имѣетъ на себѣ ударенія: «як стане разказувать, дак волос дибом»; «у малодиках вун и-геть-такі любив склепного Бога... дак бувало, як нуд хмільком, дак такого порасказуе, що...» *т* въ *так*, нарѣч. остается: «на весилли обо так в якуй кумпаніи».

Разсматривая этотъ, къ сожалѣнію, крайне прерывистый рядъ образцовъ, не трудно замѣтить, что въ образцахъ изъ уѣздовъ Пружанскаго, Овручскаго и Козелецкаго вовсе не замѣтно Великорусскаго вліянія, если, какъ и слѣдуетъ, не считать за его слѣдствіе спорадическаго измѣненія *я* неударяемаго въ *е*. Изъ этого одного (кромѣ другихъ данныхъ и соображеній) видно, что сѣвернѣе этихъ говоровъ есть другіе Малорусскіе-же. Въ образцахъ 1, 3, 6 и 7 очевидно вліяніе Южно-великорусскихъ говоровъ: въ двухъ первыхъ—говоровъ дзекающихъ (Бѣлорусскихъ), въ двухъ послѣднихъ—сохраняющихъ *д*, *т* передъ j и мягкими гласными. Заимствовано: въ Заблудовскомъ—смягченіе *е* въ *е* и дзеканье; въ Пинскомъ измѣненіе *о* неударяемаго въ *а*, *е* и *ѣ* неударяемыхъ въ *я*, смягченіе *е* и дзеканье; въ Сосницкомъ и Кролевецкомъ—измѣненіе *о* неударяемаго въ *а*. Эти Великорусскія черты доказываютъ, что упомянутыя четыре мѣстности близки къ сѣверному предѣлу области Малорусскаго нарѣчія, но никакъ не то, что они суть крайнія. Далѣе всѣхъ выдвинулся на сѣверъ Заблудовскій говоръ, самый западный. Если считать его крайнимъ изъ Малорусскихъ, то окажется, что черта (до сихъ поръ лишь приблизительно намѣченная), отдѣляющая сплошное Великорусское населеніе отъ сплошнаго же Малорусскаго, на крайнемъ западѣ пролегаетъ почти на полтретья градуса сѣвернѣе, чѣмъ

въ губ. Курской и Воронежской. По Великорусскую сторону этой черты есть говоры, почти тождественные съ Малорусскими въ формальномъ и лексическомъ отношеніи, но не представляющіе ничего спеціально Малорусскаго въ звукахъ. Таковъ напр. говоръ въ Погарѣ Черн. губ. образцами коего могутъ служить сказки, напечатанныя въ Сборникѣ г. Аѳанасьева (Ск. I, №№ 4, 6, 6, 17; II, №№ 30 и 31) и записанныя довольно удовлетворительно, впрочемъ, повидимому, больше по памяти, чѣмъ со словъ. Вотъ образецъ, въ коемъ я отъ себя ставлю һ вм. *г*, *е* вм. *е* и *ѣ*, отбрасываю конечное *ъ*, а при другихъ поправкахъ ставлю въ скобкахъ написаніе подлинника:

Быв сабе дед да баба, да у јих (их) не была дятей. Вó баба и кáжа дéду: «иди, деду, в лес, да вырубай тельпушóк, да зрабй калисачку; я буду таһó тельпушка калыхать, чи не (не) будя чаһо?» Дед зрабив так, як казала баба. Вó баба калыша тельпушок, да и припѣвая:

Люли, люли, тельпéшику!
Зварю табé кулéшику
И ячнаһа и смáчнаһа
Явсянаһа, прасянаһа.

һлядить баба, аж у тельпушкá ноһи éсть. Баба... спѣвá... пакуль изъ таһо тельпушка зрабилась дитя. Рады были дед и баба и ня знали, што рабить свайму дитяти.

... Ти мала, ти баһата ета такъ была, ведьма... задумала заһубить бáбинаһа сына.

...Принясла Иваньку дамóв да и кажа свайй даццé (даццѣ) Аленце (—цѣ): «дачушечка мая! вазьми сяһо хлопчика, абмый, да витапивши пэч укинь...» Аленка здура да и лягла, а Иванька—бурхéть яé у печ... Ведьма... пришла, да давай... тым мясам закусувать. Яна думала, шта дачка приһатовила кушання, да пашла һулять... Паедáвши харашенька таһо мяса... ведьма давай качацца... пакачуся—паваляся Иванькинаһа мяса наéвшись!» А ёя и кажа: «а трясцы? (т. е. не хочешь-

ли?) Аленкинаһа!..» һлядить Иванька, аж лятить стада һусей; во ён и начав просить ихъ:

«һуси, гуси лебедята!
Вазьметь мене на крылята,
Панесеть мене к аццу—к матке и пр.»

Замѣтимъ здѣсь слѣдующее:

—*ы* не измѣняется въ *о* ни въ глагольныхъ корняхъ (абмый), ни въ окончаніяхъ прил. такій, һрубый.

—*о* ударяемое=е (ә) въ «*тей*» (тотъ), а вѣроятно и въ другихъ случаяхъ, о чемъ см. въ моей статьѣ «Звуков. Особ.» стр. 59.

—*о* неударяемое=а; но въ характерѣ ова=у: закусувать и пр.; въ началѣ слова послѣ гласной можетъ опускаться: на'дномъ рябрѣ.

—*е* и *ѣ* неударяемые въ извѣстныхъ случаяхъ=я, а (см. въ моей статьѣ § 7), что предполагаетъ ихъ произношеніе за е послѣ смягчаемыхъ согласныхъ.

Въ измѣненіи *е* ударяемаго въ ё есть Бѣлорусскія особенности: ёсть, сваёй и др.

—*ый*, *ій* въ им. мн. прил. не стягивается въ *ы*, *и*.

—*ы* и *и* различаются, но *и*=і стоитъ послѣ гортанныхъ; въ кол*и*ска *и* вм. *ы* по Малорусскому вліянію.

й изъ е въ сва*й*му и пр., какъ въ Мр. и Бр.

—Переходъ гортанныхъ въ свистящіе еще въ силѣ (даццe, у хатце и пр.), но довольно отступленій: матке (дат.). Въ «Иванькин, Аленкин» въ Мр. было бы ч: Иваньчин.

—Дзеканья нѣтъ.

—*р* мягко: царь, царя, буря.

—*ц* твердо: трясц*ы*, бицца. Поэтому слѣдуетъ писать «на щаце» а не «на щацѣ» (ѣ=е).

—Передъ оконч. *ье* и др. согласные удвояются: кушання (им. и вин. ед.).

—г=һ, л=в, у=в, какъ въ Мр.

—*ть* въ 3 л. ед. и мн. наст. вр.; окончаніе это въ 3 л. ед. можетъ опускаться какъ въ Мр.

— Придыханіе j въ ён, яно, как въ Бр. .

— Изъ формъ замѣтимъ сохраненіе звательнаго падежа, употребленіе глаголовъ съ характеромъ $\frac{\text{уе}}{\text{ова}}$ въ значеніи Великорусскихъ глаголовъ $\frac{\text{ывае}}{\text{ыва}}$, 2 л. мн. ч. повел. возьмеѣть, панесеть.

При этомъ совершенное отсутствіе характеризующихъ Малорусскіе говоры измѣненій *о*, *е* и *ѣ*.

Возвращаюсь къ Малорусскимъ говорамъ Гродненской губерніи. Нижеприводимые образцы—изъ «Сбор. пам. нар. творч. въ Свз. кр.»

8. *Бѣльскаго у.* село *Чижи*. Пять пѣсень, №№ 32, 33, 124—5, 149.

№ 124. О сюй ночи стучало—һриміло.
Я думала, што брат з вуйска јіде,
А то јіхали Татаре-буяре,
Везли з собою три Подоляночкі, (¹)
Три подоляночкі (¹) всі три сестренькі. (¹)
Ой старшую везли в червонум убранні, (²)
А середнюю везли въ зелёнум жупані (и?)
А найменьшу везли һоленьку-наһеньку.
Ой найстаршуй треба чипок вишити,
А середнюй треба в*и*ночок (³) увити,
А найменьшу треба на Дунай пустити:
Н*и*хай пливе до ойця до маткі (¹)
До своей родиноньки. (¹)

(¹) Ставлю — кі (а не к*и*) на угадъ. Въ текстѣ — к*и*
(²) убранн*и* (³) вы ночок.

№ 149. Ой заржи, поржи, мой (¹) сивий коню,
Дороһою беһучи, (²)
Ой чи не вчуе моя дівчина
З руткі (³) в*и*нóчкі (4) вьючи.
Скоро учула, зара (⁵) познала
Што мой (¹) Ясенько јіде.

«Ой мой (¹) Ясеньку, мое коханне,
Сталася мні приhода:
Била (⁶) я увила пару виночков, (¹) (⁴)
И то забрала бистра вода».
—Моя Касюлю, мое коханне,
Не фрасуйся (⁷) ти тому:
Маю я, маю пару лебедёв
Пошлю я по виночкі (⁴)—
Лебеде плывуть, виночкі (₄) тонуть,
А бистра водя hарне; (⁸)
Ой потраціла (⁹), моя дзівулю (⁹),
Својі виночкі (₄) марне!
—Страціл ти, Ясю, страціл, небоже,
Коника вороноhо.
А я не страчу молоденькая (¹⁰)
Виночка (₄) рутяного.

(¹) мой, а не *муй*, віночков, а не—ув, какъ слѣдовало ожидать. (²) бѣгучи. (³) зъ рутки. (⁴) віночки, а не *ви*ночкі (—ки?), какъ можно ожидать, на основаніи предыдущей пѣсни. (⁵) т. е. зараз; въ текстѣ стоитъ *зоря*, что безсмысленно. (⁶) была. (⁷) Поль. nie frasujsię, не заботься, не огорчайся; ср. Нѣм. fressen и cura edax. (⁸) Поль garnie; но Мр. было бы hорне. (⁹) ц и дз въ потрацила, трацил, дзивулю—съ Польскаго; вообще въ этомъ говорѣ дзеканья нѣтъ. (¹⁰) млодэнькая.

---

9. *Брестскій* уѣздъ. а) Село Косичи, Сб. Пам. I №№ 34, 123, 136, 144—8 150—1, 155—6; б) Каменецъ-Литовская волость, ib. №№ 181—203; пословицы и загадки стр. 288—9, 299—300; в) того же уѣзда безъ точнаго обозначенія мѣстности—ib. №№ 127—133, 159—160, 162—6.

№ 34. «Чом ти, (¹) hаю, чорний стојіш, (²)
«Чом ти, hаю, *ни* зеленіеш (²)?»
—Як я маю зеленіти?
Була *зи*ма (³) сутужная,

Ішло (4) вуйсько великое,
Подо мною ночовало,
Кориньнечко (2) подоптало
І ђульечко постинало:
Кориньнечко (3) копитками.
А ђульечко шабельками.

(1) ты. (2) стоишь, зеленіешь. (3) зыма, корыньечко.
(4) й шло.

№ 144. Ой ти (1) хмеленьку, буйное житце (2)
Мноћо (3) розуму маеш: (4)
Ой і пъяноћо (5) і тверозоћо
З розуму спроваджаеш. (4)
Ой ти (1) дівчино перебурниця,
Мноћо (3) есь (6) перебрала,
Усім молодцям (7) доћану (8) дала,
А вдовцёви (9) досталася:
Бо у удовця (01) тихая мовця,
В (10) ёћо жовтие влоси. (11)
Ой не зажила жадна невіста
У свекорка (12) роскоши,
Ходить свекорко (12) по нових сінёх (13)
Нивісту пробуджае: (14)
«Устань, невісто, устань, молода,
«Устань до роботи!
(Встань до роботи) Додай охвоти
«Усюй своюй челядоньци (15).
Муй милий устав, по зорам познав:
«Ще, батеньку, рано!
Рано вставати, рано вставати,
Й сніданне ћотовати!»
Поздоров, Боже, моћо милоћо
І мене коло ёћо,
Що вун не каже рано вставати
Й сніданне ћотовати.
Ой як я була в (16) своћо батенька
Я ничоћо (17) не знала;
Я кур ни чула, я зур не знала

Й (15) роботи не знабдила, (18)
Ой як я пошла та(19)й до свекорка(12)
Я всё тое познала:
Кури почула, зори познала,
Роботу пороблява.
Кури почула, кури почула
Тонкій кужель прядучи;
Зори познала, зори познала
Рано по воду йдучи.

(1) ты. (2) жице. (3) мнуho. (4) маешь, спроваджаешь. (5) пьяного. (6) есь. (7) молодцам. (8) догону. (9, 10) удовціовы, вдовця, у юго. (11) włosy. (12) свикорка, свикорко, свикорька. (13) синёхъ. (14) пробужае. (15) челядоньці. (16) у. (17) нычого. (18) не знабыла. Я думаю: не знабдила, Ст.-Русск. и Ст.-Слав. *набъдѣти* и *сънабдѣти*, собств. бдѣть *на*, т. е. надъ чѣмъ, сохранять, соблюдать, исполнять что, напр.—заповѣди (Макарьев. Минеи I, 54; ср. Mikl. Lex. s. v.). (19) то.

№ 155. Ой летала перепюлка по полю
І зберала (1) дрюбни (2) пташкі (3) до бору:
«Ой до бору, дрюбни пташкі, (3) до бору,
«Бо вже (4) ви—те (5) наhулялися по полю!»
—Ой ни дармо ми по полю hуляли,
Бо ми собі пожиточку шукали,
Бо ми дрюбни яhодонькі (3) збирали,
Из літечка на зімоньку складали.—
Ой ходила наша пані по полю
І зберала челядоньку до двору:
«Ой до двору, челядонька, до двору,
«Бо вже (4) ви—те (5) наhулялися по полю!»
—Ой ни дармо ми по полю hуляли,
Бо ми жито і пшеницю дожали,
Ой дожали ми житочко (й) облоhі (3);
Печи, печи, наша пані, пироhі! (3)
Ой котився (6) пані виночок (7) по долу
І просився (6) пана hосподаря в стодолу:
«Я у своhо hосподаря поhощу

«І сторонопьку домощу,
«На повое, на друһое заложу.
«Викоть, викоть (8) бочку меду, вина—дві,
«Почастовати челядоньку на дворі».
Ой чия челядопька так дрюбна?
—То нашому пану сподубна. (9)
Ой чия то челядонька на долини? (10)
—То нашоһо пана з України.
Ой чия-то челядонька һуляла?
—То у нашоһо пана дожала.
Ой одчини нам, пане, ворота,
Бо несем ми виночок (7) зъ золота;
Ни з золота наш виночок (7)—що з жита,
Суди, Боже, пану спожити,
На друһое, на новое літо заложити!

(1) И уберала. (2) дрюбпы. (3) пташки, ягодоньки, облоги. Быть может я ошибочно ставлю въ этихъ словахъ і, какъ въ Заблудовскомъ, а не какъ въ Укр., гдѣ слѣдуетъ *и*; но записывавшій ставилъ *и* и вм. і остраго, напр. пан*и*. (4) уже. (5) витэ. Это—те изъ—сте, есте, а *ви*=*вы*. (6) котыуся, просыув (7) віночокъ (8) выкочь. Ужели народъ такъ говоритъ? (9) «до сподоби», «до сподобоньки,» т. е. нравится. «Это челядь милая пану»—косвенный отвѣтъ на вопросъ: чья челядь? (10) на долыны.

До пори збан воду носит, (1) а як ухо одорвецца, (2) то лихо складецца.

Білое поле, чорное насіньне, розумний сіе (письмо).

Без нюһ, без рук, а лізе на друк (хмѣль).

Вовк залізний, хвюст конопляний (иголка и нитка).

Вийшов (3) на һюрку, одчинив (4) комюрку, коб не пан Димінській, то собакі (5) заіли б (пчолы).

Дівка в комор*и*, (6) а еji коси на двори (6) (морковь).

Лізу, лізу по залізу на месную (7) һору (на коня).

Приде осень, забью лося, һолову зъім, шкуру олуплю, а мясо (8) за плют викіну (9) (ленъ).

Четире (sic) брата биһут, ([10]) один друһого һонит, неяк не зловит, а коб наһонив тоб один друһому шию ([11]) зломив (колеса).

Як лежит, то менше за кота, а як устане, то бюльше за коня (дуга).

([1]) носыть. ([2]) одорветца. (3) выйшев. ([4]) отчинывъ. ([5]) собаки. ([6]) въ коморы, па дворы. ([7]) месную. ([8]) быть можетъ мъясо или мьясо? (9) выкину ([10]) быгуть. ([11]) шію.

Хотя, быть можетъ, есть нѣкоторая разница въ говорѣ между уѣздами Бѣльскимъ и Брестскимъ, но она въ наличныхъ образцахъ мало замѣтна. Поэтому я разсмотрю совмѣстно оба говора, обозначая, какіе примѣры взяты изъ образцовъ Бѣльскихъ, какіе изъ Брестскихъ.

— Нѣтъ эвфоническаго *и*, *й* въ зашло, пошла, пришло, зишло (Брест.), однако ib. вийшовъ, стр. 183; въ Бѣльск. пойшов стр. 34.

— *і* въ соловїйко, соловійку (36) (Бѣльск.), соловій, канарійка, до дверій (Брест.) есть, вѣроятно, не основное *и*, а образованное изъ *е* (см. ниже).

— *о* (=Укр. і)=*у*: муй, кунь, вун, вуйсько, з ворут, на чужуй стороні, найстаршуй (Бѣльск.); заһун, гульечко, перебурниця, порувняемось, жунка, воружка, доружка, умолутно (въ Укр. было бы умолотно), зихудно, в вишнёвум, въ жалиньскуй, смутнуй (Брест.); съ точки зрѣнія Укр. говора сомнительны случаи: серед пулка (гдѣ, впрочемъ, *у* можетъ быль оправдано Польскимъ вліяніемъ: pułk), Пульша (требуетъ подтвержденія какъ относительно *у*, такъ и относительно *ш*; въ Укр. Польща) Бѣльск.; мнуһо (стр. 147, bis: въ Укр. много) Брест.

о=*ю*: рюдная, рюдний (Бѣльск.); дрюбни, дрюбними, нюһ (род. мн.) хвюст, на һюрку, комюрку, бюльше (Брест.); это *ю* или близкій къ нему, быть можетъ, двоегласный звукъ служитъ переходомъ къ *и* и *і* изъ *о*.

о=*и*: зийшло (Брест.).

о=*о*: под, мой, пойшов, віночков (Бѣльск.), подо мною, при зороньках (Брест.).

— *е* (=Укр. і)=ю: занюс, о сюй, середнюй (Бѣль); перепюлка, намютку, принюс, батюнко, матюнка, юй, своюй, усюй, моюй стеженьки (род. ед. пзъ моёй, моей, моеjі), въ своюм, по сюм (Брест.); послѣ *р*—*у*: вперуд, вирукся (при виреклася) ib.

— ё: пару лебедёв (Бѣльск.), моёй матёнки (Брест.).

— *и* въ свикорко, до свикорка врядъ-ли есть *и* среднее изъ *е* (Укр. свекорко), такъ какъ на немъ стоитъ удареніе; если же слѣдуеть читать *і* (свікорко), но это *і*—изъ ё; рівненько заплакала (стр. 151) или, вѣрнѣе, съ *и* послѣ несмягчаемаго *р*: ривненько плачет (т. е. ревненько; ср. płakać rzewnie), кориньечко (съ *и* вм. *і* послѣ *р*), сім.

— *е*: на печ (и піч, 205), камень, матенька.

— ё (о) изъ *е* имѣетъ мѣсто и въ такихъ случаяхъ, гдѣ въ Укр. *е* неизмѣнно: зелёному, в зелёную, товарищом (Бѣльск.); всё, всёй сад, всёй ліс (=Укр. весь, увесь; стр. 185). въ вишнёвум, зелёну, тверозоһо, заручоная, засмучоная, служонька, вітёр, удовцёви, понових синёх. Впрочемъ это ёх въ окончаніи мѣстнаго и мн. ч. предполагается украинскимъ *іх* (въ воротіх, чоботіх).

— *ѣ*, какъ ударяемое, такъ и неударяемое=і: мні, всі, гриміло, білий, на чужуй стороні, міданиі, осідлаю, сідаю, виізжаючи (—жж?) (Бѣльск.), вітер, віе, зеленіти, зеленіеш, при місяці, поjіду, до сліду, ліс, сміеш въ дворі, не стріляй, слідки, ціловати, на порозі, въ полі, в сукмані, ліси, лісочки, цвіточки, дівчины. Что многое здѣсь внесено произволомъ или невниманіемъ записывателей, это видно изъ того, что въ тѣхъ же образцахъ замѣтно стремленіе языка измѣнять *ѣ* *неударяемое* въ *е* и *и* среднее (пишутъ *ы*). Единственный случай, гдѣ, быть можетъ, по недосмотру ѣ=е—беһучи, бѣгучи (Бѣль. стр. 151, и тамже віночки); въ двухъ словахъ *е*: летала (159), куре спевають (149 Брест.); чаще—*и* внутри словъ и на концѣ: спивати, спиваеш, лищину, линивий,

вйвичу, уткай, нарикае, три літи (=осн. форма им. вин. двойств. лѣтѣ), по сюм світи, в ліси, на помости, при долини, при дорози, в хати, по зелёнуй дуброви. Согласно съ этимъ легко было бы исправить и вышеприведенные слова съ і изъ ѣ неударяемаго.

— *о* неударяемое изрѣдка ослабляется до *у* (татаребуяре, т. е. бояре), но какъ въ Бѣль., такъ и въ Брест. остается неизмѣннымъ въ глаголахъ съ характеромъ —ова: ђодовала, ночовати, частовати. Быть можетъ, отсутствіемъ ударенія можно объяснить *е* вм. *о* въ уменьшит. на *енька* послѣ несмягченныхъ согласныхъ: нужденьку, три сестреньки (Бѣльск.), стороненька (Брест.).

— *е* вообще=е (э), но при отсутствіи ударенія склоняется къ *и* среднему или *ы*, какъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ и по сю, и по ту сторону Днѣпра: чорниjі очинька, гримілo, нихай, ни знáла, нимá (Бѣль. и Брест.) . Наоборотъ въ *и* неударяемомъ можетъ слышаться звукъ е=э: уберала (Брест.). Этимъ можно бы объяснить и форму куре (кури), если бъ не встрѣтился им. п. мн. ч. лебеде́. Впрочемъ послѣдняя могла возникнуть подъ вліяніемъ Польск. łabędzie.

— Конечное є въ им. на *ье* и въ производныхъ остается неизмѣннымъ: розмовляннє (а не-ння).

— *е* изъ *я* неударяемаго мало замѣтно: на месную; въ дівче (или дивче) конечное *е* можетъ быть не изъ *а*, *я* (Укр. дівча, дівч*я*), а изъ подражанья Польскому *е* изъ ę въ dziewczę.

— еjі (еі) или сокращенно (для размѣра?) *ей* вм. оjі въ род. ед. прилаг. ж. р: и мѣст. те́й дівчини, мене молоде́jі, темне́jі ночи, до такеjі пані (Брест.; въ Бѣльск. не встрѣтилось); съ этимъ ср. Ювр. тей радней, О звук. особ. Рус. нар. 59. Сокращеніе конечнаго *і* въ *й* влечетъ за собою измѣненіе предыдущаго *е* въ ё—*ю*: «здрадило юй (изъ ёй, а это изъ еjі) ночное ночованне (149), моюй (изъ моёй, моеjі) стеженьки.

— Въ им. ед. ч. прил. муж.—ый, ій, а не *и*, *і*: муцний и пр.

— Въ имен. вин. ед. прил. и мѣст. ср. р. ое: тое, ночное, друhое, тихое.

— Въ именит. мн. прилаг. 3-хъ р. пишутъ *ие* (какъ и произносится во многихъ другихъ мѣстностяхъ) и тутъ же, какъ въ Укр, иjі, іjі: воли половие и коні воронні. Сокращеніе этого окончанія въ *и* предполагаетъ иjі: поквапн*и* служоньки, біл*и* цвіточки.

— Стяженія въ «ма (=моя) лиха доля», коло меjі (моеjі) хати, мему (моему) життю.

— Основное *и* по пройзношенію смѣшалось съ *ы*, такъ что для обоихъ нуженъ одинъ знакъ. Записыватели слыхали, что нѣкоторыми принято для средняго звука—*и*, а для остраго—*і*, но не понявши этого, ставятъ безъ разбору *ы*, *и* и *і*, напр. мат*ы*, д*и*тя, пр*і*ймала, ув*и*ты (ув*и*ти віночокъ) выш*и*т*ы* и т. д. Вслѣдствіе этого изъ записанныхъ ими образцовъ нельзя узнать, между прочимъ, соединяются ли гортанные съ *и* среднимъ, близкимъ къ *ы*, какъ въ Укр., или съ острымъ *і*, какъ большею частью въ Польскомъ и въ нѣкоторыхъ Мр. говорахъ. Пишутъ *и*, изрѣдка *і*: луг*и*, туги, вороги, до ноги, подоляночк*и*, матки и маткі, широкий и великій. Благодаря употребленію *ы*, видно, что *и* среднее слышится и тамъ, гдѣ въ Укр. *і*, именно въ дат. на ов*и* (Укр. ові), въ ни (Укр. ні) и въ немногихъ другихъ случаяхъ: лайдаков*и*, коников*и*, ни где, ни кто-ж (ни *х*то-ж?) ан*и*, ничоhо, зима (зыма) (Брест. и Бѣльск.).

— Отсутствіе сокращенія *и* основного въ ь въ біе. піе («Ой не купь воду піе, купь копитками біе, 123, Бѣльск.) есть полонизмъ; тамъ же находимъ и правильныя Русск. формы, какъ вьючи (Польск. wijąc).

— *и* (ы), а не *у* въ била (152), бивай.

— *дж* изъ основного *д* находимъ въ спроваджаеш (Брест.) но ib. пробужае.

— Гортанные измѣняются въ свистящіе и шипящіе, по старинѣ, но, какъ упомянуто, неизвѣстно, требуютъ ли они послѣ себя *и* (ы) или *і*? Изрѣдка *к* вм. *ч*: керез (через).

— *р*, по видимому, твердо: вечерати (Бѣльск.), по

зорам, кучеравий, потерав, зор*и* (ы), два писар*и*, въ божой кар*и*, зур (род. мн.) вирукся; однако һосподаря и т. п.

— *ц* въ Бѣльск. образцахъ пишется съ мягкимъ гл. (ойця, овця), въ Брест. и съ твердыми, и съ мягкими: отец, риболовц*и* (ы), молодци (ы), два місяц*а*, у свитлиц*и*, складецца; мовця, серця, удовцёви, молодецькое, минеццяя, пшеницю. Вѣроятнѣе, что *ц* здѣсь твердо.

— Въ окончаніи 3 л. ед. и мн. настоящ. вр. пишутъ *ть* (какъ въ Укр. и Брест.) и *тъ*. По сравненіи съ одной стороны съ Заблудовскимъ, съ другой—съ Кобринскимъ, можно ожидать *т*, а не *ть*; прихилит, постоят.

— *г*=h; *л*, *в*=в (ў), какъ въ Укр.

— Удвоеніе согласныхъ передъ оконч. *ье* есть, по видимому; но записыватели въ одной и той же пѣснѣ пишутъ напр. ночованье и размовляннe (sic, 149); въ пѣснѣ № 144 я поставилъ сніданьне вм.—нье.

— Придыханія: воченьки, һулонькою.

— *што* (Бѣльск. bis) и що (Брест.).

— *ци* и *чи* (Брест. 193.)

---

10. *Кобринскій у.* Гродненской г. а) село *Огяты*, Сб. пам. нар. тв. Свз. кр. I. №№ 15—30. 66—95, 205—213; б) село *Черевачицы*, ib. № 31, 152—4; в) село *Приборово*, № 136; г) *Дорогичинская волость* №№ 10—14, 53—65; д) мѣстечко *Бездзѣже* №№ 121, 138—143, 157—8; е) безъ точнаго обозначенія мѣстности № 135 и 137, стр. 296—8.

№ 16. Ой вийду я за новиjі ворота,
За воротьми усе (1) трава—мурава́,
Всюди hляну все (1) чужая сторона.
Із за hори два соколи лене́:
«Моjі ж ви-те (2) оба соколи,
«Чи не булы у моюй сторонi,
«Чи не плачут отец-мати по мнi?»
—Плачут, плачут, розбиваюцця (3)
Слезонькамм уливаюцця, (3)

Хустонькою утираюцця,
Сина в ħости сподиваюцця;
Стара матка на лужечку лежит,
Праву ручку на серденьку держит.

(1) все. Можно ожидать: всё, усё. (2) «вите» я читаю со среднимъ *и* (вы). (3) разбиваю*тся* и пр.; *цця* поставлено на основаніи другихъ образцовъ.

№ 29. Ой зажурився ясний соколонько,
Що ніде сісти, ħнииздечка ізвити.
«Ой сяду я, сяду в верху на ялини,
«Ізовъю ħнииздечко хоч із траванини,
«Роспущу дитоньки (1) по всюй Украјіни,
«Ой а сам полену поле через поле
На синёе море.»
А в чистому полю маки зацвитают,
На синёму мори пташеньки летают,
На битуій (2) дорози рекруте ступают.
Ой вишла (3) мати сина познавати,
І стала вона в сінёх на порози,
Познала сина в четвертум обози:
«Вернись, синоньку, змию ħоловоньку!»
—Ой ізмий, матко, собі, не мні.
Вже мні судилося најістись (4) землі!»

(1) дытонки, между тѣмъ, при удареніи на первойъ слогѣ, слѣдуетъ ожидать дітоньки. (2) sic, уі читай за одинъ слогъ. (3) выйшла. Поправлено по другимъ образцамъ. (4) наистися.

№ 83. У ħоридци (1) бервиночки (2)
По ħоридци (1) постилаюцця; (2)
Десь муй милий чернобривий
Черезъ люде мні кланяецця. (3)
Ой що-ж бо мні по бервинках,
Коли на јіх яħодок нема;
Ой що-ж бо мні по поклонах,

Коли ёhо (⁴) самоhо нема.
Прийідь, прийідь, муй миленький
Із (⁵) чужини да й до домоньку,
То я звяжу червонею
Китайкою я hоловоньку.
—Се жив буду, повернуся,
Будеш мею кохапкою.
Любив тебѣ дівчиною,
Теперь люблю молодицею,
Сім літ ждав (⁶) нежонатим,
Чи не будеш удовицею.

(¹) у горицы. Слѣдовало бы читать: hорідцы, но я постовилъ *и* сред., такъ какъ *р* не смягчается. (²) бервиночки, но ниже—«по бервыночках». Здѣсь *и* умѣстнѣе, чѣмъ *і* въ Укр. барвінок, такъ какъ въ основной формѣ не *ѣ*, а *і*: pervinca. (³) постилаются, кланяется. (⁴) его. (⁵) изъ. (⁶) Быть можетъ для размѣра слѣдуетъ—іждав.

№ 84. «Ой ти вéрбо зелененькая,
»Чом на тобі hоллячче (¹) hнецця?»
—Нехай hнецця, хочь поламнецця,
Таки на мні листе (²) знайдецця,
«Ой ти, дівко молоденькая,
«Чом за тебе молодци (з) бьюцця?»
—Нехай бьюцця да й поладяцця,
А на мене нех не надяцця!
Нехай же я ізросту (⁴) зросту,
То я пойду а за старосту,
За старосту за старенькоhо,
За писара молоденькоhо.
Ой муй писар а боhач, боhач,
Купив сукню і зелен (⁵) кабач.
А в кабачі колопні рвати,
А в суконьци добре hуляти;
От колопень hолова болит, (⁶)
До таночку то й душа hорит (⁶)

(¹) голяччэ. (²) лицэ. (³) молодци. Я прочелъ и за среднее. (⁴) изросту (⁵) зелин. Можно бы ожидать: зелен и зелюн, какъ въ другомъ мѣстѣ—черлюн. (⁶) болыть, горыть.

№ 90. Ленув соколик черезъ три лісй,
Через три лісй, черезъ чотирй,
На пятум ліси пав на орешье (¹)
Пав на орэшье (¹) з лісом ћоворит (²)
«Ой лісу, лісу, чом ти не шумиш,
«Чом ти не шумиш, чоћо тих стојіш?
«Черев тебе лену, крильцем не тену, (³)
«Крильцем не тену, перцем (⁴) не рухну.
Іїхав Іванько (⁵) через три селі, (⁶)
Через три селі (⁶) через чотири,
На пятум селі (⁶) застановився,
Застановився в тестенька на дворі,
В тестенька на дворі, на воронум коні:
«Ой коню, коню, ћрай пудо мною,
«Звеличуй (⁷) мене перед тестеньком,
«Перед тестеньком, як (⁸) перед батеньком.»

(¹) орѣшье. Если это ѣ=є, то оно вдвойнѣ странно: во первыхъ послѣ твердаго *р* слѣдовало бы ожидать *е*, а не є; во вторыхъ, *ѣ* ударяемое въ другихъ образцахъ этого уѣзда=і а не є. (²) говорить. (³) *тену* не отъ тяти, рубить, какъ объясняетъ редакція, а отъ тенути, кор. теп. ср. тепсти и Укр. тіпати, бить, напр. конопли. Смыслъ пѣсни такой: соколъ величается полетомъ: чрез лѣс летитъ, крылом не ударит, пером не шевельнетъ; молодецъ величается поѣздкой. (⁴) пырцем. (⁵) Иванко. (⁶) тры селы, на селы. Основная форма здѣсь селѣ (им. вин. двойств. ч. и мѣстн. ед.) и если, какъ слѣдуетъ ожидать, удареніе на 2-мъ слогѣ, то ѣ=і, а не и. (⁷) возвеличуй. (⁸) як слѣдовало бы опустить. Оно, можетъ быть, вставлено по догадкѣ записывателя.

№ 30. Повій, повій, тихий вітер
Із (¹) за крутей ҍори,
Прийідь, прийідь, муй миленький
Із (¹) чужей сторони.

(¹) Изъ.

№ 212. Ой у ҍоридци (¹) на яруй рути
Плаче ҍанночка виночки вьючи.
Почув Іванько (²) на кони йдучи:
«Чоҍо, серденько, плачеш ревненько?»
—Ой як же бо мні а не плакати?
Въ тебе молодоҍо родини мноҍо, (³)
В мене молодеji подаркув мало.
«Ой не журися, молода ҍанночка:
«Я своҍо батенька сам перепрошу
«Низким (⁴) уклоном, тихеньким словом.»

(¹) горидцы. (²) Иванько. (³) мнiго. (⁴) въ Укр. говорѣ—низьким.

№ 64. Повінь вітрик з ҍори в долиноньку,
Розвінь мою туҍу по зелёному (¹) луҍу,
Ой щоб же я не (²) тужила, хорошенько ходила
Що суботи в золоти, що неділи (³) в сигнити: (⁴)
В золоти жито жати, в (⁵) сигніти поҍуляти.

(¹) зылёному, (²) ны. (³) ныдилы. (⁴) w sygnecie, въ перстнѣ. (⁵) во.

Один каже: «свитай боже», другий (¹) каже: «змеркай боже,» а третій каже; «як в день, так в ночі (²) витрищай зеркачі. (²) (Постель, дверь, окно).

Вуз без колюс (³), бич без ляску, а дороҍа без писку (ib. песку). (Лодка, весло, рѣка).

Брат брата сичé, біла кровь тече (⁴) (Жернова).

Шаталось, моталось, под припичок (ib. припечок) сховалось. (Вѣникъ).

В нашеji (⁵) невісти рубашок (⁶) больш як двісти (⁷), а вітер вийне, і тіло видно. (Курица).

Крикнув вул на сем сюл, ёho (8) не видати, а hолос чувати. (Колоколъ).

Черлюн жука лиже. (Красный огонь лижетъ чорный горшокъ).

Чотири (9) брата пуд одною шапкою стоят. (Столъ).

Що hето за писар, що по ночи пише?

—Був у нас баран, на юм меньш шерсти як ран. (Колодка, на которой дрова рубятъ).

(1) другой. (2) ночи, зеркачи. но и у записывателя—і. (3) калюсъ. (4) тыче. (5) въ нашіи, (6) рубашекъ (7) двысты (8) его. (9) чотыре.

— Нѣтъ эвфоническаго й въ пошов, знашов, нашов, перешов, пошла, пришовши. Ср. Пруж., Козель., Бѣль., Брест. однако зайшов, вийшла. (Дорог.).

— *і* въ соловійко, какъ въ Бѣльск., Брест., и соловейко (Дорог.), дверей.

— *о* (Укр. і)=у: пуйду, туй (дат. ж.), на лужечку; сомнительно «П*у*долянка» въ пѣснѣ № 63, поддѣльной или сильно испорченной. *о*=*уі* (одинъ слогъ): на битуй дорози (стр. 23). *о*=*и*: нич (стр. 22) р*и*днею сестрою, в тим селі, з*и*йшло, зийшов (Дорог.). *о*=*і* біh, біh-ме, військo, дрібний, рідний, дві жалібночки, пі*с*лув (въ одномъ словѣ о=і и у); странно: мнiho, немніh*о* (75, 213), какъ въ Бѣльск. и Брест мнуhо. о=о: дороженьку, за воротьми, косоньку, поченька, *пч*олонька, коски, рожки, пошов, пойду, здоймае (Озяты); оддати, в вищневом (Дорогич.; hолле, hоллечко, зобрав (Черевач.).

— *у*=*і*: бійниjі вітрики, однако за муж, диброва.

— *е* (Укр. і)=ю: у моюй, своюй (дат.) къ нюй, на юм, по всюй, колюс, матюнька (изъ матёнка) въ hостюх (изъ hостёхъ), запрюhши (изъ запрёhши), черлюн (изъ черлёнъ, а это изъ червленъ). е=і: пліточку, Семін (въ Укр. Семен), приніс (и принис съ *и*, стр. 68) мід-вино (Укр. мед), сім, постіль, з берізки, дві сістріночки; замѣтимъ: свікорка (стр. 87, какъ въ Бѣль. и Брест.). е=е: слезоньками, hребенцем, камень, неж, сем.

— *е*=ё, о, сходно съ другими говорами Гродн. губ. и отлично отъ Укр.: всё (часто) черотомъ (Укр. очеретом), вітёр, ћорол (орел), бéрожок, бероженьки, кудёрки, попером, четвёрту, зорою, молодцёви, (дат.), з перцём, (но ib. в емберцем, серцем), служонька, неділёнька (и—ленька), деревцо, синёе море, при зелёнуй, зелён (зылён) явор, трава зелёна, дуброва весёла, свячони, кручони (им. ед. муж.) заручоная, засмучоная, дитя рожоное, сужоное, корови подоёни, телята напоёни, жито молочоне; покочоне, въ сінёх, в воротёх. Кромѣ того, ё (respect. ю, і изъ ё)—и тамъ, гдѣ въ Укр.

— *ѣ* ударяемое въ рѣшительномъ большинствѣ случаевъ=і: цвіт, світ, слід, вік, вітёр, дівчина, річка, нікому, ніде, сісти, најіхали, сідла, повій, посій, повішу, міти, человіка, собі, мні, дві, в оћні, в млині (Укр. у млúні) на окні, стороні, у лозі, у тузі, въ корчмі. вербі. Рѣдко встрѣчается и (ы) вм. ѣ, и эти случаи можно, кажется, считать за ошибки: неви(ы)стки (ib. невістци), сусиди, явор стину пробивае.

— *ѣ* неударяемое большею частію=и (пишутъ *ы*): смиются, спивай, заспивайте, утишати (утѣшать), вітёр повiвае, сидлае, сидло, змишався, линуюсь, литаеш, (основная общеслав. форма есть лѣтати, а не летать, какъ мы пишемъ) поцилую, бижи, видро, дивчя, дивки (но дівушка), ћниздечко, оцвили, зацвитают, утикай (осн. ф. утѣкати), винкá, виночок, развинчай, повинчалися, писок (осн. ф. пѣсокъ), писку, в сигніти, на помости, у ћороди, на порози, в комори, по соломи, на дорози, у корчомци, у поли, в мори, у місти, въ золоти, на панщини и пр. Изрѣдка ѣ неударяемое =е: рострепалася, пташеньки летают, козаче лентяю, не дремаймо, до стени. Еще рѣже пишутъ ѣ: орѣшье, хутчѣй. Нѣсколько чаще случаи съ і=ѣ неудар., какъ на камені, на ниві и пр. гдѣ *і*, судя по сходнымъ случаямъ, ошибочно.

— *о* неударяемое въ характерѣ *ова* остается, а въ другихъ случаяхъ изрѣдка=у: мурдовати (въ Укр. было бы мордувати), наповае и т. п. какъ во всѣхъ Мр. говорахъ Гродненской губ.

— *е* и *и* изъ *о* неудар. въ уменьшит. суффиксѣ: нерепьки не маю, сеструнька, ђалунька.

— *я* неударяемое въ одномъ словѣ = *е* (нађоворецця), а впрочемъ неизмѣнно.

— *е* (= э) неударяемое склоняется къ и (ы): убируся, виде́, видучи, жиниха́ и пр.

— Наоборотъ *и* (ы) неудар. склоняется въ *е* (э): ніт некоћо, нема сіна, не оброку, можетъ быть въ оконч. имен. мн. рекруте.

— *е* въ оконч. *ье* послѣ удвоенія не измѣняется въ я: коханне, коханнечка, ђулянне, ђолле, но поседінночко (Черевач.) быть можетъ по ошибкѣ.

— Отклоненіе отъ обычной формы представляетъ *а* въ *из*-пуд крамeню (78), с-пуд крамяней ђоры (84).

— *ый*=*ий* въ им. ед. прил. м. не стягивается въ *и*.

— Въ им. вин. прил. ср. р.—ое и е: друђое, ридне.

— Въ род. ед. *прил.* и мѣст. ж.—еjі, ей, а въ твор. ею вм. оjі, ою: теjі пісни, до лихеjі ђодини, хорошеjі дівчини, милеjі, дороћи широкеjі, з великей злости, из чужей сторони, з-за крутей ђори; з милею, червонею, риднею, бистрею, темненькею, яснею зорою, с тею, сирею дубиною; *е* въ *ей*, если на немъ нѣтъ ударенія, по вышесказанному, склоняется къ *и*: з нов*ий* світлици, с прав*ий* ручици (т. е. новей, правей).

— Въ им. мн. прилаг. большею частію *иjі* (новиjі ворота и т. д.), *и* (кони сив*и*-ворониjі, біли листи); однако и *ие*: молодие, золотие (Бездзеже, 160).

— Стяженія въ меjі, своjі (род. ж.), мею, свею (тв. ж.), на св*и* крыльця.

— *и* основное послѣ согласныхъ = *и* среднему въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ въ Бѣль. и Брест., конев*и* (ёви?), молодцёви, по синови, по козаков*и*, на сінови (от сіно), кон*и* (им. мн. а не коні), в ђост*и*, зят*и́*, перстен*и́*, три кон*и́*, двер*и*, теjі пісн*и*, щястя-дол*и*, в Маруси, ан*и*, николи, никому, вм*и*рати, зима.

— Б*у*ти и пр., а не б*и*ти.

— *дж* изъ *д* незамѣтно.

— Гортанные соединяются съ *и* (ы), а не съ *і*: вовк*и*, луhи, воли половеньк*и*ji.

— Спорадически встрѣчаются гортанные вм. шипящихъ: скаhуть (—т, стр. 11; но обыкновенно скажут), керез.

— Шипящіе мягки: дивч*я* (и дивч*е* 23), розвинчяй, плечя, щястя, з'jiждяе, одjiждяють (т. е. *жджя*).

— *ц* твердо (отца, хлопц*и*), но очень часты отступленія: каменець и т. п.

— *р* твердо: писаръ, въ мор*и*, зор*ою*, hорую; но часто—рі, ря и пр.

— *т* въ 3 лицѣ наст. твердо: стоjiт, плачут, но множество отступленій съ ть.

— *ш*то-б—(141, Бездз.), но часто *щ*о.

— Удвоеніе согласныхъ передъ *ье* и др.: hолле, коханне, но и покриване, сниданечко.

— г=h; *л*, в—какъ въ Укр.

— Придыханіе h: hетим серпом (Озяти), hинчі (инші), hочи, hармія, hорол.

— Озьму (возьму), какъ и въ Укр.

— *в* изъ h въ товді (Дорогич.).

— *н* изъ *л* въ ламнецця (82).

— Написаніе сонико, если оно вѣрно, предполагаетъ произношеніе сон*и*йко, сон*е*йко (изъ соненько).

Мартъ, 1870 г.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
9	29	бья или бj	бъя или бjjи
10	2	со слѣдующимъ *о*,	со слѣдующимъ *о*;
15	35	идзёто	идзёшо
18	11	Не сомнѣнно	Несомнѣнно
25	18	прилдагательнаго	прилагательнаго
26	22	скаго, добыты	скаго добыты
29	20	къ чимъ	къ нимъ
35	12	по фактическому	но фактическому
—	»	языкозначенію	языкознанію
39	29	сочетанія	сочетаніе
—	30	языку;	языку:
40	13	про чбрний	про чбрный
42	9	*ѣ—е*	*ѣ=е*
60	8	сходной	сходно
99	34	Придыханіяв—	Придыханія—*е*
100	22	помѣщено	помѣщены
106	2	припадзимъ	принадзимъ
—	18	какъ въ Укр.	какъ въ Укр.;
108	15	со звукомъ, j	со звукомъ j,
111	4	нешпешна	нешпетна
121	21	просыув	просыу ся
129	7	орешье	орешье
129	8	орэшье	орешье
130	21	в сигнити	в сигніти

Въ Книжномъ магазинѣ В. В. Заленскаго и К° въ Харьковѣ продаются слѣдующія сочиненія того же автора:

Два изслѣдованія о звукахъ Русскаго языка: о полногласіи и звуковыхъ особенностяхъ Русскихъ нарѣчій. Воронежъ. 1866 г. Цѣна 75 к.

О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкѣ. Воронежъ. 1864 г. Цѣна 25 к.

О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. Москва. 1865 г. Цѣна 1 р.

О Долѣ и сродныхъ съ нею существахъ. Москва. 1867 г. Цѣна 30 к.

О Купальскихъ огняхъ. Москва. 1867 г. Ц. 25 к.

